

Елена Свительская

Фестиваль твоей души

16+

Елена Свительская

Песня моей души

«Автор»

2019

Свительская Е. Ю.

Песня моей души / Е. Ю. Свительская — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10634-5

Три страны из Белого края враждовали уже полвека. Много народу полегло, много сил потратили, ненависть разгоралась только ярче. Но среди сирот из простого народа была одна девушка. Не маг. Не воин. Самая обычная. Но она мечтала остановить войну...

ISBN 978-5-532-10634-5

© Свительская Е. Ю., 2019

© Автор, 2019

Содержание

История Алины	6
«Прежде, чем сделать шаг»	6
История Кана	39
«Трудный выбор»	39
История Алины	85
«Необычная помощница»	85
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Даже если весь мир против нас,
Если солнца свет вдруг погас,
Расцветают надежды цветы.
В них живут золотые мечты.

Нет цены в жизни тем мечтам,
Ведь ни золото и не меч там.
Там живут добро и любовь,
Там не проливается кровь.

Только если найдётся дурак,
Что мечтает да и живёт так,
Всколыхнётся вся жизнь вдруг,
Разорвётся замкнутый круг.

Может, только на миг он
Приведёт в явь прекрасный сон.
И прославится сам в веках,
Как герой, потерявший страх.

Только редко свои мечты
В жизнь впускаем я и ты.
Мы считаем: сильно зло.
Так оно в мир заползло.

Где же, где же ходит дурак?
Тот, который не думает так?
Тот, кто впустит в мир мечты?
Друг, им можем быть я и ты.

*Посвящаю эту книгу
моему любимому Учителю, Симакову Владимиру Николаевичу.
И моей любимой бабушке, Шепелевич Галине Фёдоровне.*

История Алины

«Прежде, чем сделать шаг»

Вечер, скоро уже начнёт смеркаться. На площади близ трактира стоят двое: хмурый подросток с протянутой рукой, да малышка лет четырёх, вцепившаяся ему в штанину. Прохладно сегодня. Покрапывает дождь.

– Есть хочется! – вздохнула девочка. – Ром, а Ром?.. Мы сегодня есть будем?

– Если подадут – будем, – сурово бросает её спутник.

Они стоят. Стоят. На город напалзают сумерки, поверх грязного и негрязного, покрывая дома в скучный серый цвет.

– Бра-а-а-тец! – малышка уже ноет, трясёт его за штанину. – Я есть хочу! Браатец!

– Ну... – он устало смотрит в умоляющие синие глаза, задумчиво взъерошивает свои длинные, криво отрезанные волосы. – Собаку, что ли, поймать?..

– А зачем собаку? – глаза расширяются, малышка недоумённо хлопает ресницами. Потом лицо её озаряется. – Ой, собаку?! Мы с ней будем играть!

Он смотрит на сестру и хмурится. Добавляет строго:

– Знаешь, я, кажется, вспомнил. Знакомого, у которого могу попросить еды. Только мы тебя сначала спрячем, ладно? Он терпеть не может маленьких девочек. Сам не знаю, почему.

– Может, со мной хоть подаст? Меня ж жалеют иногда, – шмыгает носом.

Устало улыбнувшись, взъерошивает русые волосы на её голове.

– Но он их почему-то не любит.

– Ну ладно, – она опять шмыгает носом, смущённо тербит его штанину. – Только ты быстрее приходи, ладно? А то ты в прошлый раз как ушёл, так тебя всю ночь не было! Я так испугалась! Так страшно сидеть там одной было! – она задумчиво тербит его штанину: – Ром... А Ром?..

– Ну, чё те, сопля?

– Ты только сразу уходи, если он драться будет, хорошо? А то ты в тот раз пришёл такой исцарапанный, будто свалился на кота. Ты ещё тогда такие вкусные мясные пирожки приташил. Ну, помнишь? В подорожнике? Ты сказал, что если жаренное мясо завернуть в подорожник, то это как пирожок. И таких больше ни у кого нет...

Дверь трактира открылась, и на улицу вышел мужчина средних лет, шатающийся. Задумчиво почесал сытое брюхо. И взгляд его уцепился за синие глаза девочки.

– У-у, щенки! – заорал он. – Поразвелось тут! Зыркают, гляди, на меня!

Девочка спряталась за мальчика. Тот мрачно, в упор, смотрел на пьяного. Мужчина, матерясь, спустился было с крыльца, пошёл по улице. Потом что-то остановился, обернулся. Опять наткнулся на синие глаза, выглядывавшие из-за ноги подростка. И, просмотрев в эти синие глаза долго-долго, мужчина вдруг развернулся, подошёл к ним.

Девочка, с надеждой улыбнувшись, выскользнула, протянула ладошку. И, вскрикнув, упала на мостовую, получив сильную затрещину.

– Новодальцы! Проклятые новодальцы! – взревел пьяный. – Чтоб вам пусто было!

И снова замахнулся.

Он был высокий, здоровый. А подросток был худой, невысокий. Он сразу оценил, что противник ему не по зубам. Подхватил сестру на руки, дёрнулся было к спасительному переулку. Только не добежал. Не убежал. Упал со вскриком, роняя малышку. И в отчаянии, сделал то единственное, что ещё мог: заслонил её собой. И терпел все удары, надеясь, что этот гад выпустит злость и уймётся.

Девочка испуганно смотрела на брата. На то, как верхняя светлая его рубаша с неловкой красной вышивкой – она для него старалась, вышивала у ворота и рукавов, а он принял с радостью, будто королевский то был подарок – стала грязной от следов ног нападавшего и от пятен крови. Такой грязной, что походила на нижнюю серую рубашу, чьи узкие рукава вылезали из-под широких рукавов, заканчивающихся у локтя.

И потом, когда вышел на улицу кто-то ещё, молодой парень, да оттащил озверевшего, дал по морде, а детям крикнул, чтоб убегали, брат подхватил сестру и убежал. На этот раз совсем.

Они сидели в каком-то закутке, дрожа, прижимаясь друг к другу, чтоб согреться. Уже боялись оба пойти за едой. Потом, когда пошла по небу линия зари, и светлеть кругом стало, девочка заметила, что на рубашке мальчика появились красные пятна.

– Ром... – сказала испуганно. – Ты ранен, Ром?.. Тебе больно?!

– Молчи, сопля, – устало улыбнулся он, дёрнул её за косу, полурастрёпанную, с травинками вместо ленты, легонько. – Нет, не ранен я. Не реви. Он просто меня на мостовую толкнул. А там кто-то ягоды рябины рассыпал. И я их раздавил своим телом, – он натянуто улыбнулся. – Ну, ничего, сопля. Рубашку выстираем.

Прижал её к себе, вздохнул.

– Ром... – послышалось тихое из-под его объятий.

– Ну, чё тебе? – уже сердито проворчал он. – Поспи.

– А разве бывает рябина такая красная?

– Ну, может, не рябина. Калина. Я не успел рассмотреть. Поспи.

Она какое-то время молчала, потом завозилась. Пожаловалась:

– Не спится мне.

Он, тяжело вздохнув, погладил её по голове дрожащей рукой и запел:

Даже если весь мир против нас,
Если солнца свет вдруг погас,
Расцветают надежды цветы.
В них живут золотые мечты...

Хлопнула дверь. Проворчали:

– Дрыхнет, зараза!

А потом подошёл кто-то к кровати с подсвечником. И чья-то рука вцепилась мне в волосы, рванула.

Заорав, села. И испуганно застыла.

Возле кровати стояла Немира. И в комнатку для слуг набилось много народу. Посмотрела на подругу растерянно:

– Ты чего это?

А она рванула резко меня за волосы, стягивая на пол. Выпустила волосы, пнула меня.

– И ты ещё спрашиваешь, гадина?! У-у, дрянь!!!

Из того, что они кричали, пока били меня, поняла, что у хозяина пропало кольцо с рубином. И обшарили весь дом, ища вора. И каким-то неведомым образом нашли пропажу в моём узелке! Ужас, меня объявший, трудно передать словами! Я не сумела толком объяснить, что была ни при чём, да и не больно все хотели мне верить.

Меня избили и вышвырнули за ворота. Уж не знаю, день или больше провалялась у дороги, в грязи, без чувств. И никто не подошёл, не привёл в сознание, не попытался облегчить мою участь. Всем было всё равно, кто я, что со мной случилось. Когда я очнулась, только только начало светать. Около меня стояла и презрительно усмехалась Немира.

– Так тебе и надо, гадине! – прошипела подружка. – Вздумала увести его у меня!
– Кого? – я с трудом приподнялась.

Девушка мстительно наступила мне на руку.

– И не надо строить из себя невинность! Ты хотела занять моё место в его постели! Чтобы он тебя одаривал драгоценностями и ласками! – и пнула меня.

Я откатилась, до крови закусила губу, чтоб не расплакаться. Она сама же меня в этот дом привела, когда увидела ревушую на улице! А теперь, выходит, подставила, приревновав к хозяину, с которым спала!

Тот лис и ко мне подкатывал. Подошёл, когда мыла пол, вздохнул с трагизмом:

– И как это такие прелестные ручки держат такую дрянь? – он брезгливо посмотрел на тряпку, которую я как раз выжимала над ведром. – Мне жаль их обладательницу. Ох, как жизнь несправедлива!

– Вполне приличная судьба, – проворчала я, скромно опуская глаза. – Есть и похуже.

– Это какая же? – не отлипал мерзавец.

– Сажать деревья в Памятной роще: за мужа, отца, братьев, погибших на войне или за своих детей, мать или сестёр, не перенёвших голода или известия о тех, кто переступил Грань.

– Выходит, ты никого ещё не теряла? – он прищурился, впился взглядом в моё лицо. – Или у тебя нет никого?

Тихо ответила:

– Мать и отец ушли к прародителям так давно, что я их совсем не помню. А друг ушёл позже. Ну да есть ли в нашей бедной стране человек, который никого не терял?

– Значит, о тебе не кому позаботиться? – в голосе графа появилась радость.

– А мне и не нужна ничья помощь, – сердито взглянула на него. – Руки и ноги есть, голова работает. Проживу!

– Я бы мог избавить тебя от этой грязи, – многозначительная улыбка.

– Знаете, она мне очень даже по душе.

– Она – лучше, чем я? – аристократ растерялся.

– Грязь такая, какая есть. Она не обманет, – как ни старалась, сказала слишком горько.

– Да я-то что? – он изобразил обиженную добродетель. – Думал, что красавица не прочь найти плечо, о которое можно опереться. Я, признаюсь, впервые увидел такую красивую девушку. Знаешь, даже что-то в сердце вдруг ёкнуло. Наверное, я влюбился, едва увидел твои синие глаза! Возможно, мои слова покажутся странными, но никогда прежде я ни в кого не влюблялся, а ты...

Ничего необычного в словах его не было. Меня удивляет, что девушки и женщины век за веком клюют на эту старую песню?..

К моему счастью, графу очень нравилось играть в доброго человека: он оставил меня в покое. Я продолжила работу.

Так, я избежала его приставаний и неприличных предложений, на время или насовсем. Но зато не смогла предотвратить обман его любовницы. Или они это вдвоём придумали для меня? За строптивость?..

– Думаешь, мне легко жить? – с ненавистью сказал Немира, обнимая плечи, будто ей стало зябко. – Да если б не он, я бы сдохла с голода на улице! В грязи, среди этих противных пьяных чудовищ! А ты вздумала украсть моё счастье?!

С обидой выдыхаю:

– Да я лучше в омут головой, чем к такому счастью! – и сплёвываю ей под ноги.

Она отскочила от меня, как от змеи, умчалась в дом. Первая и последняя моя подруга. Наверняка, кольцо – её рук дело. Надо уйти, пока не пришли слуги с палками, не набросились на меня. Вот только сил подняться нет.

С трудом села незадолго до возвращения Немиры. Служанка бросила в грязь возле меня шерстяную шаль, гребень и узелок – то, что я скопила за время трудов в этом проклятом месте – и плюнула мне в лицо. Затем обругала меня, как иные пьянчуги из самых бедных улиц редко дерзнут сказать – и ушла с гордо поднятой головой. Я стёрла плевок, обняла колени и заплакала. Очень хотелось оказаться подальше от этого места, но сил не было, а ушибы очень сильно болели.

Неожиданно пошёл дождь, смыл с моего лица слёзы. Вдохнув влажный свежий воздух, почувствовала облегчение. Как-то сумела собрать свои сокровища и похромала прочь от этого места.

Дождь всё лил и лил... Люди попрятались, так что никто не попался мне по пути, не покусился на мои вещи, не попробовал сорвать на мне злость. Добралась до фонтана, помыла в его чаше шаль, гребень, орехи, купленные накануне злосчастливого дня и толстую шерстяную безрукавку, полотенце, подаренные мне бывшей поломойкой, пока та ещё была в сознании. Сидела на бортике фонтана, ела вымытые орехи, куталась в длинную безрукавку и шаль. Вся моя одежда была мокрая, но благодаря дополнительным слоям ткани моя фигура не так явственно выступала под прилипшим платьем. А воздух был чист и почему-то, вдыхая его, я чувствовала себя свободной и самую каплю счастливой. Казалось, смогу подняться в небо и улететь далеко-далеко...

Нет, пожалуй, одна хорошая вещь во всём этом была: я смогла увидеть во сне Ромку, моего названного брата и единственного защитника. Снова увидела тот день, когда он врал, что капли крови на его рубашке – это сок раздавленных ягод рябины. А я, глупая, тогда ему верила.

Ромка... милый мой, добрый, ворчливый Ромка!

Он сгорел при пожаре, которого случайно смогла избежать я. Тот пожар мне сначала часто снился, вместе с его напуганным лицом, вместе с его вскриками. А потом – всё реже и реже. Я ненавидела те кошмары, но только благодаря им могла хоть ненадолго вновь встретить его.

Дождь всё лил, лил... Пожалуй, надо убраться подальше от этого проклятого дома. Ну, не срослось с работой, так не срослось.

Только сил у меня хватило лишь дойти до следующей улицы, до старого дуба. Под его ветвями провела ночь. И, только лишь села в объятия корней, как откуда-то пёс вышел, большой и лохматый, мокрый, сорвавшийся с цепи. Деловито осмотрелся, меня заметил – и ко мне уверенно потопал. Оторвался, значит, сильный. А я слаба. Но сил, чтобы бежать от него или пугаться, не осталось. А он... просто подошёл, сел прямо рядом со мной, головой мне в колени уткнулся. Чужой вроде пёс. Но добрый. Тёплый. Посидели рядом, я его погладила. Потом меня сон сморил. Чувствовала, как рядом мохнатое и мокрое завозилось, легло спиной к моему животу. Так и проспала, согревая друг друга.

И когда проснулась, улицы были уже дочиста вымыты дождём: дождь трудился до рассвета, без перерыва, очищая улицы от злых людей и мусора. Мне почему-то вспомнились старинные легенды о том, что мир наш как-то чувствует и думает, что ему не безразлична наша участь. Глупости, конечно, но этот дождь пошёл так кстати. Мириона, если ты это сделала из заботы обо мне, спасибо тебе! И пёс этот, сбежавший на волю из заточения, тоже меня выручил.

Мы ещё посидели рядом с моим нежданным ночным спутником. Я его погладила. Он томно жмурился, хвостом вилял, держа свою лохматую, подсохшую уже, но всклокоченную морду на моих коленях. Тёплый... А потом поднялся и, махнув мне на прощание хвостом, по своим делам потопал.

– Спасибо, друг, что помог пережить эту ночь! – тихо сказала я ему вслед.

Зверь обернулся, будто услышал и понял, взглянул на меня серьёзно. Хвостом махнул на прощание. И спокойно, уверенно ушёл.

Чуть погода, дошла до лавки, торгующей всякими вышитыми вещичками. И с грустью, чувствуя себя страшно виноватой перед девушкой, ушедшей за Грань, продала её подарок, полотенце, которое бедняга украсила дивным узором. Для графа она так старалась, в которого безответно была влюблена, но он даже не прикоснулся к подарку.

Половину денег потратила на еду. Перекусила. Завернула покупки в шаль. Взяла узелок подмышку, поправила безрукавку – и покинула ненавистный город.

Солнце светило ярко, быстро высушило мою одежду, пока я поджидала недалеко у ворот приличных попутчиков. Спустя час или два из города вышла лошадь с загруженной телегой, а вокруг неё переезжающая семья: муж с мечом у пояса, жена с кочергой в руках и четыре дочери. Самые мелкие девчонки, двойня, ехали на телеге. Старшие были вооружены веником и кухонным ножом.

– Куда направляетесь? – спросила я.

– В Средний, – объяснила женщина, с подозрением меня оглядывая.

– Значит, нам по пути, – радостно вздыхаю.

Мужчина было заворчал, но жена его заткнула:

– Если что, я ей скалку дам. Вдруг девица нам пригодится?

Горожанин почесал затылок, затем разрешил мне идти с ними. Я двинулась шагов за пятнадцать от них. Вскоре дорога юркнула в лес. А там травы, деревья и птицы справляли середину весны. Вдыхала аромат цветов, который заботливо приносил мне ветер, слушала щебетанье из крон. И не смотря на боль в ноге, на хромоту, на усталость вдруг почувствовала некое странное ощущение, чем-то схожее со счастьем. Слушала брань супругов, дребезжание вещей в телеге, сказку, которую старшая девочка рассказывала младшим...

Спустя часок или более я опять припомнила Ромку, его песню, врезающуюся мне в память. И, не удержавшись, запела:

Даже если весь мир против нас,
Если солнца свет вдруг погас,
Расцветают надежды цветы.
В них живут золотые мечты.

Девчонка примолкла, малышня было надулась и хотела разреветься. Я улыбнулась им – и они передумали обижаться.

Нет цены в жизни тем мечтам,
Ведь ни золото и не меч там.
Там живут добро и любовь,
Там не проливается кровь.

Супруги перестали браниться, прислушались. Обрадовавшись их вниманию, я ещё более старательно продолжила:

Только если найдётся дурак,
Что мечтает да и живёт так,
Всколыхнётся вся жизнь вдруг,
Разорвётся замкнутый круг.

Может, только на миг он
Приведёт в явь прекрасный сон.
И прославится сам в веках,
Как герой, потерявший страх.

Женщина обернулась, улыбнулась мне. Вздохнув, продолжаю:

Только редко свои мечты
В жизнь впускаем я и ты.
Мы считаем: сильно зло.
Так оно в мир заползло.

Где же, где же ходит дурак?
Тот, который не думает так?
Тот, кто впустит в мир мечты?
Друг, им можем быть я и ты.

Жена одарила меня ещё одной улыбкой, когда я замолчала. Её муж шагнул к телеге, вытащил из какой-то корзины свёрнутый блин и, невзирая на протесты хозяйки, отдал мне. Я поклонилась и быстро съела угощение, внутри которого оказалось вишнёвое варенье. Моё любимое.

Некоторое время я шла за ними, слушала сказки старшей дочери. Потом очень устала и устроилась в лесу, недалеко от дороги, на отдых.

Хотя и спряталась за густые кусты, все равно меня обнаружили какие-то заросшие, грязные, пахнущие вином мужчины. Они отобрали у меня еду, безрукавку, шаль, гребень. И надругались бы, не услышь шум впереди. К счастью, это стражники разыскивали их: они уже не в первой обирали путников на этой дороге. Догнали, связали и потащили в Черноград, который я только что покинула. А вещи мои мне не отдали. Да я и не решилась спросить: вдруг не поверят, что то мои?..

Я побрела лесом, недалеко от дороги, размазывая по лицу злые слёзы. Силы кончались, еды не было, в лесу здесь ягоды уже все собрали. Тело, душа жутко устали. Потом захотелось пить. Различила где-то в глубине леса шум ручья, направилась к нему.

Каждый шаг давался с трудом, тело болело, молило об отдыхе. Иногда появлялся страх натолкнуться на какого-нибудь дикого зверя, змею, но в эти мгновения они не казались мне противными. Они не плюют в душу, всего лишь заботятся о себе и своём потомстве. Пожалуй, не так уж и дурно сгинуть здесь, под это дивное птичье пение и музыку листвы.

До ручья я не дошла. Ослабев, упала на землю. Летний зной, ленивое птичье пенье и журчание воды пропали.

Что останется от меня, когда моя душа расстанется с телом? Тело съедят лесные звери. Память обо мне? Но кому интересна короткая жизнь простолюдинки? Может быть, только её родным. Но у меня их нет. Может, и к лучшему, что я так рано переступлю Грань? Мне надоела моя тусклая, никому не интересная жизнь. Я устала от тяжёлого труда. Мне противны люди. Ведь тем троим было видно, как я худа, как слаба. Понятно, что у меня ничего нет кроме грязной сумки со скудной едой. Но они отобрали её. Если бы только у меня осталась еда, я могла бы добраться до Среднего города, найти какой-нибудь честный труд! Если бы я не была горда, я бы на всё согласилась, чтоб получить возможность выжить. Нет, это к лучшему, что я сегодня уйду, может, за Гранью мне встретится мой единственный друг, возможно, увижу там мать и отца, других моих родных. Я их никогда не видела.

Есть ли в мире что-то сильнее времени, что-то, оставляющее в нём надолго свой след? Есть ли какая-то сила, способная всё изменить, исполнить мою мечту? Глупая и наивная мечта раннего детства. Мечта о том, чего никогда не случится: чтобы кто-то примирил Враждующие страны, и жизнь маленькой девочки в одной из них стала лучше, а люди – добрее.

Отдай бы мне кто-то хоть каплю силы, с которой удаются чудеса – и я бы исполнила ту мечту, то крошечное светлое пятно среди унылых и грустных воспоминаний моей короткой жизни! Даже если бы никто потом не узнал, кто совершил чудо, даже если бы взамен у меня попросили всю оставшуюся жизнь или почти всю, я согласилась бы поменять всё на эту каплю! Слишком устала от окружающей жестокости и ненависти. Они не оставляют в сердцах людей места для жалости и сочувствия.

– А если б у тебя появилась сила, которая могущественнее магии и оружия, если б ты могла с нею остановить вражду, ты бы сделала это? Хотя бы попыталась? – послышался рядом со мной ласковый женский голос.

Кажется, уже ослабел мой разум: мне мерещится чей-то голос. А, может, кто-то действительно стоит подле меня. Вот только эти слова о силе... разве есть во всей Мириионе такая сила?

– Я очень хочу тебе помочь, не гони меня! – взволнованно произнесла незнакомка.

Может быть, ты и в правду желаешь помочь кому-то. Но можешь ли?.. Да и мне не подняться, не выжить.

– Ты поднимешься и окрепнешь.

Ты говоришь так уверенно...

Ох, да ведь я ничего ей не сказала! Я только подумала, а женщина ответила, будто знала о моих мыслях!

Открыв глаза, перевернувшись на спину и, с трудом приподнявшись, не обнаружила никого около меня. Среди деревьев была видна дорога, какие-то путники. Им нет никакого дела до меня, но стоит мне навечно закрыть глаза, как они подойдут посмотреть, нет ли у меня чего-то ценного. Я... мечтаю примирить три страны, которые по всему Белому краю прозвали Враждующими странами, в чьё перемирие никто не верит, лишь только ждут с любопытством, чтоб посмотреть, какой из народов уничтожит другие. В том числе, и для таких людей. Зачем?..

– Не отступайся от мечты! – пылко сказала странная женщина. – Я попробую привести к тебе того, кто захочет тебе помочь!

Как будто она стояла в шаге от меня. Но мои глаза не видели её.

Это видение дало мне силы, чтоб подняться, чтоб опять вцепиться за ускользящую жизнь. Но после пяти шагов я опять упала. Сознание ускользнуло...

Чья-то ладонь скользнула по моей щеке. Я испуганно открыла глаза. И с криком попыталась оттолкнуть мужчину, склонившегося надо мной. Мои руки были слишком слабы и не могли послужить защитой, но незнакомец сам отодвинулся, огорчённо цокнул языком. И с грустью спросил:

– И куда ты в таком состоянии поёрлась, красна девица?

Издёвку он спрятал так старательно, что я почти поверила в её отсутствие.

– Рад, что магический слой в этом месте порвался, и заклинание выбросило меня сюда, – добавил мужчина, изучая моё лицо.

Предпочла бы, чтоб около меня сидел и облизывался волк или медведь, а не этот человек. Хоть и маг, а что у него в голове одному миру известно. И вообще, магов я прежде ни разу не встречала: их во Враждующих странах не было.

Незнакомец покопался в сумке, достал глиняную кружку, много мелких мешочков. Сходил к ручью за водой. Я с трудом села. Доползла к кинжалу, оставленному шагах в пяти от меня. Когда мужчина вернулся, то застал меня за безуспешными попытками вытащить оружие из ножен. Медленно наклонился и поставил на землю кружку, заполненную до краёв, причём, ни

капли не пролил. Спокойно и требовательно протянул руку. Пришлось отдать кинжал. Эх, что за невезенье: даже оружие из ножен вытащить не смогла! И сбежать не сумею. Что он захочет, то со мной и сделает. Не пожалеет. Лучше бы это был лютый зверь. Тот хоть в душу не нагадит.

К моему удивлению, маг вытащил нож из кинжала и положил возле меня.

– Если это тебя успокоит – одолжу. А хочешь – бери насовсем.

Он сел поодаль, со стороны оружия своего же, как будто чтобы мне удобнее было его ударить. Спокойно развязал вышитую незнакомым узором сумку, вытащил из неё несколько маленьких пучков с травами, распихал по карманам штанов. Вытащил две склянки, сложил в один карман. Порывшись, извлёк сложенный кусок бумаги, спрятал под рубаху, потом, к моему удивлению, опустил раскрытую сумку передо мной. В нос попал нежный запах свежесвеженного хлеба – и в глазах на миг помутнело.

– Это всё тебе: и еда, и сумка, – сказал незнакомец, тепло улыбаясь. – Тебе сейчас труднее, чем мне.

– Это шутка? – надо мной уже смеялись раньше, дразнили едой.

– Нет, – мужчина посерьёзней, добавил грустно: – У тебя измученный вид. Только всё сразу не съдай, сначала немного попробуй. После долгого голода опасно сразу наедаться до отвала.

Едва сдержалась, чтоб не вытащить хлеб, чтоб не вцепиться в него зубами. Недоверчиво посмотрела на путника:

– А что ты потребуешь взамен?

– Ничего, – дружелюбная улыбка, – я просто хочу тебе помочь. Когда-то сам едва не протянул ноги от голода.

С чего это незнакомец обо мне заботится? Небось, была б уродиной – и не посмотрел в мою сторону. Оставил бы тут подыхать.

Он вдруг сказал:

– Ты права: я небескорыстно тебе помог.

Мои пальцы невольно потянулись к рукояти чужого кинжала.

– Споёшь мне какую-нибудь песню, – мужчина подмигнул мне.

– А на что тебе моя песня? – недоверчиво хмурюсь.

– А на что в жизни есть красота? – фыркнул он. – Чтоб радовала глаз как небо на закате и одарила нас надеждой как дня нового рассвет. Чтоб грела наши души как солнца нежный свет, – тут он с досадой хлопнул себя по лбу. – И что это сегодня из меня какая-то ерунда лезет?!

У меня вырвалось робкое:

– Красиво вышло.

– Нет, это слабо, – произнёс мужчина со вздохом. – Я куда более старательных менестрелей встречал. И куда лучшие стихи.

Устроился с флягой шагах в десяти от меня. Вытащил платок, смочил водой, сказал:

– На, оботрись, красна девица, – и кинул.

Я только руками всплеснула. И быть бы белоснежной нежной ткани на земле или на одном из редких кустиков травы, не попади маг мне им прямо на колени. Меткий.

Пока обтирала лицо, затем шею и руки, странный иноземец выкопал из своей большой сумки деревянный гребень. И только я закончила с очищением, как он забросил его мне на колени.

– Причешись-ка, красавица.

С подозрением посмотрела на мужчину. Он с обидой заявил:

– Вот хочу – и делаю доброе дело, – и тут же засмеялся.

Редко я слышала такой смех, от которого самой хотелось улыбаться или расхохотаться. А у него вышел. Вообще, мне полагалось испугаться и насторожиться, что он ко мне подкра-

дывается, как кот к гнезду, но почему-то страх не рождался. Наоборот, душа моя тянулась к иноземцу. Чем же меня околдовал проклятый маг?

Мужчина тем временем засыпал разных трав в кружку, благо там образовалось место после смачивания платка. И что-то зашептал. Тут бы мне и подняться, убежать, да слабость сковала тело, даже встать мешала. И только пальцы судорожно сжимали рукоять ножа. Маг как-то вскипятил воду без огня, держа кружку между ладонями. Подошёл ко мне – я напряглась – поставил передо мной.

– Выпей, станет легче.

Вот прямо сейчас! Очень мне надо что-то пить из рук незнакомого человека! Мужчина смущённо помялся, потом сам отпил два глотка.

– Это не яд, видишь?

Угу, задурманит мне голову, поиграется как с игрушкой, бросит.

– Такая сложная жизнь, да? – спросил он с грустью.

Что-то в моей душе дёрнулось. И почему-то возникло ощущение, что иноземец говорит искренно. А вообще, маг мне чем-то нравился, пусть даже это только действие заклинания. Уж лучше с этим заботливым человеком первый раз лечь, чем с кем-то другим, и, может статься, насильно. Мужчин осталось намного меньше после многочисленных битв. И, может статься, что мужа себе найти не сумею. Да и приданного у меня никакого нет. Кому нужна такая? Разве что тому мерзкому аристократу, временной подстилкой. Но я так не хочу.

Поколебавшись, взяла кружку левой рукой и выпила отвар. Ждала, что голову накроет туман, что меня толкнёт в его объятия, но вместо этого мои пальцы разжались, выронили и кружку, и нож, а веки как-то сами собой слиплись. И последнее, что почувствовала: как меня поймали его руки, вроде и не мускулистые особо, а сильные...

И то мне чудился резкий Ромкин смех, то бородатое мужское лицо с пронзительными синими глазами, то хриплый голос пел: «Нет цены в жизни тем мечтам, ведь ни золото и не меч там...», то как будто касались моих волос мягкие женские руки да шептал нежный голос ласковые слова...

А иногда сквозь мрак и холод, сквозь шелест листвы и птичий гам врывается в сознание чарующий звук флейты...

Проснулась, когда солнце стояло точно посередине неба. С недоумением прислушалась к красивой музыке, лившейся откуда-то неподалёку. Протёрла глаза, с удовольствием потянулась, села.

Маг прислонился к дереву, шагах в семи-девяти от меня, и играл. Его длинные изящные пальцы так и порхали по флейте, а взгляд был устремлён куда-то вдаль. Когда он готовил отвар, солнце явно было во второй половине, значит, я проспала почти целый день, а он всё это время сидел рядом и играл! Тело моё чувствовало себя великолепно, казалось, сил хватит пробежать до Дубового города и обратно раз двадцать, а то и тридцать. Да и пятен крови на подоле не было. Значит, не прикоснулся ко мне. Только заставил выспаться.

С удивлением посмотрела на мужчину, увлечённого плетением мелодии. Что-то было точное в его лице, а что-то как будто искусственное. Кажется, прямой длинный нос настоящий и глаза именно серые, а вот всё остальное не то. Тьфу, что за бред лезет в голову?

Он доиграл и уточнил:

– Ты спала почти два дня.

Растерянно уставилась на него. Маг фыркнул и объяснил, не глядя на меня:

– Я слышал, как ты зашевелилась.

И понял, кто, где? А ведь в лесу много разных звуков помимо его мелодии и едва слышного шороха моего платья! Значит, не только маг, не просто разбирающийся в целебных травах, а ещё и музыкант с отличным слухом.

– Наверняка ты голодная. Возьми что-нибудь из сумки, – тихо сказал он, смотря на мелкую птицу, опустившуюся напротив него, не шевелясь, чтобы её не спугнуть. – Сколько хочешь: я потом ещё себе еды куплю, – и опять заиграл.

В сумке у него обнаружилось много сыра, хлеба, орехи, маленький кувшинчик с мёдом, большой – с молоком, закрытый деревянной пробкой с красивым узором, пряники, сушки и много разных мешочков с травами. Я с грустью заткнула кувшинчик с мёдом крышкой. Иноземец прервался, бросил на меня быстрый взгляд, сказал:

– А хочешь – всё съешь. Я сумею заработать на новую еду. А у тебя, похоже, нынче с деньгами и кровом тяжело. Возьми моё, – и опять продолжил выталкивать из инструмента красивые звуки.

Щедрый. И добрый. Мне б такого мужа! Да на что я ему! А мёд липовый, мой любимый.

Съев половину мёда, опять посмотрела на него, играющего. Он, увлечённый, от занятия своего не оторвался. Чуть погода тихо уточнила:

– Тогда тебе кто-то помог – и потому ты выжил? И потому сейчас мне предлагаешь помощь?

– Нет, мне тогда никто не помог, – грустный взгляд куда-то вдаль, между деревьев. – Я ел траву... – он снова повернулся ко мне, опять улыбнулся. – Мне повезло, так как меня учили, какая трава может быть полезна, а какая – принесёт вред. Если хочешь, могу подобрать для тебя какой-нибудь целебный состав. Но... ты так смотришь на меня, будто бы мне совсем не веришь.

Вздохнув, призналась:

– Знаешь, я отвыкла от человеческой доброты.

Он грустно улыбнулся. Сказал только:

– Понятно...

И снова осторожно поднёс к губам флейту.

А я робко потянулась к его припасам. Раз уж повезло. Вдруг повезло! Как говорится, дают – бери, бьют – беги.

С трудом заставила себя оторваться от еды, чтоб ему осталось хотя бы две трети его припасов. Настроение стремительно взлетело, а простое в общем-то лицо незнакомца показалось мне намного краше, чем на первый взгляд. Если б он позвал меня за собой... Неужели, ты уже влюбилась, Алина? Вот дура!

Почувствовав мой взгляд, маг обернулся и серьёзно сказал:

– Не надейся! Я уйду один.

Синица, до сих пор сидевшая около него, вспорхнула и улетела.

– Почему? – мой голос задрожал.

– У меня есть дело, которое обязан выполнить, – он нахмурился. – И ты бы мне помешала. Так что не забивай голову надеждой и мечтами. Сегодня встретились – сегодня и расстанемся. И больше, наверное, уже не увидимся.

Как будто меня вырвали из объятий приятного сна, облив ледяной водой. Значит, сердце моё уже не на месте. Как глупо! Разве я такая наивная? Он всего лишь помог мне. Когда я совсем уже перестала верить в людей. И трудно сказать, хорошо ли, что мы повстречались или было бы лучше, если б этого не произошло?.. Разум уже не верит в сказки, а душа по-прежнему ждёт, что всё изменится, что после долгого дождя на небе наконец-то покажется радуга. Какая же ты ядовитая и жестокая, надежда!

– Ты ещё встретишь кого-нибудь, – добрый музыкант подмигнул мне. – Как такая красавица может никого не встретить?

Как мне хочется, чтоб во мне ценили не только внешнюю красоту! Впрочем, не уверена, что моя очерствелая душа прекрасна. Может, эта новая боль вызвана всего лишь промелькнувшей и потерянной надеждой? Пройдёт время – и из памяти навечно сотрётся эта встреча.

– Споёшь мне песню на прощание? – дружелюбная улыбка. – Если считаешь, что меня стоит отблагодарить. А нет – и так проживу.

У меня вырвалось:

– А ты назовёшь мне своё имя?

Нахмурившись, маг ответил:

– Даже если мы случайно встретимся, ты меня не узнаешь: сейчас я под одной иллюзией, в следующий раз буду под другой или без неё. К тому же, есть вероятность, что я в ближайшие год-два уйду за Грань. Поэтому не хочу, чтоб ко мне кто-нибудь привязался.

Уж и не знаю, что лучше: если нет ни капли надежды или потеря этого жестокого чувства? А ещё мне очень хочется остаться в его памяти, как изящная снежинка, упавшая на ладонь и растаявшая через мгновение. Или как упавшая звезда, на мгновение показавшая свой яркий хвост, прежде чем погаснуть навсегда. И я запела, обуреваемая противоречивыми чувствами:

Даже если весь мир против нас,

Если солнца свет вдруг погас

Расцветают надежды цветы.

В них живут золотые мечты...

И в эту драгоценную для меня песню постаралась вложить кусочек своей души. Только на строке «Разорвётся замкнутый круг» не сдержалась и заплакала. Отчего песня перешла в плач, с дрожащим голосом и музыкой всхлипываний. На предпоследней строке: «Тот, кто впустит в мир мечты?», я разрыдалась уже непристойно и жалко. Последнюю строку «Друг, им можем быть я и ты» пробормотала, невнятно и некрасиво, оплакивая незадавшуюся жизнь и гибель внезапной надежды.

– Я слышал эту песню лет двадцать назад, когда был в Новодалье, – задумчиво произнёс мужчина. – Только тогда её пели совсем уж сухо.

Морщусь. Он недоумённо взглянул на меня, потом уточнил:

– Уж не в одну ли из Враждующих стран я попал? Это Светополье или Черноречье?

Ворчу:

– Первое.

– А я думал, что в Новодалье... – усталый вздох. – Старею, что ли?

На вид ему сейчас тридцать-тридцать два. Значит, иллюзия делает его моложе.

Сердито спрашиваю:

– С чего бы тут быть Новодалью?!

– Не предполагал, что в Светополье мне споют одну из старых народных новодальских песен, – он смущённо развёл руки в стороны. – Да и есть что-то в твоей внешности от новодальцев. Синие глаза, какие у них часто бывают.

От внезапной догадки даже плакать перестала.

Неужели, во мне течёт кровь одного из этих проклятых народов?! И как только мог Ромка узнать об этой песне?.. Как решился напеть её? Ну да людей около нас тогда не было, да и кто из светопольцев будет интересоваться старинными песнями своих заклятых врагов?

– Даже если так... не всё из жизни и прошлого мы в силах изменить, – добавил маг, заметив ужас на моём лице. – Да, ты их ненавидишь и считаешь врагами. Но то, что твои глаза – синие, не значит, что твоя мать или другая женщина предала свой народ с врагом, – вздохнул. – Ведь её могли просто изнасиловать.

И я уныло потупилась.

Хотя... если совсем уж честно... иногда я думала, что мои глаза потому и получились синими. Но думать о моей связи с врагами было мерзко – и потому я старалась забыть эту мысль и более не думать о ней. И мне даже удавалось не вспоминать. Хотя иногда мужчины выпившие меня цепляли своими ядовитыми шутками про развратную или несчастную мою мать. И неприятно было. И жгло меня то напоминание.

– Похоже, я тебя вконец издёргал, – маг опять вздохнул. – Не хотел, правда! И занесло же меня сюда из-за этого разрыва магического слоя! А впрочем, и хорошо. Ты была близка ко Грани.

Мужчина выудил со дна сумки большое полотенце, завернул туда мешочки с травами, флейту, подхватил узелок:

– Сумку и еду оставляю тебе.

Похоже, сейчас он создаст заклинание и сбежит.

– Назови имя! – взмолилась я. – Хочу для тебя дерево в Памятной роще посадить!

– К чему тебе моё имя? – спросил он серьёзно. – Мы больше не встретимся. А если и встретимся, то я буду скрыт иллюзией, и ты меня не узнаешь. Собственно, на мне и сейчас есть иллюзия.

– И ты... не подашь знака?

Маг кивнул.

– Скажи хоть имя!

– А что... ты хочешь посадить для меня Памятное дерево? – странная, необычайно тёплая улыбка появилась у него, глаза как будто засияли.

Ему интересен этот старинный обычай Белого края?

– Ну... если ты хочешь именно этого, – всё-таки улыбнулась ему.

Взгляд его скользнул по деревьям вокруг меня. Потом он тяжело вздохнул и признался:

– Прости, но я уже много лет никому не говорю моё настоящее имя.

– Почему?

– Для чего кому-то кроме меня его помнить? – его улыбка стала очень печальной. – Те, кому оно когда-то было известно, забыли его. Или их уже нет, – мужчина нахмурился.

– Я хочу желать тебе удачи, добра, здоровья, счастья! Пусть мои пожелания хранят тебя от бед!

Серьёзность, с какой сказала эти слова, удивила не только меня, но и его, вернула на его лицо улыбку:

– Пожалуй, ты единственная, кому моё имя нужно. Только тебе его и скажу, – приблизившись ко мне, маг едва слышно прошептал:

– Я – Кан.

Никогда не слышала такого имени. Собственно, и одежда его была не похожа на ту, что носят во Враждующих странах.

– И всё-таки тебе лучше обо мне забыть, – сказал мой спаситель, нахмурившись.

Я не смогу тебя забыть! Ведь именно ты напомнил мне о том, что в этом мире ещё есть доброта!

Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза – мне почему-то казалось, будто у него и в правду серые глаза – затем он опустил взгляд, будто задумался о чём-то. И неожиданно исчез: наверное, переместился туда, куда и собирался.

Кан... странное имя, такое непривычно короткое. То ли соврал, то ли это его кличка, то ли он сам себя так зовёт, то ли он с Жёлтого края, то ли... Нет, не может быть! По нему не заметно. Ага, под иллюзией можно что угодно спрятать, даже уши, заострённые сверху. К тому же, он в качестве платы попросил только песню. И до того времени, как я очнулась, он с увлечением играл на флейте. Выдумала же, Алинка! С чего бы эльфу снисходить до заботы о тебе? Наверняка он помимо магии увлекается траволечением, музыкой и пением. Как и все

остроухие. И вообще, может, у него такая противная физиономия, что он выучился магии и теперь постоянно носит на себе иллюзии?

Сложила подаренную еду в сумку, туда же запихнула платок. Хотела сунуть гребень, но застыла, присмотревшись к вырезанной на нём ветке, затейливой, венчавшейся мелкими цветками, напоминавшими незабудки. На что мужчине такая милая вещичка? Разве что своей жене, дочке или любовнице нёс. Только почему-то не забрал у меня. Явно этот иноземец любит красивые вещи. И с такой лёгкостью с ними расстаётся, словно сегодня же купит или сделает себе новые! А если он и в самом деле не только в травах разбирается, но и в магии, и в музыке? Что если у него «золотые руки»? Что-то я его идеализировать начинаю. Даже приписала ему рождение в остроухом народе! Мол, слишком талантливый, прям такой талантливый... Тьфу. Алинка, никак ты влюбилась?.. Нет, быть такого не может! Не может быть так и не должно! Он же сразу сказал: не хочу, мол, быть с тобой. А раз он не хочет, разве я могу что-то сделать? Тем более, как мне, самой обычной, поймать мага, который свободно бродит, где хочет?!

Двинулась лесом, на удалении от дороги. Надо было его забыть, но в голову неустанно лезли мысли о Кане. То ли сердце потеряла, то ли не оправилась от потери надежды, то ли он меня манил своей тайной. И поди разберись, в чём причина! Ох, нельзя мне голову терять. Ну его! Пойду в Средний город, найду работу...

А мысли лезли, лезли...

Снова присела. Ещё немного поела, ещё немного отдохнула и, повеселев, продолжила свой путь. Всё-таки, какие-то удовольствия, пусть и скромные, мне доступны. И спасибо жизни за это!

Мне нужно было спуститься с холма и идти по правой дороге. Я давно решила устроиться в Среднем городе. Там должен был найтись какой-то труд и для меня. И туда не часто заглядывали вражеские войска, благо столица была в стороне, так что это было замечательное место. Конечно, и там мне придётся самой заботиться о себе. За десять с чем-то лет я вполне привыкла к своей доле. Однако теперь, стоя на холме, колебалась, не торопясь спускаться вниз. Помнила таинственный голос, обещавший мне помощь и какую-то необыкновенную силу. По правде говоря, спустя столько лет я разучилась верить в чудеса. И в то же время так устала от серых скучных тяжёлых дней, что вдруг помечтала о каком-то чуде.

Где-то сзади хрустнула под чьей-то ногой или лапой ветка. Готова была побежать к деревне, едва кто-то выступит из леса, но никто не появился. Зверей я боялась меньше, чем людей. Звери, в отличие от людей, никогда не смеялись, не издевались, не грубили, не пытались унижить, ударить, не плевали в душу. Острые когти, клыки, желание жить, прокормить и защитить детёнышей – вот и всё, из-за чего их следовало опасаться. К тому же, звери не лгали и не лицемерили.

Мне внезапно вспомнился мой единственный друг. Он был на несколько лет старше, растил меня с младенчества. То ли я была дочкой кого-то из друзей его семьи, то ли он просто подобрал меня, забытую всеми. Парнишка никогда не говорил о том, как стал сиротой, но я не сомневалась: и его родных отобрала многолетняя вражда. Ибо кто, как не она, разрушал семьи и обрывал множество жизней во Враждующих странах? Да и... это прозвище Светополье, Новодалье и Черноречье получили из-за неё.

Друг всегда вступался за меня, не давая в обиду ни взрослым, ни мальчишкам, за что часто получал синяки и ушибы. Трудился, чтобы нас прокормить. Ох, я пошла бы куда угодно, лишь бы встретить его! Увы, он ушёл за Грань в тот пожар. Мне осталась лишь память о единственном дорогом и родном мне человеке.

– Он жив, – послышался женский голос за моим плечом. Кажется, это она говорила о той силе.

Резко оборачиваюсь, но не вижу сзади никого.

- Иди в Дубовый город – и встретишь его, – казалось, незнакомка находится около меня. Будто бы прочитав мои мысли, она добавила:
- Мы с тобой давно знакомы.
- Пытаюсь пощупать воздух. Точнее, схватить невидимую женщину.
- Я справа от тебя.
- Справа оказалось только дерево. Она смеётся надо мной?!
- А ещё слева, спереди, сзади, снизу, сверху. Я везде и в то же время рядом с тобой.
- Врёшь!
- Никогда не вру.
- Ты издеваешься надо мной!
- Я не издеваюсь, Алина. Всего лишь хочу помочь.
- Кричала ей ещё чего-то, пока не сообразила, что она перестала отвечать. И чудно!

В сторону Дубового города сворачивать не собиралась. Была уверена: постою ещё немного, разглядывая деревню, и пойду по правой дороге. А потом... потом я вдруг поняла, что она назвала меня по имени! Она откуда-то знала моё имя! Хотя... если она тоже была из магов, то могла незаметно проследить за мной.

- Проверь! – проворчала странная женщина. – Вам всё покажи да объясни.
- Хочешь, чтоб я пошла не пойми куда? Только по твоим указаниям?
- Было бы проще, ну да ты вряд ли согласишься. А вытолкнуть его к тебе будет сложно. Магичка надолго задумалась.

Не вытерпев, я с сарказмом сказала:

– Значит, ты на это способна? А объяснишь, как его узнать? Столько лет прошло с того страшного дня...

- Да ты сама его узнаешь.

Я её не послушалась – и с развилки выбрала путь в столицу. Верить кому-то, обещавшему силу, верить во что-то, чего сможет примирить Враждующие страны, да и просто верить в чудо – это так нелепо. Скорее я рехнулась от пережитых трудностей. Но как-то горько самой себе в этом признаваться.

Но странная магичка и тут не отстала:

– Тогда ты иди вдоль этой дороги, только у развилки остановись. А я его тебе навстречу вытолкну.

Самой что ли над этой шуткой посмеяться? Да уж больно давит обида. В душу она мне наплевала этим сладким обещанием встречи.

Я двинулась дальше. И ничего не случилось. Проголодалась, спряталась за колючими кустами, перекусила. И мрачно спросила:

- Ну и?

Магичка отозвалась сразу:

– Он пока далеко. Если сейчас заставлю его побегать, то до тебя Роман точно не доберётся. Хотя этот мальчик крепкий, однако ж не настолько, чтоб столько пробежать, да ещё и через лес, от испуга.

- Чего это ему бояться?

- Волков, – спокойно ответила невидимка. – Надо ж его к тебе привести.

Она зверями управлять умеет? Значит, эльфийка!

- Или Мириона, – насмешливо ответила женщина.

Ворчу:

- Или назойливый бред.

К счастью, дорога всё ещё была пустынна, так что наши препирательства не привлекали нездорового внимания.

– Мой голос в Светополье способна слышать только ты, а вот твой...

Ясно, люди меня за сумасшедшую сочтут.

– Просто мысленно мне отвечай, – ласково попросила таинственная собеседница.

Ох, какой у меня бред заботливый! И за что?!

– Ты как поешь, иди дальше. Когда мальчик будет поближе, я тебя предупрежу.

Вот такой он юнец, этот мужчина, которому уже около тридцати лет! Если он выжил в тот день.

– Если я – ваш мир, то для меня все вы, даже старые эльфы и драконы, как дети.

Логично. Только ты уж очень наглая магичка, да ещё и из древних магов, раз так назойливо лезешь. Вот только зря пристаёшь ко мне – я в этой стране никто. От меня тебе никакой пользы не будет.

До вечера мы молчали. Я уж успокоилась, что померещилось с усталости. Но прошло. И ладно. Я ещё немного поживу.

Когда стемнело, забралась на дерево. Всю ночь смотрела на звёзды и вспоминала о друге. Утром слезла, чуть подремала, вслушиваясь в звуки вокруг. Но, к счастью, ни люди злые, ни звери хищные ко мне не подошли. В чём-то повезло. И ладно.

Перекусила и продолжила путь. Уже за полдень услышала:

– Приготовься, Алина! Я его сейчас к тебе подтолкну. Волков доведу до него. О, они на месте!

Жаль мне того светопольца, которого она выдаст за Ромку. Не, лучше бы это был бред. Хоть и странный, но вполне себе дружелюбный собеседник.

Прошла немного, потом ещё села перекусить. Тело усталое требовало еды. А еды – и спасибо тому доброму магу – у меня теперь сколько-то своей было. И как-нибудь уж я проживу.

– Он скоро уже будет тут! – возмущился голос. – Убери еду в сумку!

А зачем?

– Так вам ж надо будет вдвоём от волков убежать! А еда вам пригодится! Всё ж таки ещё не лето.

Что?!

– Приготовься! И прожуй этот сыр как следует, чтоб не подавиться!

Мне от такой её прыти стало не по себе. Даже если это всего лишь мой бред. Мир-то наш неживой, он бы со мною говорить не смог. Вот эльфийка... но на что я ей?!

Но еду на всякий случай убрала в сумку, ту через плечо перекинула, прислонилась к дереву, чтоб удобнее было срываться наутёк. И мысленно обзывала проклятую магичку всеми бранными словами, которые знала. Птицы, как назло, радостно щебетали, не подозревая о моей злости. Или, всё-таки, бред?.. Ну, и чудная же я!

Прошло около часа, но ничего не случилось.

Мрачно спросила:

– И где?

Невидимка ответила невозмутимо:

– Он не в ту сторону побежал, пришлось его разворачивать.

Если это сумасшествие, то у него приличное чувство юмора. Но что мне делать? Вот только своего личного сумасшествия мне не хватало! То есть... ты не думай ничего! Даже если мысли мои слышишь! Я и без бреда своего вполне проживу. Ведь как-то уже жила – и ничего.

Вдруг вдали затрещали ветки. И мне стало как-то не по себе.

– Сейчас выскочит! – спокойно сообщил голос.

А если это магичка, с таким бы удовольствием придушила её за подобные шуточки!

Тут я разглядела между деревьев мужчину, бегущего ко мне. Моё сердце глухо ударило несколько раз, прежде чем я разглядела гнавшихся за ним волков. Ой, мама!

Незнакомец заметил меня, когда между нами оставалось шагов шесть-девять. Подбежал. Схватил меня за руку и увлёк за собой. А лесные охотники бодро бросились за нами. И стало как-то не до разглядывания спутника по несчастью.

– Убери их! – взвыла я.

Мало ли... вдруг она могла? Препираться с жестокой магичкой мне сразу расхотелось. Будь это бред, откуда взяться мужику и волкам?..

Краем глаза отметила, что мужчина как-то странно на меня посмотрел. Ловкая собеседница проворчала:

– Будет странно, если они сейчас вас бросят. Бегите направо, на дорогу, там вам навстречу выедут четверо стражников.

И думать, и сомневаться было некогда: я потянула спутника за собой, тот послушался.

А потом был жуткий бег, широкая шершавая рука, крепко сжимавшая моё запястье, стая опасных тварей за нами, пыльная дорога, солнце, бившее по глазам лучами, да сумка, бившая по боку и ноге. И где-то радостные песни птиц, которым было наплевать на нашу участь.

К счастью, показались всадники, вооружённые воины. Мы рванулись к ним, потом уже незадолго до столкновения с ними ушли в бок, в сторону, обогнули спасителей и полетели дальше. Краем уха уловила сзади брань и рычание. Мы бежали долго-долго, прежде чем рискнули остановиться и обернуться. Пока дорога за нами была чиста. Ну да не видно, что за поворотом.

Предлагаю:

– Может, заберёмся на дерево? Вдруг те всадники уже на земле или ускакали от стаи?

– И пусть к этим серым тварям идут другие путники? – осклабился мужчина, выпуская мою руку.

Киваю. И добавляю:

– У меня почти закончились силы.

Он проворчал:

– Экая ты хлипкая. Впрочем, капля мозгов у тебя есть.

– Что?! – взвыла я обиженно.

– А на хрена ты, дура, одна по лесной дороге шляешься?! – мужчина задумчиво взглянул на меня. – Или ты за смазливое лицо и...

Оттолкнула его.

– Значит, просто глупая, – отметил он, хмурясь. – Давай поищем дерево, на котором можно посидеть и отдохнуть, – и побежал вперёд.

Волей-неволей догнала его.

Вскоре нам попалась приличная старая ива, растущая почти у самой тропы. На ней будет удобно сидеть долгое время. Собиралась сама подняться, но этот гад вдруг схватил меня за ноги и поднял. Я быстро взлетела на нижнюю ветку, потом ещё на одну, на другую, до которой волкам было бы не дотянуться, отодвинулась подальше, чтоб можно было держаться за ветку, не такую уж толстую, но и не совсем тонкую. Свободной рукой прижала к себе сумку, пережившую столько потрясений вместе со мной. Мужчина подтянулся, быстро забрался на дерево, туда же, куда и я, но устроился во впадинке между двумя толстыми ветвями, как в кресле. Какое-то время мы молчали, переводя дыхание. Потом одновременно повернулись друг к другу.

Ему было около двадцати семи-тридцати. Одет как простолюдин. Высокий, крепкий, широкоплечий. Тёмные прямые грязные волосы до плеч, густые брови, нос с горбинкой. Бородка короткая, не слишком ровно подстриженная. Карие глаза, густые ресницы. На левой щеке недавно зажившая царапина. Возможно, выживи Ромка, он бы из прыщавого юноши стал таким сильным мужчиной. И внешне они немного похожи. Но... нет, людям, что магам, что простым нельзя верить. Да и не могу уже после предательства Немиры.

– Что пялишься? На мне цветов нет, и грибы не растут, – проворчал мой спутник.

Отвела взгляд. Какое-то время мы сидели молча, смотрели вниз. Потом я достала из сумки кувшин с молоком, вынула деревянную пробку, с наслаждением отпила несколько глотков.

– Может, поделишься? – спросил мужчина уже ласково и дружелюбно. – У меня в горле пересохло.

Поколебавшись, подвинулась поближе к нему, отдала ему кувшин. Он выдул с половину, довольно крякнул, вернул мне остатки, утёр рот тыльной стороной ладони. И приветливо спросил:

– А ты вообще куда идёшь, курица?

С обидой выдыхаю:

– В Средний, – и отодвигаюсь от него подальше.

– А зачем?

– Может, там будет лучше.

Он проворчал:

– Уж поверь мне: везде хреново. Уж сколько я сандалий и сапогов истоптал, бродя по нашей стране...

Некоторое время мы молчали, потом опять полезла в сумку и, не вынимая руки, отщипнула кусочек хлеба, сунула в рот.

– Поделись, а? – попросил он, сглатывая слюну.

– Чтоб ты и дальше мне хамил?

– Я больше не буду, – пообещал незнакомец, вздохнув.

Поколебавшись, отломил для него кусок хлеба. Мужчина съел дар очень быстро, почти не жуя. Голодный.

– А у тебя кто-нибудь есть в Среднем?

Теперь вздох вырвался у меня:

– Нет, никто и нигде меня не ждёт.

– Может, пойдёшь со мной в Дубовый город? Я тебя защищу, если что.

Скептически оглядываю его.

– Есть чем?

Мужчина слизнул с руки крошки и сжал пальцы в кулак. С досадой признался:

– Нож потерял, когда от этих тварей убежал. Но уж посильнее тебя.

Похоже, он собирался ещё как-то меня обозвать, но покосился на мою сумку и ничего не сказал.

Мы несколько часов молчали. Мне надоело держать сумку – и повесила её на молодую ветку, впрочем, достаточно толстую, чтоб удержала. Солнце почти уже добралось до крон, когда наши желудки почти одновременно заурчали. Я сразу же полезла за едой, мужчина сердито на меня посмотрел. К моему удивлению, еду отбирать не стал. Отвернулся, чтобы не смотреть, как ем. Неужели, у кого-то ещё остались крохи совести и справедливости?! Помявшись, поделилась с ним сыром. Он вежливо поблагодарил и быстро уничтожил свой кусок.

– Похоже, волков убили, – заметил мужчина добродушно, почёсывая трёхдневную бородку. – Можно спуститься.

– Скоро стемнеет. Мало ли кто тут по ночам бродит.

Вообще, меня больше пугала возможность оказаться около него на земле. А тут если полезет, смогу с дерева спихнуть. Или сама свалюсь. Зато гордость моя не пострадает. А потом, если найдётся муж, он хоть каплю уважения проявит, раз уж я сохранила своё целомудрие.

– Дело говоришь, – он не понял мою уловку или прикинулся. – Только сядь поближе ко мне, а то ещё заснёшь, свалишься и шею свернёшь.

Если и придвинулась, то на самую малость, для виду.

Стемнело. Стало холодно и на небе появились редкие звёзды. Глаза слипались. Зевнула, покачнулась и точно упала бы, не подхвати меня крепкая рука.

– Экая ты глупая, курица! – проворчал её обладатель, таща меня к себе.

Я пыталась вырваться, кусаться, но он сжал меня как в тисках.

К моему недоумению, мерзавец не стал меня лапать, а только прижал к себе, чтобы не свалилась и могла как-то сносно уснуть. Или свалиться, если буду уж очень яростно вырваться. Сам-то он хорошо устроился между веток, так что спихнуть его на землю было очень трудно. Я на время притихла, дожидаясь, что он ослабит хватку, а спасительный ножик... вот только было в его объятиях очень спокойно и тепло, а ещё так хотелось спать...

Тело затекло, да ещё и чьи-то руки крепко меня обхватили.

С ужасом открыла глаза, попыталась вырваться, но меня слишком грубо цапнули.

– Свалиться хочешь, дуручка? – прохрипели у меня над ухом.

С некоторым запозданием припомнила события прошлого дня. И уже тихо, но уверенно попробовала выбраться. Спутник отпихнул меня, правда, так, чтоб не упала. Заявил:

– Я из-за тебя всю ночь не спал, так что ты обязана меня накормить.

А, вот с чего такая забота обо мне: он настолько голодный, что у стройной красивой девушки замечает только сумку с едой. Однако ж не отобрал, хотя мог. Пожалуй, мне повезло, что он такой голодный.

Мы слезли, размяли затёкшие тела. Я – молча, морщась и кусая губу. Он – с бранью. Затем поделилась с ним едой. Очень хотелось узнать его имя, но боялась спросить. А то ещё истолкует не так мой интерес, решит, что он слишком красивый, или подумает, будто я набиваюсь ему в спутницы. А раз хочу идти с ним, то, на его мужской взгляд, и постель с ним разделить готова. Эх, как спросить-то хочется! Кого ж это ко мне вчерашняя собеседница вытолкнула?! Просто шутки у неё злые. И оказаться рядом со мной мог кто угодно. Но вот то, что она узнала, что он будет убегать от волков... или сама же и натравила их на него?

Мужчина рыгнул, смахнул крошки сыра и хлеба себе в рот, проглотил, потом поднялся с земли. На дороге всё ещё никто не появился.

– Тебя как звать-то?

С другой стороны, его чрезмерный интерес ко мне тоже ничего хорошего не предвещает. Надо будет от него отвязаться.

– Или мне тебя звать курицей? – съехидничал незнакомец.

Проворчала:

– Моё имя не имеет никакого значения. Всё равно его скоро забудешь.

И торопливо к дороге пошла. Только бы дальше не навязывался! Только бы сумку с едой не отбирал! Да, впрочем, если догонит, попробует, лучше уж сумку забирает себе, чем овладеет мной.

Прошла несколько шагов. Услышала, как приближается к развилке лошадь. Юркнула в кусты и пряталась в них, пока стук копыт не растворился вдали. Затем, продолжая прятаться за всё, хоть как-то скрывавшее меня, двинулась дальше. Обойдя через большой орешник, внезапно очутилась рядом с моим невольным спутником. Он... преследует меня? Не отстанет? Но, впрочем, я отдохнула и, быть может, смогу убежать. Хотя с тяжёлой сумкой бегать неудобно. Тут уже доброта того незнакомого мага вышла мне в тягость. Ладно, сумку можно бросить и убежать налегке.

– Постой... – начал мужчина.

Всё-таки, прицепился.

Испуганным зайцем кидаюсь к дороге. По ней убежать удобнее. Надеюсь, кинжал не полетит мне вслед. Вдруг соврал, что потерял?..

К несчастью, мужчина оказался быстрее. Догнав, он так крепко сжал меня, что стало трудно дышать. Никакой силы у меня не появилось. А так хотелось хоть как-то защититься!

– Глупо в одиночку шататься по лесу, – негромко сказал жестокий путник. – Эй, хватит пинаться! Хочу тебе дело предложить!

Уж лучше бы прирезал, чем предлагал такое. Или избил и отобрал мою сумку с едой. Нет, лучше было сразу после того пожара попасть в когти диких зверей!

Он неожиданно отпустил меня. Не удержав равновесие, упала.

А незнакомец хватать меня не спешил. Сказал торопливо:

– Если дашь ещё хотя бы один кусок хлеба – провожу тебя до следующей деревни. Ты ведь не в эту деревню идёшь?

Подняла голову и изумлённо взглянула на него

– Чёрствый тоже подойдёт, – поспешно добавил он. – Лишь бы не с плесенью. Но лучше с сыром, чтобы у меня хватило сил дойти. И защищать тебя бы лучше мог. С руками голыми мне охотиться несподручно.

На взгляд мой растерянный добавил:

– Я, между прочим, воином и стражником уже служил.

Не удержалась:

– Так где ж твоё оружие, воин?

– А это... – он смутился. – Да проиграл с дури. Чтоб больше я ещё хоть раз притронулся к хмельной отраве! Ни за что!

Я молчала, растерянная внезапным его признанием. Вскочила торопливо. Так сбежать удобнее будет. Он снова заговорил, пытаясь меня уговорить по-доброму расстаться хотя бы с частью моей еды. Или... или лицом и телом соблазнил моими?

– Тебе же выгодно, если провожу. Спокойнее будет. А мне выгодно, что поесть смогу нормально. Меня от лесных даров уже тошнит. Хочется чего-нибудь посерьёзнее, привычного.

На взгляд мой недоверчивый пояснил:

– А отбирать у тебя не хочу. К чему мне, воину, победа над какой-то тряпкой, да ещё и женщиной?

Он... сумел какие-то принципы сохранить? Или меня обманывает? Нет, лучше мне подальше оказаться от него. Хотя бы попытаться.

Шаг сделала в сторону. Мужчина навязчивый, догадавшись, чего у меня на уме, крепко схватил за запястье:

– Ты в какую деревню направляешься?

Морщусь от боли. К моему удивлению, он ослабил хватку. Однако стоило мне попытаться вырвать руку из его железных пальцев, как незнакомец схватил и за второе запястье. Кинжал то ли бросил, то ли куда-то спрятал. Или и правда проиграл всё? Или ничего и не было? Но, всё-таки, он – мужчина. Они сильнее. О, как мне вырваться? А та магичка пакостная теперь молчит. Смеётся, наверное, глядя на меня, пленённую.

– Куда направляешься, спрашиваю?

Не отвечаю. В голове мечется единственная мысль: как бы убежать от него?

– Попадись ты к кому-то – и не сумеешь защититься. Даже со мною справиться не можешь, – проворчал мужчина. – Конечно, и мне не удастся победить многих противников, но со мной идти безопаснее, чем совсем одной. У тебя, смотрю, даже тупого ножа при себе нет.

– Отпусти!

– Тебе же хуже.

– Отпусти! – дёргаюсь.

– Вот упрямая! Иди! Покорми волков. Бедолаги, наверное, совсем голодные, – проворчал мужчина – и разжал пальцы.

Чего ему от меня надо? Когда вновь кинется на меня? Пусть отправит за Грань, но не издевается, не изводит меня!

Путник недовольно нахмурил тёмные брови:

– Чего стоишь? Ведь могу и схватить.

Отступаю от него на несколько шагов.

– Трусиха, – его губы растянулись в презрительной усмешке.

Отбежала шагов на тридцать, но топота и хруста веток за мной не услышала. Обернулась.

Незнакомец спокойно уходил к тому же самому орешнику. Видимо, прятаться. Но... неужели ему нужен всего лишь кусок хлеба?

По дороге застучали подковы. Поспешно прячусь за ближайшее толстое дерево. Кроме быстрых ног у меня ничего нет, что могло бы спасти, столкнись я вновь с какими-то злыми людьми.

Всадники вскоре скрылись за дальними деревьями. О, как же я устала бороться со всем одна! Но всё же не настолько, чтобы выходить замуж за любого предложившего или идти в содержанки к кому-то из богачей или аристократов. Или... ему и правда нужна от меня только еда?.. Станный он! Но мне же лучше, если это правда.

Посмотрела на орешник. Мужчина прежде чем залезть подальше в заросли, вдруг обернулся. Приметил мой взгляд. С мгновение колебался, потом уже дальше побрёл. Но медленно. Будто предлагая передумать и догнать его.

Он голоден был, но еду у меня не отобрал, да и предложил помочь даже за чёрствый кусок хлеба. Редкое благородство, другие заботились лишь о том, как наестся самим.

– Эй, подожди! – бросаюсь к нему.

– Чем угостишь? – похоже, незнакомец ждал, что я передумаю.

– А ты куда идёшь?

– В столицу.

В столицу-то мне как раз и не следовало идти. Вот только отчаяние и усталость от жизни подтолкнули меня на странный поступок.

– А... ты можешь проводить меня до Среднего города?

Он задумчиво взъерошил свои грязные волосы. Потом проворчал:

– Если ты дашь мне очень большой кусок хлеба. Противно идти голодному, без еды, когда рядом кто-то чего-то жуёт. А коренья жрать уже не могу.

Достаю краюху, отламываю половину и протягиваю ему

– Договорились, – мужчина схватил хлеб и вцепился в него зубами, первые куски проглотил, почти не жуя.

Похоже, не ел целый день или больше. Или и в правду жевать коренья да травы опротивело.

Он съел только половину своей оплаты, а оставшееся предусмотрительно спрятал за пазуху. И... не пытался у меня мою сумку отобрать! Неужели, мне повезло? И хотя бы несколько часов спокойствия с защитником рядом будет?

Мы прошли час или два, не обронив ни единого слова. Мой неожиданный спутник внимательно прислушивался и посматривал по сторонам. На мне взгляд незнакомца не останавливался, равнодушно скользил дальше. Отсутствие интереса ко мне немного успокаивало. Надеюсь, таким же равнодушным он будет всё время, пока мы не дойдём до Среднего города.

– Ого, ту землянику ещё не оборвали! – внезапно заметил мужчина и повернул в противоположную от дороги сторону.

Когда увидела много маленьких светло-красных и тёмных перезревших ягод, не удержалась от радостного вскрика.

– У тебя, подозреваю, еды ещё много есть, а у меня только остатки от твоего хлеба, – пробурчал мой защитник.

– Так что, мне и горсть не нарвать?

Он сначала мрачно-мрачно посмотрел на меня – я напряглась – потом задорно мне подмигнул:

– Охота началась. Кто успел – тот и съел! – он присел, достал из кармана штанов большой и грязный платок, хотя и без соплей, а только в пыли дорожной. – Кстати, поторопись, курица. Я своей добычей делиться с тобой не буду.

Застигнутая внезапно этим новым оскорблением, да ещё и когда горсть аппетитных душистых ягод почти уже поднесла ко рту, горсть первую, сорвалась:

– Как хочешь, вредный свин.

Его пальцы разжались – и уже собранные ягоды провалились в грязь под листьями.

– Что... что ты сказала?!

– Н-ничего, – поспешно отодвигаюсь.

Он, мрачно брови сдвинув, проворчал:

– Ты смотри, сопля, я оскорблений больше не прощу!

– Л-ладно, – отодвигаюсь ещё дальше.

Запуталась за ветку подолом, вскрикнула, упала. Запоздало поняла, что подол платьев задрался, обнажая мои колени. Покраснев, села, оправила юбку. Он, как назло, на мои ноги посмотрел. Прикусил губу. Мрачно сжала в руках ветку.

– Какая ты воинственная, сопля! – ухмыльнулся он. – Да хватит зыркать-то! Я уже понял, что живой не дашься, а я потом шрамами от твоих когтей и зубов по всей шкуре буду щеголять! И хорошо, если глаза целыми будут. Короче, жри давай или собирай впрок.

Какое-то время собирала землянику в узелок из маленького полотенца, оставленного магом мне вместе с едой и кувшином молока. Сначала незаметно наблюдала за мужчиной, потом начала посматривать на него всё реже и реже, торопливо разыскивая душистые ягоды.

Как-то незаметно он оказался на расстоянии одного локтя от меня, утащив земляничку, которую не успела сорвать я. Наши взгляды встретились. В карих глазах мелькнуло недовольство.

– Чего пялишься? Не эльф ведь! На мне цветов нет, и трава не растёт! – проворчал мой спутник и начал обрывать ягоды у моей ладони.

Теперь внимательно рассмотрела незнакомца. Его грязные волосы, густые брови, подбородок, нос с горбинкой, щёки, плечи, руки. Он чем-то напоминал мне моего единственного друга. Прошло около десяти лет с того пожара. Да и вряд ли тот выбрался из пламени. Но... почему же я прислушалась к словам той женщины?

Заметив, что я его разглядываю, мой спутник собирался чего-то сказать, но я его опередила:

– На твоей левой руке есть шрам?

– Когда ты успела заметить? – недоумённо спросил мужчина.

Надо же, и у него на левой руке шрам!

– Всего лишь предположила.

Мой спутник собрался прямо по обобраным кустикам земляники отползти к другим ягодам, но я схватила его за рубашку.

– Покажи шрам!

– Чего ты ко мне прицепилась? – насмешливо сощурился. – Или мы уже где-то встречались? Но чем руки просить показывать, ты уж говори сразу, чтоб разделся совсем. Я – мужчина простой, намёки плохо понимаю.

– Я только спросила про шрам, – щёки мои запылали от стыда.

Он посмотрел на меня ещё более внимательно. Испытующе. Я не знала, куда деваться от стыда. Зачем вообще спросила?!

– Вот, посмотри и отстань! – сказал вдруг спутник мой, но голос не сердитым был, а будто растерянным.

Взгляд подняла на него. Он поднял рукав левый верхней светлой рубахи на плечо. И рукав нижней, светло-серой, стал закатывать. Но плотно прилег тот к телу. Тогда мужчина быстро распоясался – я торопливо поднялась, разбрызгивая ягоды, и отступила торопливо, отчаянно нащупывая свою сумку. А он рубашку скинул верхнюю. И нижнюю, рукав раскатав обратно. Тело крепкое, мускулистое. И шрамов много. И... и светлая полоска, отчётливо проступавшая на загорелой коже. Полоска шрама тонкого, начинавшегося на пол ладони выше кисти и заканчивавшегося у середины локтя. Рядом с длинным шрамом был и другой, короткий.

Моя рука, державшая лямку сумки, задрожала. И та выпала из разжавшихся пальцев.

Тот шрам... когда мой друг меня от воинов выпивших выхватил. И лезвие кинжала одного прошлось по его руке. Мы едва убежали в тот день. И он лежал, истекая кровью, а я страшно волновалась, что он совсем перейдёт Грань. И, плача, отрывала ткань от подола моего, но подола бы не хватило, чтобы руку всю ему обмотать. Да и он сердито за запястье меня схватил, остановил. «Не надо, – сказал, – Береги свою честь, сопля». Тогда я оторвала рукава от моего платья, чтобы раны ему перевязать. И два ужасных дня сидела подле него, покуда он боролся со слабостью за свою жизнь. Как я могла забыть тот шрам? Я не могла!

И эта встреча... внезапная эта встреча... это... это случалось только в моих снах! В сладких-сладких снах. Редких. Но передо мной сейчас был не худой угловатый парнишка, а крепкий, широкоплечий мужчина, а шрам у обоих был одинаковый, как цвет глаз и, кажется, цвет волос. Цвет его волос из-за грязи было сложно определить точно. Робко, боясь поверить в случившееся чудо, тихо спросила его:

– Ромка?..

– Ты... – растерялся начал было мой спутник, потом вдруг улыбнулся невольно: – Алинка?! Неужели, это ты?!

По моим щекам потекли слёзы. Метнулась к другу моему единственному, последнему близкому из оставшихся в моей жизни, обхватила его шею руками, уткнулась лицом в его грудь и зарыдала. Между всхлипами то и дело повторяла драгоценное имя:

– Ромка... Ромка...

Роман дал мне нареветься вволю, потом легонько щёлкнул меня по носу:

– И как в тебе столько воды уместилось, а, сопля моя ненаглядная?

Тут до меня с опозданием дошло, что он уже не прыщавый юноша, а зрелый мужчина, а я – смазливая фигуристая девица. И мои объятия друг может неправильно истолковать. Потому я его отпустила и отступила на шаг назад.

– И не мечтал, что снова встречу тебя по эту сторону Грани... – выдохнул он счастливо, потом смущённо прибавил, – Когда тебя разглядел, подумал вдруг, что моя козявка, если бы выжила и выросла, могла бы стать такой же красивой как ты.

Теперь понятно, с чего он пытался ко мне навязаться. Хотя бы из памяти. Или ради еды только. Да, впрочем, это всё уже не важно. Он рядом! Живой он!!!

А он продолжил, в свойственной ему манере:

– Не ожидал, что попавшаяся на моём пути курица – это ты! Столько лет считал тебя погибшей! – ухмыльнулся. – Слушай, козявка, а я и не предполагал, что из тебя такая красавица получится.

Собиралась всерьёз на него обидится, но почему-то совершенно беззлобно и счастливо проворчала:

– Да пошёл бы ты в Снежные горы... вредный свин!

– Не, я от тебя теперь никуда не уйду! – заявил он с жаром. – Разве что ты выйдешь замуж или сам попаду за Грань.

И у меня сорвалось с губ, что думала, как и прежде, ещё в детстве, когда мы свободно говорили обо всём:

– Подлец, только оказался живым – и уже засматривается на Грань!

Он серьёзно посмотрел на меня и тихо сказал:

– Постараюсь пожить, пока не найду тебе другого защитника.

Чуть помолчав, робко спросила:

– А сам?..

– До того буду с тобой, сопля.

Эх, давненько мы с ним не ругались.

Притворяюсь сердитой:

– А у меня имя есть! Другое!

Он поймал меня за конец косы:

– Знаю, козявка моя прекрасная!

Безуспешно пыталась отобрать косу, а негодяй громко хохотал и лишь крепче сжимал пальцы. Показавшиеся путники растерянно посмотрели на нас и молча прошли мимо. Вообще, жизнь, в которой есть хотя бы один человек, которому безразлично твоё состояние – очень ценный дар.

– Но таки ты меня теперь накормишь? – ухмыльнулся он опять. – По-честному?

Друга дорогого, который столько сделал для меня, я не могла не накормить!

И уже с радостью сидела рядом и смотрела, как он уничтожает мои припасы. Век бы сидела и смотрела, как он ест.

Впрочем, мужчина практичный всё поесть не стал. Со вздохом сумку отложил. Смахнул крошки с бороды. Опять взглянул на меня серьёзно. Сказал грустно:

– Но... я думал, что ты тогда сгорела. Я ещё долго не мог спать по ночам: мне снился твой крик или то, как ты падаешь, задохнувшись от дыма. Снилось, как тяжёлые горящие балки падают на тебя... – он вдруг сдвинулся ко мне, сжал меня в объятиях, крепко-крепко, но я уже не сопротивлялась – ему я верила. – Значит, ты выбралась. Ты смогла тогда выбраться! Как же я рад!

Шмыгнула носом. Накрыла его ладони своими.

– Тогда, осенью, я вылезла через окно, едва до моей каморки долетел запах дыма.

– Выходит, ты не осталась в загоревшемся доме? Какое счастье!

Ещё недавно думала, будто наша встреча невозможна, но мой единственный друг теперь сидит рядом со мной! Прижалась к нему лицом. Как когда-то в детстве, когда мы рядом сидели, усталые или счастливые, что раздобыли себе еду.

– Ромка, я так рада, что ты живой!

О, только бы наша встреча не оказалось сном! Так много снов радовали меня, а с рассветом исчезали, оставляя только горечь.

– Куда же ты ушла, Алинка? – спросил Роман хрипло, крепко прижимая меня к себе. – Я спрашивал у людей, прибежавших с водой, у хозяина дома, куда ты могла пойти, но никто ничего не знал о тебе. Это было так страшно!

– Я искала тебя среди людей, столпившихся у дома. Они не обращали на меня внимания, отмахивались. Не найдя, побежала в лавку, куда тебя посылали. Лавочник сказал, что ты уже был у него.

– Мне велели зайти к портному и ещё отнести дюжину писем, поэтому я поздно вернулся. Как же ненавидел те письма, графа!

– А я так счастлива, что тебе дали столько поручений! Ты из-за них задержался!

– Какое счастье, если мы на десять с половиной лет разошлись?! – проворчал мой друг. – Могли и вовсе никогда не встретиться. Меня могли убить в какой-то битве.

– Теперь мне уже наплевать и на пожар, и на битвы, и на все года, когда мы бродили по Светополью! Если мы встретились не во сне, а наяву, то ничто во всей Мирионе не способно меня огорчить, отобрать у меня мою радость!

Роман неожиданно отстранился, виновато взглянул на меня.

– Признаюсь, что есть кое-что, о чём я умолчал. Очень важное.

– Так скажи! Или... не хочешь? Тогда молчи, ни о чём не буду спрашивать.

– Скажу, – он куснул губу, – не было ни дня после пожара, когда бы я не жалел о своём молчании! Ты меня не простишь, но ты должна об этом знать.

– Не прощу? Ромка, как ты можешь так говорить? Я прощу тебе всё!

Собиралась взять его за руку, но мужчина отодвинулся от меня.

– Ты думаешь так, потому что понятия не имеешь, чего я от тебя скрывал.

– Мне всё равно, что ты от меня скрывал! Главное, что ты живой, и я снова вижу тебя, снова могу сидеть рядом с тобой!

Друг перебил меня:

– Из-за ненависти к твоему отцу утаил от тебя самое главное.

Он... был знаком с моим отцом? Значит, ему хоть что-то известно о моей семье? И я смогу услышать что-то о моих родных?.. О, снова чудо мне преподнес этот день!

И молча, с надеждой ждала, чего он скажет.

Вздыхнув, мужчина добавил:

– Да и мама отругала бы меня, если бы узнала.

Расскажи хоть что-нибудь о моей семье, Ромка! Верю, твой рассказ не причинит мне боли. Ты никогда не обижал меня, всегда заботился обо мне. Но... что такого страшного ты мог утаить от меня?..

Мужчина опустил глаза и сказал то, чего никогда не ожидала от него услышать:

– У нас одна мать.

– То есть, ты – мой родной брат?

– Да.

– И... из-за моего отца ты ничего мне не сказал? Почему? Отчего ты его ненавидел?

– Твой отец не из Светополя.

– Что?!

Роман тяжело вздохнул и продолжил:

– Твой отец – новополец. Мне-то было видно, как он порой посматривал на всех наших людей – такой ненависти, такого презрения в глазах своих быть не могло.

Оказалось, может быть ещё больше, чем раньше, намного больше! Я... я ещё и дочка врага. И... и Ромка...

Отодвинувшись, с горечью спросила:

– Так... ты ненавидел меня, да?

Брат ответил, не смотря на меня:

– Вначале, когда только узнал о тебе, ненавидел и тебя, и его.

Вцепилась в его руку:

– Вначале? А что же потом? Ведь я его дочь, дочь твоего врага!

Он смотрел на меня так долго, молча. Мне стало страшно, невыносимо страшно услышать от него слова презрения. От него, от единственного дорогого мне человека! И я поспешно отвернулась, хотя уже было поздно, и он уже увидел мои слёзы.

Ромка... Роман... он был для меня самым дорогим, самым любимым. И... он ненавидел меня в душе?! Он ведь не мог любить девчонку, связанную с врагами! И... уж лучше бы бросил, оставил где-то, когда была младенцем, чем теперь рассказывал мне о своих чувствах!

Мужчина вдруг схватил меня за косу – я испуганно сжалась – подтянул к себе и... осторожно обнял. Погладил по голове. Замерла в его объятиях. Бить вроде не будет.

А он грустно стал рассказывать, не выпуская меня из объятий:

– Мой отец не вернулся с битвы. Мать очень страдала. Я молчал. Единственный мужчина в семье, даже если он мальчишка, не должен плакать, должен стать опорой для матери. Потом появился твой отец. Так и не понял, отчего он остался в нашей стране, в нашем городе. Впрочем, нет, вру самому себе: он остался из-за нашей матери. На неё единственную смотрел не так, как на остальных. Да и... он появился у нашего колодца на второй день, как вороги взяли осаждённый город. Наверное, хотел напиться воды... – Роман вздохнул, взъерошил мои выбившиеся на лоб пряди. – Меня мучила жажда, ещё с утра. И мать решила выбраться из подвала, где мы прятались – и пойти за водой. Всё, что было в нашей кладовой, мы уже выпили. Домой они пришли вдвоём. Он нёс её ведро. Она стала стучать, готовя обед. Я тогда удивился, что кто-то пришёл, и что она так просто ходит по дому в захваченном городе. Наверное, он предложил ей временную защиту от своих в обмен на еду. На меня он мрачно посмотрел, когда я вошёл на кухню. А мать – испуганно. Но уже было поздно меня прятать. Я тогда не понял, почему она так долго и с такой мольбой смотрела на него. Понял потом. А тогда он просто велел мне сесть на лавку у противоположной стороны стола. И мать с облегчением вздохнула. И в первый раз улыбнулась ему.

Роман долго молчал. Впрочем, я, кажется, поняла, что он хотел умолчать. Может, мама не только едой пыталась расплатиться, чтоб новодалец не тронул её сына. Тем более, что под-росток уже мог быть опасным для вражеского мужчины.

– В общем, он кормился у нас несколько дней... – хрипло сказал брат. – И их воины на нашу улицу не ходили, хотя соседи потом говорили, что на других улицах много кого ограбили и избili, из решившихся вылезти из подполья. Потом их войско ушло, опасаясь приближения нашего приграничного отряда – основное войско тогда караулило этих... их в другом месте.

– И... и совсем не ждали их? И... и... и это была та осада, закончившаяся через три дня? Её везением считали.

– Так то было войско Вадимира!

– Ах, да, – вздыхаю, – Вадимир бы мог...

– В общем, подмоги было немного, но с ними пришли эльфийские маги. Это меняло дело.

– Да?! – растерянно посмотрела на него.

– Что-то Вадимир в тот год с остроухими не поделил. В общем, подмоги было немного, но маги обещали всех прикопать в земле, живьём. Пришлось врагам убираться.

– Но странно... что-то я раньше не слышала про тех эльфов!

– Да ту историю замаяли. Мол, то были изгнанники остроухих, имевшие личные счёты с Вадимиром, а Хэл им ничего не приказал.

– Вот и прибили бы Вадимира!

– Увы... – брат вздохнул. – Не прибили. Видимо, велика фигура для эльфийского нищелюба. Или таки Хэл замаял дело, опасаясь крупного скандала. В общем, новодальцы свалили, приграничные наши воины остались, а эльфы под шумок куда-то делись. Через пару дней и войско прошлого нашего короля подошло. Перебежчики из ближайших сёл и другого города. Так что твой отец сказал, что он из селян. Вон тех, беглецов. А кинжал, мол, он с кого-то из врагов снял, с трупа. А оружие для самообороны пригодится. В общем, он остался в нашем доме.

Мы какое-то время молчали, не глядя друг на друга. Но из объятий брат меня не выпускал – и это вселяло надежду, что он всё-таки считает меня своей семьёй. Хотя и дочь врага.

– А... – замолкла, правда, позже всё-таки уточнила: – А почему ты его не выдал?

– Да я хотел! – Роман смял подвернувшийся под руку земляничный лист, ещё в пальцах перетёр, размазывая кашей. – Но сначала боялся привлечь внимание к нашему дому. Не

хотел, чтоб мать забили за шашни с ворогом. Да и... там пара соседей пропали. Их тел не нашли. И другие молчали. И я молчал. Я надеялся, что он наиграется с моей матерью и уйдёт. Но... он остался.

– А... мама?

Задумчивый взгляд на меня.

– Наверное, он ей понравился. Он её не бил никогда. Вежливый. Помогал охотно. Да и... отца давно уже не было. И меня он не бил. Ни разу... – он разжал пальцы, выбрасывая раздавленный лист. – Хотя однажды, когда матери не было дома, я пытался подойти со спины и зарезать его.

– И... и он тебя избил?

– Нет... – молодой мужчина вздохнул, устало иль сердито. – Говорю же, он меня не бил. Он только выкрутил мою руку, так, что я не мог до него дотянуться, и проворчал: «Настоящий воин никогда не бьёт врага в спину. Ты, что ли, трус? Боишься, что в честном бою тебе меня не одолеть?». Я ненавидел его, но в тот миг мне стало стыдно. Он ещё добавил спустя какое-то время: «Твоя мать говорила, что твой отец был достойным воином. Тебе не стыдно быть таким сыном?». Он мог убить меня в любой день и час. Я полагаю, что те пропавшие – его рук дело. Он мог меня избить, сказать, что это я виноват, дерзил или допустил оплошность. Но он никогда этого не делал. И... и мне было стыдно проиграть ему. Мне было стыдно бить его из-за спины. Тут ещё мать вошла. Побелела, выронила корзину с покупками. Те по полу рассыпались. Яблоко подкатилось к его ноге. Мать упала на колени, заплакала, просила не трогать меня. Он отпустил и оттолкнул меня, подхватил её, обнял. Сказал, мол, я просто учу сражаться твоего сына, не пугайся. Он о том дне мне ничего потом не сказал.

Роман долго молчал, потом продолжил:

– Может быть, он не был обычным воином. Он ещё хорошо делал разные вещи из дерева. Очень хорошо. Может, он просто был ремесленником. Может, он поэтому меня пощадил. Или чтобы не огорчать мою мать. Кажется, она ему по душе пришлась. Не знаю, ждал ли его кто-то там. Потом родилась ты. К тебе они оба относились с нежностью, про меня как будто забыли. Я мечтал немного подрасти и навсегда уйти из места, которое перестало быть моим домом. Опасности и лишения не пугали меня. А потом болезнь, которой они оба заболели, разрушила все мои планы. Несколько жутких недель. И на свете остались только я и ты. Тебе было около двух лет, – он легонько дёрнул меня за косу. – Но моё отношение к тебе тогда уже было совсем иным. Я по-своему любил тебя.

Ты... любил дочь врага? Неужели такое возможно?!

– Как-то раз мама собралась на рынок и велела мне проследить за тобой. А он тоже по каким-то делам ушёл, чуть раньше. Ты, такая крохотная и беспомощная, доверчиво спала у меня на руках. Я чувствовал, как бьётся твое сердце, разглядывал твоё лицо...

В голосе брата послышалась нежность. Он осторожно отстранился, посмотрел на меня и тепло мне улыбнулся:

– Отчего-то меня растрогала твоя доверчивость. Проснувшись вдруг, ты улыбнулась мне. От моей ненависти не осталось и следа. Ни ты, ни я не в ответе за наших родителей. Прости меня, сестрёнка, за то, что слишком поздно это понял! Не буду говорить, как винил себя, как ругал. Мои страдания не стоят твоей жалости. Прости, если всё же захочешь меня прощать.

Мне повезло: у меня был он. Хотя и не знала, кем мне приходится мой друг, жила как за каменной стеной за его плечами и заботой. Стена, конечно, не всегда бывала надёжной, ибо кто прислушается к словам какого-то безродного бедного безоружного парнишки? Однако не будь его, непременно бы пропала, рано или поздно. Можно ли забыть всё его добро, навеки перечеркнув из-за какой-то укрытой тайны, пусть даже такой важной?

Роман ласково погладил меня по щеке:

– Ты была моим утешением, моей радостью, единственной родной кровинкой. Моей силой. Ради тебя ещё больше хотелось жить. И я обнаружил, что могу справиться и с взрослыми, когда они пытались избить тебя. Из-за этой проклятой ненависти тогда не сказал тебе этого. Наверное, уже поздно это говорить, но мне очень хочется, чтобы ты наконец-то это услышала.

Обнимаю его. Крепко-крепко. Без слов.

– Прощаешь? Ох, милая сестрёнка! – он всё понял, нежно обнял меня.

Вдруг поднялся, подхватил и закружил меня. Я радостно взвизгнула, как когда-то в детстве.

– У-у, какая ты тяжёлая выросла, сопля! – прокричал брат, потом вдруг остановился и серьёзно добавил: – И, кстати, очень красивая.

– У-у, вредный свин! – радостно проворчала я.

На этот раз он не менее радостно улыбнулся на мою старинную обзывалку.

– Слушай, а тебе так важно идти в Средний город? – спросил брат, выпуская меня на землю.

Вздохнув, призналась:

– Вообще-то, меня нигде никто не ждёт.

– Тогда, может, пойдём в столицу? тамошним стражникам, говорят, платят больше.

С любопытством уточнила:

– А ты правда воин?

– А что, не похож? – он притворился очень сердитым.

– А где твой меч, вредный свин?

Брат страшно смутился. И кинулся собирать ещё не раздавленные ягоды. Потом смущённо посмотрел на меня, вздохнул и признался:

– Знаешь, сопля, я его и в правду пропил. Случайно получилось. Но я с тех пор с этим делом решил завязать. Тем более, пока я тебе мужа приличного не найду, я должен быть бодрым и трезвым.

Упёрла руки в бока:

– Едва нашёл – и уже хочешь в чужие руки спихнуть?!

– Ну, извини, – усмешка, – люди не вечны. Тем более, мужчины. Да и я не хочу крысой отсиживаться за стенами во время боёв. Да и... – внимательный взгляд на меня. – Да и тебе уже пора. Кстати... тебе уже кто-то люб?

– Н-нет...

– Отлично! – брат радостно потёр руки. – Я тебе сам жениха найду. Я никому не дам моей сопле голову задурить!

Уж он найдёт. Хотя... с таким братом не все мужчины посмеют мне хамить и дурно обращаться. Если что – Ромка кого-нибудь побьёт. Заступится. Так как-то оно... спокойнее. Даже не верится, что наконец-то защитник есть и у меня, тем более, он воин! Хотя и умудрился пропить свой меч. Впрочем, у мужчин это иногда бывает. Главное, чтоб только иногда.

Когда мы вновь двинулись по направлению к столице, то и дело доставала и давала ему чего-нибудь вкусненькое. Вначале брат с аппетитом ел, потом попросил перестать его кормить.

– Сейчас съем, и тебе не достанется. Кто знает, когда сумеем опять добыть себе еду?

Лёгкая обида на него появилась и почти сразу исчезла. Роман прав, надо подумать и о ближайшем будущем.

Мы разговаривали о том, чего случилось с нами за годы разлуки. Брат внимательно наблюдал за мной, затем неожиданно спросил:

– О чём ты умалчиваешь, Алина?

– Как ты узнал? – едва не споткнулась, услышав его вопрос.

– Догадался. Ты иногда подозрительно замолкаешь, задумываясь о чём-то.

Рассказала ему о словах невидимой женщины и о маге, отдавшем мне сумку с едой. Кое о чём промолчала.

Брат остановился, положил тяжёлую ладонь на моё плечо:

– Наверное, это какие-то маги развлекаются, внушая тебе какую-то чепуху. Не верь им.

– Но ведь она не соврала: мы встретились на дороге к Дубовому городу! Если бы не она, я могла бы никогда и не встретиться с тобой!

Мужчина тяжело вздохнул:

– Вот это-то меня и напрягает. Что она предсказала, на какой дороге ты сумеешь меня найти. Значит, осведомлённая, пакость. Да и кто знает, чего могут эти маги? Тот странный тип тебе даже своего имени не назвал!

– Нет, он назвал! – собиралась умолчать об имени незнакомца, но отчего-то не удержалась.

– Почему ты так уверена? Он с лёгкостью мог тебе соврать.

– Почему-то я уверена: это его имя. Правда, таких имён в нашей стране не дают. И в соседних тоже не дают. Возможно, он родился в другом краю Мирионы.

Брат схватил меня за плечи:

– Алина, одумайся, прошу! Ну, разве можно примирить страны, враждующие около шестидесяти лет?! Нас уже Враждующими странами все соседи кличут! Нет такой силы, которая бы примирила нас! А появление того мага либо счастливое совпадение, либо очередной ход чьей-то пакостной игры. Не желаю, чтобы моя сестра была игрушкой в чьих-то руках. И, удайся мне, сброшу с башни любого, кто посмеет с тобой играть!

– Кто же тогда примирит Враждующие страны?

Он сжал мои плечи, до боли:

– Никто. Запомни, сестра! Никому не нужно ничего менять!

Грустно потупилась:

– Выходит, если не я, то никто и не будет.

Он сжал мой подбородок, заставляя посмотреть на меня:

– А тебе-то зачем?

От резкого тона брата сразу не нашлась, чего сказать. Даже о моей детской мечте смолчала, потому что у девушки, родившейся в одной из Враждующих стран, не должно было быть такой наивной и нелепой мечты. Однако не мечтать у меня не получалось.

– Тебе меня не переубедить. Даже не пытайся. Не думай об этих интриганах, умоляю тебя! Радуйся, что ты чудом меня нашла: теперь у тебя будет защитник. А о тех магах не думай. Да и... может, того, кто оставил тебе еду, те же интриганы подослали?

– Думаешь?..

– Ну, ты сама посуди, курица: с тобой заговорила магичка невидимая. Вскоре появился другой маг. Я не знаю, на кой ты им сдалась, но они вполне могут быть заодно. Неясно, что за злые игры у них и почему они выбрали именно тебя. Но тебе лучше забыть об этом. Нам повезёт, если они оставят нас в покое – и найдут себе новую игрушку, которая купится на обещание какой-то особой силы и могущества.

Лучше забыть. И ты туда же! Да, конечно, лучше всего забыть или сделать вид, будто ничего не случилось. Все здесь, похоже, только это и делают, а мне не хочется ничего забывать. Хочется доказать ему, но вот как? Но... но если он прав? Если действительно какие-то маги вздумали подшутить надо мной или впутать в какую-то интригу? Тогда... тогда лучше притвориться, что я всё забыла. Может, тогда они оставят меня в покое – и я смогу просто жить?

До самой темноты каждый из нас думал о чём-то своём.

– До деревни мы, похоже, не дойдём, – мрачно сказал Роман.

Невдалеке взлетел к тёмному небу волчий вой.

– Опять эти твари!!! Их только не хватало! – брат внимательно огляделся, после чего подтолкнул меня к высокому дереву. – Первая ты. Забирайся повыше.

– Ромка...

– Лезь, пока они нас не нашли!

Из-за ёлки медленно вышел большой волк.

– Лезь на ближайшее дерево! – он толкнул меня в плечо.

Отчего-то мне не было страшно.

Сначала захотелось разглядеть волка. И, разглядев, я восхитилась серым сильным зверем, захотела его приласкать. Кажется, брат сказал обо мне что-то невежливое. А волк медленно и изящно скользнул ближе: ему хотелось, чтобы кто-нибудь не боялся его, погладил его...

Стоило протянуть руки, как волк лизнул мою левую ладонь. От него веяло спокойствием, силой... почему брат застыл? Зверь оказался совсем не страшным. Лохматым... Ему нравилось, когда я его гладила по носу, когда почёсывала ему бок.

Незаметно для себя оказалась окружена волчьей стаей. Все норовили пробраться к моим рукам, лизнуть мои ладони. И мне так нравилось их гладить, почёсывать.

Вдоволь насладившись моей лаской, стая перешла дорогу и растворилась в другой части леса. Я глубоко вдохнула чистый прохладный воздух. Такой вкусный! А лесной шум вдруг показался мне дивной музыкой... от прохладного ветра не было холодно... было очень приятно дышать свежим лесным воздухом... бездонное звёздное небо завораживало... казался волшебным тусклый свет луны... какая удивительная ночь! Как здорово жить!

Чуть успокоившись и зевнув, обернулась к Роману. Мужчина стоял на том же месте, в той же позе, с открытым ртом и вытаращенными глазами. Неужели, он вдруг превратился в статую?

– Ромка... Ромка!

Брат шевельнулся.

– Что... что это было?! – едва слышно прошептал он.

– Обычная ночь, но она так прекрасна!

– А волки?

– Они милые, правда?

– Волки милые?!!

Брат спрятал в сапог вытасченный нож, который от потрясения забыл использовать. Мрачно прошёл ко мне. Схватил меня за плечи и встряхнул. Встряхнул второй раз. Третий.

– Перестань!

– Чего ты сделала?! – он схватил меня за косу.

– Ничего.

– А откуда был тот свет? – он натянул мои волосы.

– Какой свет?

– Тьфу на свет! – мужчина отбросил мои волосы. – Лезь на дерево! Живо!

Неохотно забралась на дерево. Роман залез за мной. Устроился на толстых ветвях, как на кресле.

– Садись рядом.

Послушно устраиваюсь рядом.

– Прислонись ко мне. И закрой глаза.

– Упаду.

– Нет, удержи. Вот, молодец. Теперь спи.

Рядом с ним я чувствовала себя спокойно и защищённо. Вскоре начала проваливаться в сон.

Меня пробудили неприятные ощущения в затёкшем теле. Солнечные лучи меня не касались, так как всё небо затягивали светло-серые плотные тучи. Оказалось, брат не сомкнул глаз: он всю ночь поддерживал меня, чтобы не упала вниз.

– Спускаемся? – с наслаждением распрямляю правую руку.

– Только осторожно.

Оказавшись на земле, потягиваюсь, затем подбираю сумку. Когда же успела снять её?

Смутно вспоминаются события прежнего дня: ночь, одинокий волк, нос под моей рукой, соскальзывающую лямку сумки. Замираю. Отчего стая меня не тронула?! Отчего мне так сильно хотелось всех волков погладить?

– Проснулась? – мрачно уточнил Роман.

Киваю.

– Теперь припоминай, чего ты натворила вчера ночью! Или не помнишь?

– Вроде бы помню.

– И... как тебе это удалось?

Пожимаю плечами.

– Почему ты не послушала меня, а протянула руки к тому волку?

Снова пожимаю плечами.

– До этого что-нибудь похожее происходило?

Качаю головой. Он садится на землю.

– Выходит, кто-то из них тебе не соврал. Какая-то сила у тебя есть. Или, быть может, никакой силы у тебя нет, и то на самом деле было магией. Чьей-то чужой магией. И чего этим пням припёрло устроить такой спектакль с нашей с тобой встречей и с волками?!

– Почему бы тебе просто не поверить?

Он проворчал:

– Я разучился верить кому-либо за свои двадцать с чем-то лет. Магам же ничего не стоит заморочить кому-то голову.

Пока его не переубедить. Придётся подождать. Вдруг случится чего-нибудь ещё? Что же до той женщины... не то, чтобы я стала полностью ей доверять, но сомневаться в её силах стала меньше.

Поев, мы двинулись дальше. Натолкнувшись на деревню, продали в ближайших домах около половины собранных ягод. По пути опять обнаружили полянку с земляникой, снова собирали приятные ягодки. Заодно позавтракали.

К полудню дошли до столицы. Городские стены, сложенные из тёмных больших камней, взмывали вверх, заканчиваясь полукругами. Кое-где, словно заплатки на поношенном платье, выделялись непонятные фигуры, сложенные из мелких светлых камешков.

– Взгляни в другую сторону. Там когда-то разрушили кусок стены.

Огромная заплатка темнела на стене в том направлении, куда он указал. В дыру на месте заплатки могли бы одновременно пройти пять человек!

– Её тоже проделали чернореченские алхимики?

– Ага, – воин поёжился, – прямо на моих глазах. Моё сердце всего лишь три раза ударило, а кусок стены уже осыпался под ноги врагов. Все остальные дыры тоже из-за них. В последние двадцать лет воины Черноречья постоянно носят с собой всякие кристаллы и смеси, сделанные их алхимиками. Обычно от трудов алхимиков дырки не больше чем с колесо телеги. Ещё из-за их смесей наши воины получали весьма болезненные ожоги. К счастью, со временем кожа у них выздоравливала, и каких-либо значительных последствий ожог не приносил. Мгновенно действующий яд алхимика пока не использовали.

Вздыхнула и радостно сказала:

– Как здорово, что в Новодалье нет алхимиков!

– Ничего хорошего, – мрачно возразил Роман. – У них сильные воины. И...

– И Владимир, – опять вздыхаю, вспомнив про главного новодальского интригана.

Брат мрачно взъерошил свои волосы, проворчал:

– Я даже не знаю, кто хуже: Мстислав с его воинами и алхимиками или один-единственный Владимир! Если Мстислав использует оружие сразу и идёт прямо, то Владимир предпочитает внезапность и ловушки. Он по болоту проползёт со своим войском, чтобы только подкрасться к тебе сзади, нагрянет, словно гром среди ясного неба.

– Не будь у Мстислава алхимии...

– Мстислав и без алхимии серьёзный враг. А, впрочем, чего это я с девицей такие вещи обсуждаю? Ты – не мужчина, тебе не понять ничего в битвах и оружии.

И всё же я кое-что понимаю. Если алхимики Черноречья будут и дальше продолжать совершенствоваться, то когда-нибудь их смеси, кристаллы и порошки станут опаснее многих заклинаний. И даже те страны, в которых свои магические школы и много магов, не смогут с ними справиться. И Светополье, где нет ни магов, ни алхимиков, проиграет. А хрупкая девушка из простонародья ничего не сможет изменить.

Заплатив медную монету, мы прошли через большие новые ворота, сделанные взамен прежних ворот, так же испорченных алхимиками.

Я не рассказала брату, но памятное дерево с просьбой о здоровье Кана я всё-таки посадила: пристроила маленький дубок в старой дубовой аллее. Приходила к нему иногда, полить и поговорить, когда на улицах было малоллюдно. Памятную рощу близ Дубового города, увы, враги сожгли, куда приходили в прошлый раз. Новую посадить у местных руки пока не дошли. Или боялись, что вороги новую тоже сожгут, чтобы ослабить боевой дух наших воинов. Мерзавцы! В Памятной роще чья-то кровь и чьи-то слёзы! Там чьё-то сердце закопано и надеждою, мечтами прорастает к небесам, тянется души найти ушедших и заслонить пока живых! Хотя, увы, я слышала, что наши воины также поступили, узнав, где роща новодальцев была.

К середине второй недели по столице поползли слухи о приближающейся битве с Черноречьем. Я испугалась за брата. Романа обязательно заставят участвовать в битве, либо он сам этого захочет. Его могут отправить за Грань. Эх, была бы такая сила, которая не допустила бы битву! Увы, такой силы у меня нет.

На пятнадцатый день моего пребывания в столице, в дождливое и тоскливое утро кто-то неожиданно постучал в дверь. Брат так рано вернуться не мог. Или он бы громко попросил меня открыть. Ох, ставни кухонного окна не закрыты. Будь у дома несколько людей, они вполне могут залезть через окно.

Глаза поспешно скользнули вокруг и уткнулись в тяжёлый ухват. С ухватом в руках я долго пряталась у окна, однако ни через окно, ни через дверь никто в дом проникнуть не попытался. За дверью постоянно кашляли, то ли нисколько не скрываясь, то ли издеваясь надо мной.

Через некоторое время напряжённого ожидания кто-то глубоко вздохнул, тихо высморкался и пошлёпал по лужам от двери. Похоже, незванный гость был сильно болен. Пребывание под дождём его здоровье точно не улучшит.

Неожиданно мне стало жаль несчастного. Забыв об осторожности, открыла дверь. Вымокший до нитки путник медленно брёл по улице.

– Подождите!

Мужчина обернулся. В тот же миг я вспомнила об опасности. Ладно, дверь запереть в случае чего успею быстрее, чем он добежит до меня.

– Чего вы хотели?

– Мне бы попить водички горячей и немного согреться.

С одной стороны, я всего лишь девушка и больше никого дома нет. С другой стороны, он болен. Вряд ли кто-то пустит его на порог. Скорее всего, ему придётся идти в трактир. Поблизости трактиров нет. Да и у нашей двери мужчина порядочно простоял под дождём.

Милосердие взяло верх над осторожностью.

– Можете посидеть в моём доме немного. Я согрею для вас воду.

– Огромное вам спасибо! – на усталом лице появилась широкая улыбка.

– Только мой брат вот-вот вернётся, а он не любит чужаков. Возможно, он заглянул по дороге в трактир вместе с друзьями. День такой, что эти негодяи обязательно напьются, а напившись, они частенько лезут в драку. Сколько раз с соседками ругалась из-за него! Вы не представляете, какой сильный этот грубиян! Мужья моих соседок так пострадали! Да и мой муж... они как два сапога пара.

Маленькая девичья хитрость будто бы показалась ему правдой.

– Не беспокойтесь, сразу же исчезну, когда вы их увидите из окна, – серьёзно пообещал незнакомец.

Разогревая ему воду, заодно разогревала «борщ для мужа». Борщ был удобным прикрытием для того, чтобы находиться рядом с ухватом. К тому же, на лавочке у печки стояли пять горшочков. Думаю, брат не будет сильно ругаться, если разобью их об кого-то, кто распускал руки.

Незнакомец попросил разрешения погреться у печки. С улыбкой вежливой, но измученной хозяйки, позволила ему пересест ближе, сама отправилась протирать несуществующую пыль с полок и кухонного шкафчика, поближе к венику и чистым тарелкам.

В какой-то миг обнаружила: его одежда сохнет подозрительно быстро.

– Муж вас часто бьёт? – неожиданно спросил незнакомец.

Впервые взглянула на него подольше.

Молодой, сероглазый, светловолосый мужчина. Возможно, он слишком серьёзный, но вроде бы не злой. Одежда дорожная, как будто не в нашей стране сшитая. Но тоже из Белого края: вышивка у ворота и по краям рукавов красная. Да и нашивки на предплечья, в форме прямоугольников с краями закруглёнными, покрытые красной вышивкой. Причём узоры такие, которые в разных странах Белого края используют.

– Да, что вы, какой я им противник? Они меня не трогают, но вот победа над другими мужиками...

Незнакомец снова закашлялся.

– Вам не кажется, вода немного перекипела? – вежливо намекнул он, когда приступ кашля прошёл.

Бегу вынимать горшок с кипящей водой. Отливаю немного в кружку, доливаю холодной воды из ведра, затем ставлю кружку перед ним и вновь возвращаюсь к протиранию пыли. Глаз не поднимаю.

– Похоже, ваш муж и ваш брат задерживаются, – заметил молодой мужчина спустя некоторое время.

– С этими негодьями ни в чём нельзя быть уверенной! Подумаешь: «Опять они где-то по пути подрались и валяться будут под чужим забором», а они тут же словно из-под земли у дверей вырастают!

Разобравшись с «остатками пыли», устроилась за столом с шитьём. Острые ножницы положила около себя. Веник, кстати, тоже находился рядом со мной. Всем своим видом показывала: «Воду уже дала, у печки погреться пустила, теперь вам пора уходить».

Серые глаза будят воспоминания о сероглазом маге, который мне помог. Только этот незнакомец не может оказаться им. Я почему-то уверена в этом.

– Как думаете, ваши муж и брат позволили бы мне остаться на несколько дней? Мне хватит чулана и какого-нибудь одеяла. За кров и еду заплачу десять серебряных монет.

От неожиданности опять оборачиваюсь к нему. Откуда у него столько денег? И кто он такой? Меча у него нет, лишь за пояс заткнуто два кинжала. Точно не воин. Неужели, вор? Как бы его выпроводить до прихода брата?

Мужчина закашлялся. Ох, так сразу просить удалиться его нельзя. Подожду, пока дождь закончится, и совру, будто брат и за десять серебряных не позволит у нас остаться. Так же намекну, будто муж у меня очень ревнивый и на тех, в ком заподозрил моего ухажёра, с кулаками кидается. Поздно уже про ревнивого мужа врать, но вполне может и пригодиться. В драчливых брата и мужа он как будто поверил.

Дождь, как назло, не заканчивался. Молодой мужчина продолжал греться у печки. Запаниковав, взяла веник и отправилась подметать пол в соседней комнате. На кухне кроме борща и еды в шкафчике воровать нечего.

Незнакомец грелся на кухне, я упорно вычищала дом, шёл дождь. Будь у меня какая-нибудь сила, то я не боялась бы этого человека.

«У вашего забора кто-то упал» – неожиданно послышалось из-за окна.

«Ромка?» – испуганно вскакиваю.

«Нет, чужой раненный мужчина»

Не выпуская веник из рук, бросаюсь к двери. Прислонившись к ней, напряжённо прислушиваюсь. Почему кто-то упал у нашего забора? Он... он что, там же и скончается?

Сероглазый незнакомец возник за моей спиной неожиданно. Вскрикнула – и он поспешно зажал мне рот рукой. Значит, вот ты какой, проклятый! Пустила на свою голову!

Попыталась ударить его веником. Веник внезапно вспыхнул. Мужчина отскочил, отпустив меня.

– Ромка!!! – вырвалось у меня.

Через мгновение запоздало дошло: кричать было бесполезно, ведь брат находится далеко отсюда. А маг – рядом.

Трясущиеся пальцы поспешно отодвинули задвижку. Распахнув дверь, я кинулась на улицу. Подальше бы от этого опасного типа!

Однако за дверью меня крепко сжали чьи-то сильные руки. Значит, этих подлецов было двое. Ромка, где же ты! Ромка, спаси меня! Я боюсь!

– Эй, ты, отпусти её! – светловолосый вор появился на пороге.

В его ладонях вспыхнул яркий огонь. Большие капли дождя не тушили пламя, а проходили сквозь него. Это какой-то страшный сон. Надо проснуться, разбудить брата.

– Ромка!!!

Второй вор освободил свою правую руку, прижимая меня к себе левой. Сделал какой-то непонятный жест. Первого вора отбросило в дом. Сон запутался. Сама запуталась. Испугалась. Очутиться бы рядом с братом, выплакаться у него на груди. И плевать на то, что мне уже семнадцать!

Первый вор выскочил через окно.

Завывали вихри, металось пламя, сыпались молнии, носились черные облака, чего-то гремело. Дым плотной завесой окружил дом и маленький клочок земли вокруг него. То ли меня забросили в горящий дом, то ли непонятно как переместили в грозовое небо. И эта противная рука продолжала меня держать. Способность говорить куда-то исчезла. Я вот так за Грань перейду?..

История Кана

«Трудный выбор»

Я с трудом дотянулся до высокого подоконника, ухватился за него, подтянулся, спрыгнул внутрь дворца и попал в длинный коридор, стены и потолок которого как будто сотканы из узоров инея, а пол – блестящий и полупрозрачный как лёд, но не скользкий и не холодный, а слегка прохладный, как и сами стены. Очень похоже, что поверх камней замёрзла вода, а, может, так оно и есть.

Прокрался в открытые двери и попал в зал, пол которого словно зеркальная поверхность озера, даже кажется, что просвечивают дно и камни на нём, и чистый светлый песок. И из зеркальной глади на меня растерянно смотрит зарёванный, растрёпанный эльф лет семи. Я.

И тут вдруг чудная поверхность стала жидкой. Мгновение – и я с головой погрузился в тёплую воду. Наглотался воды, вынырнул, отчаянно кашляя. Меня сцапала чья-то сильная рука, выдернула, подняла над водой – и та опять застыла как стекло или тонкий, но прочный прозрачный камень. Стражник поставил меня на пол. Я кашлянул, скосил глаза: высокий темноволосый эльф смотрел на меня укоризненно.

– Тебя сюда не приглашали, мальчик, – ответил он, не убирая ладони с моего плеча, изящной, но сильной.

– Мне к королю! Пустите меня к нему! – отчаянно схватил его за запястье.

– Король обедает с королевой. Наедине. К тому же, сегодня не приёмный день. Уходи отсюда и учи этикет!

– Но мои родители... – начал я отчаянно.

– А-а, ты Кан из семьи Танцующего снега, – протянул мужчина задумчиво, потом нахмурился: – Уходи по-хорошему. Ближайшие родственники осуждённых не имеют права являться во дворец, тем более, когда им вздумается!

Прежде, чем успел что-либо ответить, оказался у ворот. Но я не уйду, пока он не помилует папу и маму! Ни за что! Или пусть и мне нальют яду в Чёрную чашу!

Пошёл вокруг дворца, выискивая место, где бы можно проникнуть внутрь. У входных дверей я пробовал кричать и умолять – и получил сильный подзатыльник. Так что надо как-то иначе забраться.

Наконец обнаружил дерево, чья ветка проходила близко от окна на втором этаже. Скинул сандалии, с пятой попытки забрался на ствол, гладкий до отвращения, с него перелез на нужную ветку, раскинул руки и, слабо покачиваясь, дошёл до середины моей опоры. До окна ещё было далековато, а ветка уж очень истончалась. Дойти до её конца не удастся: она сломается или я не удержу равновесие. Тут нужны очень лёгкие шаги. Да и тяжеловат я. Но если не вымолю прощения, то завтра папа и мама...

Чуть помедлив, вернулся к стволу, разбежался, пронёсся по ветке, едва её касаясь, и прыгнул. В окно не попал, однако успел вцепиться левой рукой в подоконник. Едва сумел дотянуться свободной рукой, вцепиться, подтянуться. Наконец-то сел на подоконник: левой ногой в коридор, правой – наружу. Немного отдышался: долго сидеть тут нельзя. Хотя я и сумел не проронить ни единого звука на протяжении этого сложного хода, тут должно быть много охранных и сигнальных заклинаний, так что моё проникновение скоро заметят. А в магии я пока только на уровне изучения основ: куда уж мне тягаться с опытными старыми магами, берегущими покой королевской семьи! Где же тот зал?

– Мальчик, ты что это тут... – послышалось сбоку.

Ко мне кошачьей походкой приближался светловолосый страж в белоснежной одежде. Меч из узорчатых ножен он не доставал, но вот выражение его лица не предвещало мне ничего хорошего. Надо бы его отвлечь.

– Т-там... т-там... – указываю дрожащей рукой за окно.

– Что? – холодно спросил эльф, смотря на меня.

– Т-там... т-там... – я отчаянно выдумывал предлог и наконец меня озарило: – Там человеческие воины! Как будто посла из Лысегогорья сопровождают, но вид у них такой... такой...

Маг недоумённо развернулся к окну, возле которого стоял, создал заклинание удалённого виденья. Я робко спустился на пол. И юркнул мимо него.

– А ну стой! – стражник бросился за мной. – От Лысегогорья послом всегда выступает их главный маг, Лириард!

Ой, промахнулся.

К счастью, ноги у меня были быстрые, а он не спешил использовать против меня магию: не то заклинания у него могли повредить дворец, не то я был слишком мелким возмутителем спокойствия, чтобы применять против меня опасную магию. Во время моего путешествия к лестнице за мной появился приличный хвост из мрачной охраны. Но мне опять повезло: обеденная зала на первом этаже располагалась почти у самой лестницы: я много слышал об этих деревянных дверях с узором из дубовых и кленовых листьев, потому сразу узнал. И решительно вцепился в ручку, всем своим видом показывая, что меня оторвут только с ней или с левой створкой двери.

Мои преследователи мрачно переглянулись с двумя стражниками, стоявшими вокруг двери: эльфом и эльфийкой, очень похожими друг на друга. Женщина, явно находившаяся в периоде Долгой молодости, ступила ко мне, грубо схватила меня за левое ухо.

– Уходи, Кан! Тебя сюда не звали.

– Пустите меня к королю! – отчаянно завопил я.

Эльфийка больно дёрнула меня за ухо, но я не выпустил ручку. Она рванула меня ещё сильнее, словно собиралась отозвать моё ухо вместе с головой. Тихо потребовала:

– Убирайся отсюда, невоспитанный мальчишка!

– Пустите меня к королю!!!

Ухо крепилось к моей голове прилично, да и я не собирался отступать, даже если мне его и оторвут. А как тут сдать, как уйти, если родителей схватили на моих глазах, обвинив изменниками, и объявили, что завтра утром они выпьют из Чёрной чаши самый страшный яд?! Точнее, схватили отца, а мать рванулась вслед за воинами и закричала, что она помогала ему готовить восстание – и её саму уволокли! А я такой слабый, что не смог их защитить!

Оказалось, когда отрывают ухо – это жутко больно. Но ещё мучительнее вмиг потерять семью!

– Пустите меня к королю! – из глаз моих хлынули слёзы. – Они не виноваты! Не виноваты! Им дела нет до власти! Отпустите их! Пропустите меня! Или дайте мне осушить Чёрную чашу!!! Они не виноваты! Это я виноват!

Створки двери изготовили давно, потому ручка оторвалась прежде моего уха. Я и резко дёрнувшая меня стражница грохнулись на пол. Её тело смягчило моё падение, а вот ей самой досталось. Она застонала, ослабила хватку: я вырвался и с размаху налетел на запертую дверь. Не выбил, но расшиб плечо. Я рыдал, орал, бросался на створки двери, как безумный. От боли, от отчаяния в голове у меня помутнело. О, если бы я мог разнести эту проклятую преграду в щепки!

Рвануло, меня и стражников отшвырнуло на противоположную стену. Я оправился первым, бросился в освободившийся проход, прямо к растерянным королю и королеве, упал возле Хэла, вцепился в его ногу, что-то залепетал, уже сам не понимая, что говорю. Отдельные слова зацепились в моём сознании: «Чёрная чаша», «казнь», «папа», «Грань» и «сын».

Ворвавшиеся стражники оторвали меня от растерянного короля. Ярость захлестнула меня. О, как хотел я разрушить здесь всё, испепелить этого проклятого эльфа, чтобы больше никогда не было в мире этих мерзких светло-карих глаз, окружённых густыми тёмными ресницами, этого гадкого длинного прямого носа, тонких, но густых бровей, тонких губ, двигавшихся, но не издававших никаких звуков.

Казалось, будто огненная волна вырвалась прямо из моего сердца, мгновенно затопила обеденную залу. Стражники, натасканные и как маги, не смогли справиться с ним, потому вытащили короля и его жену наружу, а меня не то не спасали, не то не успели. И я утонул в свистящем и гудящем огненном океане. Сознание не выдержало нахлынувшей боли... и пустота... и тишина... и ничего не осталось от меня...

Я рыдал и стонал. Долго. Не сразу понял, что трясут не мои обгорелые останки, а меня. И я жив. Цел. И не в том проклятом дворце, а в тёмных сенях. И трясёт, и роняет на меня горячие слёзы Зарёна.

Немного оправившись, хотел поблагодарить её, но мне вдруг снова ярко представилась обеденная зала и лицо короля – и слово «спасибо» застряло у меня в горле. Так вот кого мне напомнила полуэльфийка! Неужели, она – его дочь?!

– Гриша, всё прошло! Всё! – ласково шептала мне девушка, взъерошила мои волосы, – Это был сон, просто сон!

– О, если бы это был сон! – не удержался, схватил Зарёну за руку. – Пойдём, выйдем ненадолго.

Она безмолвно проследовала за мной. В комнате зашевелилась её мать, видно, не спала, но нас не окликнула. Плотно закрыв за собой входную дверь, отпустил её запястье и очень тихо поинтересовался:

– Можно задать тебе нескромный вопрос?

– Да, – спокойно ответила полуэльфийка.

– Ты знаешь, как выглядел твой отец?

Помолчав, девушка мрачно произнесла:

– Разумеется, я спрашивала у матери. Если когда-нибудь встречу с ним – он за всё ответит.

Зарёна точь-в-точь описала Хэла. Я тяжело опустился на крыльцо, охваченный самыми противоречивыми чувствами. Воспоминания о прошлом вгрызлись в сердце, причиняя ему невыносимую боль. А, может, это всё от того, что от потрясения хрупкая нить между мной и девчонкой, к которой я привязался, оборвалась?

– Это тот, которому ты хочешь отомстить?

В деревне уже шутили, что я и Зарёна умеем читать мысли друг друга: отчего-то один из нас прекрасно понимал состояние другого. Однако сегодня ярость заглушила то тёплое и мягкое чувство, которое вызывала у меня полуэльфийка.

– Он.

– И ты... убьёшь его? – спросила девушка испуганно, потом уже спокойно добавила: – А впрочем, это будет слишком маленькой расплатой. Но ты не волнуйся, Гриша, даже если б ты не рассказал, кто твой враг, я всё равно не простила бы отца. А теперь – и подавно.

Вдохнув, тихо спросил, внимательно глядя в её глаза, столь ужасно похожие на его:

– А если окажется, что твой отец – весьма знатный и влиятельный эльф? Многие мечтают о богатстве и знатности.

– Да будь он хоть королём остроухих! – прошипела Зарёна, глубоко вдохнув и шумно выдохнув. – Он за всё ответит! Так что лучше ему не попадаться у меня на пути!

Как мило! Если отец и дочь когда-нибудь встретятся, Хэлу не поздоровится. Что Зарёна молчать не будет, я уверен. Впрочем, вряд ли ему понадобится с ней общаться: сейчас, согласно слухам, этот развратник не часто вылезает из своей страны. Красивого и изящного ему хватает и там. И говорят, что он стал слишком придирчив. Значит, навряд ли его опять потянет к людям, которых большинство эльфов считает грубыми и скучными.

Робко коснулась моего предплечья, но, впрочем, руку сразу убрала, столкнувшись с моим мрачным взглядом.

– Ты хочешь уйти, так?

Догадалась она и о другом моём сильном желании. Но, впрочем, разве мог я мечтать о чём-то ином?.. Нет! Шрамы с моего тела сошли, благодаря моей дружбе с хорошим лекарем. Да ещё и повезло, что вскоре к нему попал. Вот только то пламя оставило шрамы и в моём сердце. Те, которые стереть не смогло ничто. Уже несколько десятков лет вдали от дома. Забытый всеми. Хотя и не стал тем Забытым. Или... всё же... стал?.. Но, впрочем, быть забытым даже хорошо: так я смогу внезапно вернуться, никем не жданный.

Стиснул кулаки.

А я вернусь. Я ещё вернусь к тебе, Хэл! Эльфийский лес меня ещё запомнит. Но, надеюсь, ты помнить долго не будешь, потому что тебя тогда уже не будет. Если я о чём-то другом и мечтаю, так только чтобы ты не успел сдохнуть прежде. Несколько десятков лет я учился, чтобы вернуться и отомстить. И я однажды вернусь. Ничто меня не остановит.

– Гришка... – робко позвала Зарёна, но, увидев мой ненавидящий взор, осеклась. – Григорий... я только хотела сказать...

Молча вернулся в сени, разжёг на полу маленький огонь, который ярко светил, но ничего не сжигал, и начал быстро собирать свои нехитрые пожитки. Девчонка хотела нащипать мне овощей с огорода, но я резко велел ей остаться на месте: дом, оказавшийся столь тесно связанным с моим заклятым врагом, а так же всё, имеющее к нему отношение, теперь вызывало у меня отвращение.

Мрачно на девушку взглянул, смущённо теребившую кончик лохматый длинной тугой рыжей косы.

Я забуду тебя, Зарёна! Я забуду всё, связанное с тобой! С этого дня нас ничего больше не связывает.

Сердце мучительно сжалось. Мне вдруг стало страшно. Я... я успел к ней привязаться?.. Нет. Нет! Сегодня я уйду! И, надеюсь, что никогда её больше не увижу!

Хозяйка выползла в сени, зябко кутаясь в старую шаль. Значит, следила за нами. Ну да теперь всё равно.

– Уходишь, Григорий?

Я тепло с ней попрощался, подхватил свой свёрток. К счастью, за эти годы хорошо научился притворяться. Уж недолго дружелюбие смог разыграть. Знал же, что и жизнь этой женщины, молодой ещё, сломана из-за жадности остроухого. Моего же врага. Но с вспыхнувшей в душе ненавистью ничего поделать не мог. Хотелось уйти. Поскорее уйти отсюда. Сейчас же! О, вот, вроде и всё. Осталось только завернуть края полотенца, да сложить в мою старую сумку. Какое счастье, когда мало вещей!

Полуэльфийка метнулась в комнату и вытащила мне сумку, которую сама же сшила и вышила. Поколебавшись, взял. Всё-таки, девчонка ни в чём не виновата: она не выбирала себе отца. Или... или выкину за околицей. Или просто сожгу.

Зарёна выскользнула за мной в ночной мрак. Сегодня ярко светила полная луна, так что была видна точёная фигурка полуэльфийки и её опущенные плечи.

– Ну, назови своё настоящее имя хотя бы на прощание! – тихо взмолилась она. – То, каким ты зовёшься, слишком человеческое. Да и лицо у «менестреля Гришки» уж очень простое. А эльфы все красивы. Да и... я же не прошу тебя показать мне твоё лицо!

Холодно отрезал:

– Слушай, если желаешь мне добра, сделай вид, что никогда меня не встречала! Что меня вообще не существует!

– Чтобы твоё появление перед моим отцом стало неожиданным? – сообразила догадливая девчонка, но, впрочем, ответила сразу же: – Хорошо, – ухмыльнулась, кажется, – я буду молчать.

Прошёл несколько шагов – она не шла за мной, оставшись стоять там. Поняла, что меня не сможет задержать. Всего лишь сон. Всего лишь одна ночь. И всё опять разрушилось. Всё снова разрушилось из-за тебя, Хэл!

Уже до ворот прошёл – дочь врага так и не кинулась за мной. И, кажется, рядом с нею стояла мать, растерянная и плачущая. Замёрзнет же! Она не давала мне мёрзнуть. Хотя особото и вещей у них не было. Но тёплой еды и тёплых слов у матери её на меня хватало всегда.

Вздохнув, обернулся. И верно, они вдвоём стояли у крыльца. Мать обнимала дочь и плакала, уткнувшись лицом ей в плечо. Подсвечник стоял на ступеньках, с затухающей свечой да тусклым светом, который был слишком тонок и мал, чтобы победить ночной мрак, охвативший всё.

Я вроде ненавидел их, оказавшихся связанными с ним. Но... мне больно было смотреть, как мать её сотрясается от плача. Та и вовсе ничего не поняла. Так же тихо и дружно говорили ещё с утра, днём. Она успела привязаться ко мне?.. Или расстроилась, что я не заберу Зарёну с собой?..

Но почему-то крикнул:

– И береги себя! И мать!

– Я обещаю! – прокричала мне девушка.

Её волосы и волосы матери, на которых отсвечивали пряди от тусклого света свечи, казались ожившим пламенем. Струи пламени, обрамляющих два бледных лица. И одно, до отворачивания похожее на его.

Дом, который я было обрёл. Нет. Дома у меня не было. Дом мой был разрушен ещё тогда. А больше дома у меня быть не могло.

Отвернувшись от дочери моего врага, быстро вышел за калитку. Едва ли не бегом по деревне прошёл. Она научилась у меня не только драться, но и использовать проявившиеся у неё эльфийские способности. И я могу спокойно её оставить.

Создал заклинание и переместился в безопасное место. Это оказался лес. Причём, щедро поливаемый дождём. Небесная влага меня успокоила. Долго стоял под холодными струями. Медленно ушли неприятные мысли, затем и чувства. Потом мне стало всё равно. А дождь всё лил и лил. Синего чистого неба больше не было, осталось только тусклое и грязное...

Когда дождь наконец-то закончился, я высушил магическим пламенем одежду. Медленно брёл по грязи, надеясь рано или поздно выйти на дорогу. Шёл, шёл, чихая и часто сморкаясь. А потом недоумённо остановился: вдалеке кто-то заиграл на флейте. Ночью, посреди мокрого леса! А когда вслушался, у меня по спине поползли мурашки: это была та самая мелодия, которую сочинил в детстве.

...Накануне того дня, когда воины пришли за отцом, я один раз исполнил её перед родителями. Мама только улыбнулась, а отец раскритиковал меня в пух и прах за простоту мелодии. Он сказал: «Это слишком грубо для эльфа» – и напомнил, что в нашем роду было четыре композитора, чей талант признали в Эльфийском лесу. А для эльфов признание среди своих – самое важное. Вот люди нетребовательные: им нравятся все мелодии, которые мы исполняем.

Я тогда страшно надулся: это было первое моё музыкальное творение, и я считал его если уж не самым лучшим в мире, то хотя бы просто гениальным.

Мама попробовала нас примирить: намекнула, что из всех мастеров искусств, когда-либо существовавших в нашей стране, было только двое, которым всё удавалось с самого начала, но они жили столь давно, что истории об их таланте, явившемся едва ли не с первого года их рождения, уж очень похожи на преувеличение. То есть, даже признанные мастера начинали с трудностей и ошибок, порой весьма забавных. И рассказала пару историй о наших великих мастерах. Затем спросила, как называется моё творение, сочинил ли я к нему песню.

Я гордо выпалил: «Дуб стоит вопреки ветрам!». И напел:

Дуб стоит вопреки ветрам
Среди бурь и среди невзгод.
Дуб стоит вопреки ветрам
Не один единственный год.

Не сломался дуб, не засох.
Свет далёких звёзд повидал.
И ни единый свой вздох
За столетия он не отдал.

Дуб тянулся всегда только ввысь:
В росте видел старик свою цель.
На его ветвях засыпала гордая рысь.
А иногда под ним пел менестрель.

Под тяжёлой дубовой листвой
Прятались люди от струй дождя.
Осенью в небо взмывал волчий вой:
Гимн луне они пели, под дуб приходя.

Дуб стоит вопреки ветрам
Среди бурь и среди невзгод.
Дуб стоит вопреки ветрам
Не один единственный год.

Для чего стоишь, старый мудрец?
Ведь однажды и ты пропадёшь!
Одиноко свободы хранишь венец,
А потом и ты в никуда уйдёшь!

Дуб молчит и стоит вопреки ветрам,
Сберегая маленький ствол дубочка.
Знает старец, что в дали где-то там
Его возродит его взрослая дочка.

Отец расхохотался, а мама лишь коротко улыбнулась...

Я встряхнул головой, отгоняя наваждение, но мелодия всё ещё звучала, словно смеялась надо мной, напоминая о последнем дне, когда видел родителей весёлыми. И теперь мне не обидно, что они так отнеслись к моему первому сочинительскому опыту. И пусть бы они смеялись! Да хоть всегда! Только этого уже никогда не случится.

А мелодия лилась, и я с ужасом вслушивался в неё. И только последние звуки ночного бреда отличались от того, что сам сыграл: у меня песня была полна надежды, а тут под конец мелодии надежда сменилась глубокой тоской. Затем тишина окружила меня. Моё сердце бешено забилося.

Кан, успокойся! Ты слишком перенервничал из-за кошмара, потом слишком долго пробыл под холодным дождём, так что просто-напросто простудился и теперь бредишь.

Но ушедшее не желало оставлять меня, тенью вцепилось в меня: мне опять примерещились звуки флейты. Они все лились, лились и складывались в мелодию, которую я очень любил исполнять в детстве.

Не выдержав, я уронил сумку на мокрую землю, обхватил голову руками и отчаянно закричал. Мелодия стихла. От меня испуганно шарахнулось какое-то небольшое животное. Замолчав, создал на левой ладони магическое пламя. Оно охватило лес шагов на тридцать вокруг меня. И запачканную грязью сумку у моих ног. Поднял подарок Зарёны свободной рукой, выпрямился. И потрясённо застыл: шагах в десяти от меня стоял и смотрел на меня мой отец, который вот уже тридцать лет как находится за Гранью. Он сжимал в руке флейту. Я испуганно вскрикнул, попятился. На лице мужчины отразилось недоумение, он отступил на шаг назад и хрипло спросил:

– Кто ты?

Испуганно задрожал. Мало мне прошлых видений, так ещё и мой бред начал со мной разговаривать! Нельзя столько мокнуть под дождём, даже если это смывает память о ночном кошмаре, а так же отвлекает от печальных воспоминаний!

– Что с тобой? – участливо спросил отец.

Он выглядел таким... живым. И я так давно не видел родное лицо! В горле моём застрял комок. Сглотнув, тихо ответил ему:

– Ты знаешь.

– Я не знаю, – ответил мужчина грустно.

– Ты... – мой голос задрожал. – Ты меня не помнишь?

– А кто ты? – его глаза недоумённо раскрылись.

Было в них что-то не то, что-то другое... Кан, это же бред! Обычный бред! Естественно, он странный! И не следует тебе с ним разговаривать.

Развернулся к нему спиной и торопливо пошёл прочь. Отец пытался мне что-то сказать, но я не слушал. Он рванулся за мной, споткнулся на грязи и упал. Я помчался вперёд, судорожно сжимая ручку сумки, выставив перед собой руку с магическим пламенем.

Прошлое не вернётся, никогда не вернётся.

Тяжело и медленно уползла от меня ночь.

Рано утром, усталый и измученный, выбрался на широкую мощёную дорогу. И вскоре она привела меня к городу. Голова была как в тумане. И есть уже совершенно не хотелось: ещё один признак надвигающейся болезни. Нашупал на дне сумки сухой корень имбиря, оторвал большой кусок, морщась, разгрыз, проглатывая слюну.

Брёл по городу и мне мерещились лёгкие шлепки по мокрой мостовой, следовавшие за мной на некотором отдалении. Когда оборачивался, то улицы оказывались пустынными или рано проснувшиеся горожане шли не там, откуда доносились подозрительные звуки. Да и стоило мне остановиться, как шлепки за мной пропадали.

Обессиленный от голода, видений и жара внутри меня, прислонился к дереву, росшему возле низкого старого одноэтажного дома. Устало прикрыл глаза. Шлепки по мокрой дороге тихо

крались ко мне. Ближе, ещё ближе. Вот между ними и мной расстояние в два-три шага. Слегка приоткрыл глаза, взглянув вниз. В луже около моих ног отразился мой отец, встревожено смотрящий на меня. Я распахнул глаза: на том месте никого не было. Заорав, побежал прочь, подальше от этого ужасного виденья.

На какой-то улице, выскочив из-за поворота, натолкнулся на светловолосого парня в одежде Белого края. Человек ограничился недовольным взглядом. Я не извинился и гордо прошёл мимо. Отойдя на приличное расстояние, услышал, как тот сказал своему спутнику, невысокому курносому парню с короткими всклокоченными волосами:

– Судя по запаху, он – не пьян. Наверное, болен или у него что-то стряслось.

– Просто придурок, – язвительно отозвался темноволосый.

Когда я возник перед нахалом и попробовал дать ему по зубам, тот спокойно увернулся и наподдал мне ногой по колену.

– Вадим, ты опять?! – взвыл светловолосый.

– А чё я? Это они все на меня кидаются!!! – возмутился его спутник.

К моей досаде, он оказался не только магом, но ещё и умел драться, к его – я оказался достаточно ловок, так что в итоге больше я его потрепал, чем он – меня. Его спутник мрачно дожидался в сторонке, не вмешиваясь. Когда мы с моим противником отступили друг от друга, тяжело дыша, то светловолосый едва не вырвал у драчуна клочок волос, появившись неожиданно у того за спиной. Тоже маг.

– Вадим, ты когда-нибудь повзрослеешь? – мрачно спросил светловолосый.

– Зачем? – возмутился его приятель, потирая ушибленный бок. – Чтоб тоска заела?!

Я подобрал брошенную сумку и побрёл по улице. Долго или мало слонялся по городу, не понял: ощущение времени пропало, а отяжелевшую голову было трудно поднять к небу.

Кто-то попробовал сунуть руку мне в сумку – и рухнул от моего пинка. Голова у меня начала раскалываться, ноги – слабеть. Вор вскочил, в его руке блеснуло лезвие. Пропустил один из его ударов. Отбросил его от себя, переместился на короткое расстояние. Хотел перевязать рану, но всё вокруг поплыло...

Очнулся уже на мостовой, возле ограды чьего-то дома. И опять увидел лицо того, кто уже давно находился за Гранью. В дневном свете видел чётко. Он держал прохладную мокрую ладонь на моей щеке. Увидев, что я очнулся, улыбнулся. Как-то непривычно. Смущённо. Мгновение мы смотрели друг другу в глаза, потом он резко отскочил от меня.

Топот где-то за дверью, недалеко. Напуганный женский крик. Отчаянный.

Резко сел. Голова уже не гудела. Отца, разумеется, рядом не было. Приснился...

Но рядом кто-то явно дрался. Возня шла из-за двери ближайшего дома.

Вскочил на ноги. Странно, чувствовал себя бодро.

– Ромка!!! – отчаянно закричали в ближайшем доме, кажется, за входной дверью.

Как будто там кого-то убивают.

Шум возни. Кажется, девушке той никто не пришёл на помощь.

Или насилуют?.. Или, всё-таки зовут на помощь?..

Я чувствовал себя непривычно бодрим. Да и эта драка в чужом доме смущала. Как будто и правда кто-то попал в беду. Молодая женщина. Или жена с супругом поссорилась? То ли тому внезапно припёрло, то ли они так мирятся?

Тут щёлкнула задвижка и на крыльцо выскочила перепуганная девушка. Именно девушка, волосы в одну косу собраны. Вышивка на платье красная. Белый край?..

Но она в таком ужасе кинулась вперёд. И за нею мужчина выскочил. Нет, на ссору супругов или любовников не похоже. Как будто вор забрался в дом. Или неудачный ухажёр решил изнасиловать строптивную возлюбленную. Дома, кажется, никого кроме неё нет, поэтому выскочила на улицу, к людям.

Перемещение до крыльца удалось на удивление легко. Я обнял девушку одной рукой, свирепо посмотрел на её преследователя. Вроде смутно знакомого. Э... где я его видел?..

– Эй, ты, отпусти её! – потребовал её преследователь.

В его руках вспыхнуло магическое пламя. Маг? Ну, ладно, потренируемся.

– Ромка!!! – отчаянно завопила девушка.

Прижал её к себе левой рукой, правой двинул, сосредоточиваясь.

Магия опять сложилась легко, будто и вовсе без слов заклинания. А невидимой струёй напавшего смыло обратно через порог.

Спасённая дрожала, плохо соображая. Но платье вроде не смятое. Убежать успела. И ладно.

Но упрямец выскочил через окно. Парень беглянку отпускать не хотел, мощно атаковал меня магией. Такой... сначала для виду, чтобы пыль пустить в глаза. Но когда я ответил мощным ударом, он понял, что и я чего-то стою и перестал выпендриваться передо мной и девушкой.

От очередного заклинания меня отвлекла спасённая: она вдруг сильно укусила мою руку, сбив настрой. От боли на несколько мгновений забыл нужные слова. Хорошо хоть парень её калечить не хотел, увидев, что я временно выбит из колеи, сам остановился.

Я возмутился:

– Ты чего кусаешься? Я же тебя от него защищаю!

– Это я её от тебя защищаю! – прорычал насильник.

Кажется, мы друг друга не поняли. Но девчонка-то явно была чем-то напугана. Стоит ли оставлять их вдвоём?

Молодой маг покосился на беглянку. Растерянно.

– Эй, отпусти его! Мы просто друг друга не поняли, – попросил вдруг он её.

Пусть и не сразу, но девушка его послушалась, разжала зубы. Блин, больно!

Но, впрочем, смолчал. Она была чем-то напугана, сильно. И вот сначала я всё-таки разберусь, что у них произошло.

Из-за стены дыма, высокой, кстати, вставшей вокруг забора, донеслись крики, ржанье лошадей.

– А ну разойдись!!! – гаркнул кто-то с улицы. – Стражники, вперёд!!!

Лезть к магам охранники города не хотели. Но толпа там явно собралась. Вот что с этим делать?..

Покосился на мага. Тот сам замер растерянно. Ага, лапоть наедине не страшно, а вот отвечать перед людьми уже не смешно? И где-то я его уже видел. Посмотрел на бедняжку. Замер.

Так ведь её я во Враждующих странах подобрал, едва живую от голода и усталости? Надо же, снова встретились!

– Разойдитесь! Да что же тут такое? – прокричали с улицы.

Девушка выскользнула из моей руки, бросилась к дыму. Хотя пройти сквозь него не осмелилась. Прокричала отчаянно:

– Ромка!!!

– Алинка!!! – радостно отозвался оттуда молодой мужчина, другим прокричал: – А, ну, пошли вон! И ты своего коня убери!

– Ты обнаглел! Я – главный стражник этой столицы!

Я жжал её локоть. Неясно, что за дым использовал тот маг. Как бы она в нём не задохнулась.

– Ромка!!! – испуганно закричала она, призывая на помощь того молодого мужчину, который остался за дымовой преградой.

– Ты, наглец...

Он и глава стражи поругались. Понятное дело, хамство главному стражнику – это не пустяк. Хорошо, если отделается несколькими монетами или десятком-двумя плетей.

Люди зашумели с улицы. Ага, а кому-то чужая драма – приятное развлечение.

– Алинка!!! – послышалось уже из завесы. – Алинка!!!

– Ромка!!! – девушка отчаянно дёрнулась из моих рук.

А ведь за хамство главе стражи не только её заступнику может попасть, но и ей. Если там какой-то засранец во главе, то покарает всех причастных. Не только пытавшегося её спасти, сдуру нахамившего ему. Пожалуй, надо убрать отсюда девчонку. Потом разведать, всё ли успокоилось. Тогда уже вернуть.

Я отступил, увлекая её от крыльца. Так, теперь надо вспомнить заклинание для перемещения двоих. Или, всё-таки, портал?..

– Ромка!!! – отчаянно сопротивлялась она.

Из дымовой стены послышалось:

– Сопля, я ид-у-у-у! – и мат.

Кажется, орущий упал. Не повезло ему. Но он уже взрослый, сам сможет постоять за себя. А вот девушку отдавать на растерзание главе стражи жалко.

Тут вдруг... мы очутились в лесу. Трое. Он всё-таки собрался её похитить? А зачем прихватил и меня? Или сам от волнения заклинания перепутал? Так хорошо ещё, что нас ключами по Белому краю не размазало!

– Ты не зря создал дым, иначе нас могли бы схватить, – сказал мне маг вполне серьёзно.

Э... я создал? Не помню.

Но он... на меня не кинулся. Даже... улыбнулся мне. Дружелюбно. Дружелюбно?!

Моргнул растерянно. Ничего не изменилось. Он так же с улыбкою смотрел на меня. Не злой. Или и правда я что-то не понял?

Сказал спокойно ему:

– Нам всё равно будет трудно уладить это дело.

А девушка обмякла на моих руках. Вот только обморока её не хватало! А, впрочем, пожалуй, мне так проще будет расспросить или допросить этого парня. Что тут вообще происходит?! Точнее, там. Что там произошло?..

Я встал, не заправляя постели, бесшумно перемахнул через окно. Приземлился не на куст, а около. В глазах потемнело. Едва удержался, чтоб не взвыть во весь голос. Как некстати эту рану получил! На ближайшие недели можно забыть о тренировках.

С трудом выровняв дыхание и разогнувшись, я беззвучно дошёл до кухонного окна и, лишь слегка зацепив куст цветущей сирени, залез внутрь. Надо бы рану без этого докучливого хозяина дома осмотреть. Да и дверь он нарочно не смазал, чтоб скрипела, когда я или Эндарс выйдем из комнаты. Если так беспокоится за целомудрие сестры, зачем вообще было постояльцев в дом пускать? Тем более, по одежкам нашим видно, что мы не светопольцы.

Взяв ковшик, склонился над ведром колодезной воды. Потрясённо застыл.

Из воды смотрел молодой мужчина. Серые глаза, тонкие и красивые черты лица, треугольный подбородок, длинный нос, растрёпанные тёмно-русые волосы, криво обрезанные, до плеч и ниже, и...

Заслышав лёгкие шаги в коридоре, торопливо прикрыл волосами заострённые сверху уши и потянулся за ковшом. Какая досада, что обе иллюзии слетели, покуда я свалился с жаром! Я давно уже жил среди людей и привык притворяться одним из них. Хоть Светополье и граничило с одной стороны с Эльфийским лесом, хоть светопольца и вели иногда с остроухими дела, однако же всё же относились к нам настороженно.

Алина какое-то время молча стояла у порога, то ли разглядывая меня, то ли о чём-то задумавшись, потом зашла на кухню, тихо заслонив за собою дверь. И вдруг... дрожащим голосом едва слышно спросила:

– Кан?..

Я давно уже никому не говорил родного имени. Разве только ей. Тогда, при первой встрече, когда был иллюзией совсем другою прикрыт. Просто она очень просила сказать ей имя, чтоб она могла молиться о моём благополучии. Но она не видела тогда моего настоящего лица! Тем более, что ещё до того, как сознание потерять, когда мы только с Эндарсом вытащили её из затянутого дымом дома в ближайший лес, я соврал, что меня зовут Канрэл. Светополье граничит и с Синим краем, там что-то подобное попадает. А Кан... это слишком коротко для человеческих имён. Разве что в Жёлтом краю, откуда эльфы кое-что заимствовали, включая склонность к коротким личным именам и витиеватым лиричным именам семьи и рода.

Резко выдохнув, отпил воды. Притворился невозмутимым. Пусть устыдится своей фамильярности. Наверное, она просто Канрэла хотела сократить. Хотя я вроде не подавал ей повода.

– Кан... ты ведь Кан, да? – робко спросила она.

Но она же не знала, как я выгляжу без иллюзий!

С трудом выровняв дыхание, невозмутимо повернулся к ней.

– Иногда меня зовут Рэл или Кан, когда фамильярничают, – поморщился, – но я не привык к этому.

Девушка грустно потупилась.

– Прости, я тебя кое с кем спутала.

Всё-таки думает, что это был я?..

Не удержался:

– Чем я на него похож? Лицом?

Алина робко посмотрела мне в глаза.

– У тебя глаза серые, как у него. То есть, у него они могут быть и не серыми.

– Плохо рассмотрела? – поднимаю брови.

Но она серьёзно ответила, взгляда своего не отводя:

– Мне только кажется, будто бы у него серые глаза.

– Так почему ты всё-таки спутала меня с ним? У него волосы, как у меня?

– Нет.

Вот именно, я и сам помню, что в прошлый раз, когда меня занесло в Светополье, я притворялся черноволосым, да ещё и внешность состарил, чтоб было около сорока пяти! А от неё ни в тот раз, ни в этот магией не веяло! Она не могла разглядеть тогда мою настоящую внешность сквозь иллюзию!

– Странно... – изобразил улыбку. – Почему ты подумала, будто бы он – это я?

Она лишь отчаянно вглядывалась в мои глаза.

Глаза...

Цвет глаз сложно изменить иллюзией, затратно. Поэтому серыми глаза я оставлял часто, при многих иллюзиях. Но мало ли сероглазых людей, тем более, в Белом краю?! Да и лицо, фигура у тогдашней иллюзии и настоящего меня отличались совсем!

– Кан, почему ты врешь? – грустно спросила внезапно она. – Это ведь ты! Тот Кан, который спас меня в лесу у дороги!

Шумно выдохнул. Не мог скрыть волнение: эта девушка меня испугала.

Мрачно у неё спросил:

– Почему ты так уверена? Сама сказала: мы совсем не похожи!

– Это ведь ты!

– Нет, он – не я. Ты это всё придумала. Иди, поспи. Или своими делами займись.

Губу прикусив, Алина отвернулась и пошла ко двери.

Вовсе не похожа на магичку! Тем более, в Светополье своих магических школ не было. Эндарсу пришлось парочку спектаклей устроить, здесь и в соседнем городе, изображая месью чокнутого мага, чтобы подозрение от дома Алины отвести, чтоб она могла потом спокойно вернуться и её ни в каком сговоре не заподозрили. Жаль, я так некстати снова отрубился, а он надумал мне и себе комнату у брата Алины снимать.

– Алина... – вырвалось у меня, когда она взялась за ручку.

– Чего? – светополька даже не обернулась, но и не ушла.

– Как ты меня узнала?

Резко повернулась. Робкий взгляд, смущённый. На щеках вспыхнул румянец. Как будто отчаянно пытается отыскать что-то в моих глазах. Под моим испытующим взором робко пожала плечами.

– Значит, у тебя какой-то дар. Или ты чего-то смыслишь в магии.

– У меня нет никакого дара, и я не магичка, – ответила девушка торопливо.

– Как тогда ты меня узнала?

– Мне казалось, будто бы это был ты, – смутилась.

– Отчего?

– Не знаю. Я просто хотела спросить. Просто проверить.

– Но ведь только маги... – внезапно меня пронзило воспоминание о маминых историях. –

Хотя в одной древней легенде говорится иное: кое-кто может узнать кого-то под любой иллюзией.

– Под любой? Тогда он сильный маг? – горько усмехнулась она.

Сердце моё неровно забилось под взглядом усталым синеглазой красавицы. А ведь я и не стремился никогда к ним!

Я спросил у неё взволнованно:

– А как ты думаешь, какой я на самом деле?

Девушка проворчала:

– Может быть, почти такой же, как и сейчас.

– Почему... почти такой же?

– Откуда мне знать? Я не маг.

И про уши догадалась?!

– Н-но... ты права!

– Разве? И что, по той легенде, я теперь могу узнавать под иллюзией любого мага и простого человека?

Я долго смотрел в окно на сирень цветущую. Сердце неровно билось от того, что я понял. Странно. Мне же не было никакого дела... и зачем это всё сейчас? И это моё волнение?... Ни романа с короткою вспышкой страсти, ни семью я никогда не хотел. Смыслом всей моей жизни стала месью после того пожара. А семья и любовь... как-нибудь потом, если доживу. Хотя я не ждал, что из Эльфийского дворца меня отпустят после убийства их короля.

Она стояла на том же месте. Робкий взгляд вцепился в меня. Грудь взволнованно поднималась и опускалась. Сердцебиение. Дыхание неровное. Нет, правда, зачем это всё? Зачем это всё сейчас?!

Но она ждала, чтобы я хоть что-то ответил. И я дрогнувшим голосом признался внезапно:

– Одного единственного. И ты единственная, кто не магичка, но сможет меня узнать.

– Почему?

Долго... очень долго смотрели мы друг другу в глаза. Сердце моё не успокаивалось. И я признался глухо:

– Потому что ты единственная, кто меня любит.

Смутившись, взгляд потупила. Но не ушла. Не хотела уходить.

Устало сказал:

– Ты же понимаешь: я уйду через неделю-две, когда окрепну после раны.

– Понимаю, – едва слышно ответила она.

Не ушла. Не сдвинулась. Но не пыталась меня как-то задержать возле себя.

Не удержавшись, растерянно спросил:

– И... ты так просто меня отпустишь?

Светополька робко посмотрела на меня, но сказала твёрдо:

– Ты свободен и я свободна. Я не буду ругать ни себя, ни мою любовь. Надеюсь там, куда ты уйдёшь, ты будешь счастлив.

– Вряд ли. У меня есть дело, о котором мечтаю с детства. Больше у меня ничего нет. И, пожалуйста, не называй меня моим прежним именем.

– Тебе ненавистно собственное имя?

– Мне не хочется, чтобы оно напоминало мне о прошлом.

– Тогда почему ты не взял совсем другое, а лишь добавил несколько букв к прежнему? Получается, о чём-то из своего прошлого ты не хотел забывать?

Сложно внезапно оказаться рядом с тем, кто видит тебя насквозь! Да и ни к чему мне эта вспышка любви.

Глухо произнёс, отвернувшись:

– Обо всём забыть не только не могу, но и не хочу.

Алина поспешно добавила:

– Не желаешь мне ничего рассказывать – не рассказывай.

Проворчал:

– Ну, спасибо за разрешение!

Она какое-то время переминалась с ноги на ногу – я на неё не смотрел – потом осторожно застучала горшками, готовясь к приготовлению завтрака.

Надо было уйти. Ещё тогда уйти и не называть себя. Уйти сейчас. Но сердце билось как-то устало. И она постаралась принять мой выбор, даже если эти недели после первой встречи всё ещё ждала новой встречи со мной.

– Я могу только рассказать тебе несколько историй, – внезапно вырвалось у меня.

В прошлый раз мы же обсуждали с нею песню. И я могу подарить ей немного моего искусства.

Робко посмотрел на неё.

Алина смущённо улыбнулась:

– Я люблю послушать разные байки и легенды.

Я стал мальчишкой семи лет, Алине было примерно столько же. Мне всё равно, что она родилась намного позже меня, и мы не могли одновременно быть детьми.

Взявшись за руки, мы бежали по большому лугу. Бежали в рассветных лучах. Нас окружал медовый запах трав: сладкий, чуть терпкий запах цветущей пижмы и немного горький запах тысячелистника. Вокруг на стеблях и листьях искрились и переливались капельки росы. Луг раскинулся широко. Казалось, он никогда не закончится...

Мы бежали, не останавливаясь. Порой переглядывались и весело смеялись. Наш смех летел над лугом. Летел далеко-далеко...

На следующий день опять рассказывал им легенды. Какие-то вспоминал, какие-то придумывал. Эндарс с раннего утра сидел на кухне со мной и Алиной. Вроде бы он ещё недавно бросал на меня задумчивые взгляды, а теперь отчего-то заинтересовался легендами. Да даже если его и не злила моя драка с приятелем, я и иначе мог его заинтересовать. Похоже, кроме нас в столице Светополя магов не было. А он, кстати, тоже притворялся обычным перед другими.

А Алина, кстати, осмелела, заулыбалась. Уже не отводит и не опускает взгляд, когда я смотрю на неё. Наши взгляды встречаются всё чаще и чаще. Её синие глаза искрятся любопытством. О, какая она красивая! Особенно, когда живо заинтересована в чём-то, когда выглядит счастливой.

Невольно улыбнулся ей – она ответила улыбкой.

– Так всё-таки, откуда появился третий Основной народ? По этой версии? – вклинился в наш немой разговор второй постоялец. – Если та девушка, не найдя взаимности у своего вождя, ушла в лес в когти диким зверям?

Он, кстати, выглядел мрачным. Неужели... ревнует? А, хм, и такое может быть! Алина – красавица.

Улыбнулся и продолжил легенду о Голубой лилии:

– Ушла Лиса в лес. Думала, хоть звери дикие прельстятся. Ей ж жизнь с той поры стала не мила. Да только пела она, губителей лесных поджидая. А они, голос её услышав, восхитились. Да, такой вот у неё был дар петь: даже зверьё лестное умилилось и полюбило её. Охраняло. Таскало ей что-то покушать: то зайца пожирнее, то орехов, то к малиннику её водило. Время маленько залечило рану. И решила Лиса сотворить что-то необычное. И чтоб мир её услышал, помог в затее, стала только растительной пищей питаться. Девушка помнила старые легенды о том, что прежде люди никого не убивали: ни своих, ни зверья какого-либо. Растительным когда-то питались. И было то миру их в радость: он, мир, точнее, она, Мириона родимая, не хотела, чтоб люди себе или зверью вредили. Ну, а что зверьё зверью вредит, так тут уж ничего не поделаешь: так уж зверьё Творцом устроено...

– Постой, Кан! – Алина вмешалась – она упорно сокращала Канрэла до Кана. – Ты ж вчера легенду рассказал, что когда-то давным-давно, ещё во времена Первого народа, и звери других зверей не ели? Что они тоже питались только плодами да травой?

Задумчиво отхлебнул из кружки, потом серьёзно изрёк:

– На сей вопрос менестрели и древние летописи расходятся во мнении. Кто-то говорит, что для порядка и круговорота жизни кто-то должен падаль поедать, кто-то – что клыки волкам и тиграм даны неспроста, и они изначально охотились за другими. Но кто-то говорит, что это из-за нарушения страшного в природе случилось. Возможно, когда наступила первая зима.

– Ну, вот эти вот остроухие бредни я слушать не хочу, – проворчал Эндарс. – Давай, дальше про Лису рассказывай.

Усмехнувшись, продолжил:

– Пару лет жила она в лесу, ведая только одно горе: неразделённую свою любовь. Думаете, зимой мёрзла, без шубы-то? Ан нет, зверьё преданное её отогревало. Да и сама она поздоровела, окрепла. Похорошела. Здоровье-то... оно украшает. Поскольку травой не мазалась, то окрепла. И зверьё как-то по-особому понимать стала. Да и тайны трав, прежде неизвестные, ей приоткрылись более чем другим людям. Вообще, в ту пору уже и драконы появились. Но им тайны трав так же не открывались, как и людям...

– Но ты же говорил, что драконы эльфов и людей намного в науках превосходят! – возмутилась Алина.

– По части траволечения – нет, – ответил парень вместо меня. – Кстати, если ты так будешь с вопросами его перебивать, то мы до возвращения Романа легенду о Голубой лилии не дослушаем. А он придёт и попросит ему с самого начала всё рассказать.

– А я ещё послушаю, – Алина улыбнулась. – Кан так рассказывает, что его приятно переслушивать.

– А у меня ещё дела в городе есть, – вздохнул Эндарс.

– Если сегодня не успею, то в другой раз тебе лично расскажу, – подмигиваю ему.

– Ну, тогда ладно.

Отпил ещё немного мятного отвара и продолжил:

– Пожила Лиса ещё с год в лесу – и иных растений ей тайны открываться стали. Да по родным девица так соскучилась! И вернулась в родные места. Там её уж и не ждали. А вдруг она пришла. Ещё красивее. И в рукоделии она ещё лучше стала. И лечить травами могла. И в прочих-то своих умениях превзошла былую себя – не просто так в лесу сидела, а тренировалась. В общем, уважали её, что свои, что чужие. И женихов с сотню понаехало. Да только такую уважаемую особу уже родителям замуж против её воли не спихнуть. Решили: пусть сама дочка выбирает. А ей только один Сокол и люб. А что Сокол? А ему она что рыжая, что намазанная в светловолосую и белокожую – всё одно не мила. Из-за не любимого цвета глаз. Вот ведь дурень, а! Всем завидно, что Лиса только на него и смотрит, а он и не рад её вниманью. Ему всё б с голубоглазыми, светловолосыми, белокожими и стройными развлекаться! Не, признаюсь, фигурка у Лисы нашей округлилась где надо – уж и без валиков очень хороша. Ан не мила ему.

Алина вдруг вздохнула, подпёрла голову рукой, унылый взгляд в окно устремила. А Эндарс как-то уж очень внимательно на неё посмотрел. Я ухмыльнулся: точно ревнует. Впрочем, они ждут историю.

Я продолжил:

– А девица наша, невеста без жениха, всё продолжала растительным питаться да к миру взывать. Года два взывала. Сокол всё ещё не женился: воевал, торговал, спал, ел да с красотками водился. И прониклась наконец Мириона. Спросила у влюблённой девушки, что за помощь ей надобна. А она к тому времени так умна стала или сердцем чутка, что услышала голос своего мира...

Вечером, лёжа в темноте, долго представлял себе лицо Алины. Вспоминал, как она просила сказать моё имя в первую нашу встречу. Я не жалею о том, что его сказал. Вспоминал бледное лицо и радость в синих глазах, когда отдал ей свою сумку с едой. Вспоминал благодарность, зажгшуюся в синих глазах, когда Алина поняла, что я и в правду хочу ей помочь. Видеть чьи-то счастливые глаза... это душу согревает.

В тот вечер не хотел думать о чём-то грустном, не хотел мстить. Было непривычно спокойно на душе. Засыпая, пытался представить себе Алину, представить разные мелочи, с нею связанные, её заботливые руки, накрывающие меня одеялом. Ночью, она опять появилась в моём сне...

Вначале я искал Алину среди высокой и душистой шуршащей травы на лугу. Снова мальчишка. Она опять девчонка. Кажется, мне было восемь. Уже прошёл тот страшный день. Странно, память о нём сохранялась, но боль как будто пропала. Бескрайнее море надежды на что-то светлое плескалось в душе.

Найдя девочку, я протянул ей руку:

– Побежим опять, а?

Она кивнула, улыбаясь. Я помог ей подняться, и мы опять побежали. Казалось, мы не бежим, а летим над землёй, над неожиданно уменьшившимися травинками.

Мы смеялись. И вдруг и вправду полетели. Высоко-высоко. В голубое, покрытое пухлыми облачками небо.

Мы бежали в небе. А под нами тянулась такая красота!.. Вдогонку за нами бежал наш счастливый смех. Свобода... от бед... от грусти... от прошлого... только небо. И её синие-синие глаза...

Когда я в то утро вошёл на кухню, Алина уже была там, в дневном платье, косу доплетала, сидя напротив окна, в которое заходило солнце. И я вдруг запнулся о порог. И устоял едва.

Солнце всходило над городом, проникая сквозь низкие дома, да в щели между них, видные с этого окна. И лучи света обнимали Алину сияющим ослепительным ореолом. Даже её

русые волосы, казалось, блестели. Словно золото, чуть загрязнённое от времени, но всё ещё способное быть ярким, завораживать своими бликами.

И её руки тонкие, их плавные движения... но, впрочем, молодость и здоровье сами по себе красивы, а Алина уже оправилась.

Она вдруг подняла синие глаза на меня. Взгляды наши соприкоснулись. У меня отчего-то перехватило дыхание. Мне невольно вспомнился день, когда расстался с Зарёной. Точнее, ночь. И маленький круг света вокруг пламени догорающей свечи. Отблески на её волосах. Но сегодня я видел Алину, охваченную светом. Яркую, словно само солнце. Солнце, которое вставало над столицей Светополя, наполняя светом улицы, да ещё ярче грязь на мостовых и стенах подчёркивая. В солнечных лучах всё становилось ярче.

– Хорошо спалось? – робко спросила она, нарушив хрупкий миг очарования.

– Благодарю, хорошо, – ответил, торопливо пройдя к вёдрам с водой.

Радуюсь, что она сама же и отвлекла меня от этого глупого волнения и любованья ею. А то бы глупость выкинул какую-то.

За завтраком мне всё они мерещились. Эти двое. Ночь, рыжеволосая Зарёна, да тусклое пламя свечи. Рассвет, раннее утро, русоволосая Алина, охваченная солнечными лучами. А, впрочем, нет, всё кровь то эльфийская. Потому что сами мгновения были красивыми. Если бы я больше любил рисовать, ещё с детства, я бы их обеих стал рисовать. Хотя бы попытался. Потому что женщины красивы какой-то иной красотой, более нежной и мягкой, чем мужская. Или, просто... просто надо краски и всё остальное купить и попробовать?.. Тьфу, что за бредовые мысли ходят в моей голове?! Я воин, я выжил ради мести! Я только ради мести живу!

Незаметно для меня жизнь заискрилась новыми цветами. Казалось, годы прошли зря, но за пару дней я стал по-настоящему счастлив. Я рассказывал любимые легенды, вдохновлено сочинял новые. Не помню, чтоб их столько сыпалось из меня в один день! И я радовался, наблюдая за её реакцией на то или иное событие в моём рассказе.

Эндарс реагировал намного спокойнее, хотя постоянно сидел рядом, когда я рассказывал и увлечённо слушал.

Во мне проснулся сказитель и менестрель. Я открывал дверь в прошлое и будущее, ходил по разным странам, видел много разных судеб и увлекал моих слушателей за собой...

– Завтра вы уходите, да? – когда начало темнеть, спросил брат Алины.

Тон его менял смысл слов: «да» превращалось в нечто вроде «завтра вы обязаны уйти».

– Уйдём, потому что мы обещали пробыть в вашем доме неделю, – невозмутимо отозвался Эндарс.

Итак, предстояло решить как вести себя дальше. Завтра я покину этот дом, но, может, мне задержаться в Дубовом городе ненадолго? А ведь собирался осуществлять месть. Но, пока я не уверен, достаточно ли у меня сил, чтобы отомстить, чтобы столкнуться с теми, кто научился использовать эльфийскую магию. Она человеческой сильнее. Тем более, напасть на эльфийского мага в лесу – это почти что самоубийство. Просто самоубийство. Да и... я захотел напасть на остроухого прямо в родном Лесу?! В родном Лесу эльфийского народа! Бред! Но я хотел на него напасть.

Эндарс не мог уснуть, поэтому через некоторое время отправился на кухню при свете звёзд и полной луны готовить какой-то отвар. От моей помощи отказался, хотя мои отвары, лечащие кашель, пил. Там возился подозрительно долго.

– Он, похоже, на полу в коридоре заснул! – сонно проворчал Роман, который, как оказалось, сражался с бессонницей молча.

Спустя пять ударов сердца на кухне глухо стукнула об пол какая-то деревянная вещь, затем упало что-то большое и тяжёлое. Пока я вслушивался, ожидая каких-либо иных звуков, почувствовал, как нагрелся мой Определитель магии: на кухне или на улице за стеной кухни появилось заклинание.

– Или он отравился? – предположил брат Алины и, выбравшись из кровати, пошёл проверять.

Я отправился следом. Заклинание, которое зависло недалеко от меня, напрягало.

Увиденное несколько меня потрясло: свечка, явно принесённая Эндарсом, догорала на столе в металлическом подсвечнике, а сам маг без чувств лежал на полу. Чуть поодаль валялась его деревянная дорожная кружка. На полу и на животе Эндарса поблёскивали пролитые капельки отвара. Большую часть отвара он выпил.

– И это «замечательный рецепт»? – съязвил Роман.

– Видимо, он чего-то перепутал.

Заклинание находилось совсем близко от меня. Или... смесь заклинаний? Она была так ловко составлена, что их можно было принять за одно единственное заклинание. Хм... как будто магией веет от свечи?.. Но свечку-то заколдовывать зачем? Так, а Эндарс?..

Присел, поднёс руку к его лицу. Потом опустил ладонь ему на грудь.

– Он дышит. Не слишком часто и не очень глубоко.

– Может, уснул, выпив свой отвар?

Да, светловолосый мужчина уснул. Так крепко, что не проснулся, когда его начали тормошить.

– Кан, принеси воды.

– Он же так хотел заснуть!

Хозяин возмутился:

– Почему мы обязаны его до кровати тащить?

– Может, оставим на полу?

– Не годится: сестра его увидит утром, неподвижного, со страху вообразит немыслимого, потом придётся долго её успокаивать. Давай мне воды, мы его разбудим.

– Но он так мечтал заснуть!

– Нет, мы его разбудим. Из-за него мне пришлось вылезать из-под тёплого одеяла, хотя я там так дивно устроился, – мстительно заявил Роман.

Мы потянулись к вёдрам. Почему-то во всех вёдрах осталось столько же воды, сколько и вечером, как будто никто больше её не зачерпывал. И заклинание продолжало меня напрягать. Кстати, им веяло и от мага. Чья-то месть?..

Ни обливание из кружки, ни обливание из ведра не смогли разбудить мужчину. Он даже не шевельнулся, лёжа в луже холодной воды.

– Он чего-то переложил в свой отвар, – озадаченно взъерошил свои волосы.

Заметив его внимательный взгляд на меня, как бы в раздумье пригладил пряди по бокам. Надеюсь, тут достаточно темно – и брат Алины ничего не заметил.

– Возможно, – Роман нахмурился. – Только бы он не отравился!

– Да, жалко парня.

Хозяин дома шумно выдохнул и объяснил:

– Мне просто лень ему яму с утра копать.

– Прямо во дворе? – вскидываю брови.

– Вообще засада! – тяжёлый вздох. – Если рано с утра, то можно и во дворе. А ежели в лес – так это его ещё надо тащить. Ещё надо найти повозку. И стражникам у ворот объяснить, откуда тело.

– А что его знакомые заинтересуются его исчезновением, тебя не волнует? – ухмыляюсь.

– Да он вроде бродяга? Хотя... – Роман пошёл налить себе воды попить. – Вот засада! Столько возни из-за этого придурка! У-у, травник недоделанный!

Зевнув, предложил:

– Давай всё-таки его в комнату занесём? Алину жалко: увидит поутру – и расстроится.

– Тогда, если что, я вас пошлю с утра за провизией «посвежее», а сам эту пададь из дома выташу – и спрячу.

– Да может он ещё отойдёт?

– За Грань или к нам? – ухмылка.

Вздохнув, пожимаю плечами.

Мы перетащили неподвижного мага в комнату. Роман кусал губы, видимо, чтобы не матюгнуться. Впрочем, как выяснилось, передвигаться бесшумно и таскать при этом тяжести местных стражников учили. Ночью, пока парень дрых, уже я сдерживался, чтобы не вернуть словцо посмачнее. Не то, чтоб я любил портить свою речь какой-нибудь пакостью, но что же этот горе-травник в свой отвар намешал?! Что?! Я никак не мог вычислить состав его отвара и, соответственно, не мог найти нейтрализующие его травы.

К утру маг так и не проснулся. Хотя он по-прежнему был живой. Признаков серьёзного отравления не было, хотя и дыхание было медленнее. Лицо – слегка бледнее. Тело нормально тёплое. Как и ночью, мы не могли его разбудить. Ни словами, ни ором в уши – Роман не сдержался – ни обливанием ледяной водой из колодца. На наши вопли вскоре в дверь поскреблась Алина, спросить, что у нас там, помощь ли не нужна?

Брат что-то рявкнул, грубое, мол, отстань, не до тебя мне – и она сразу ушла.

Тихо сказал ему:

– Обидится на тебя.

– Да не, она поймёт. Хотя эта сопля явно расстроится, если он подохнет: она добрая, – мужчина вздохнул. – Ох, и что мне с ним делать?!

– Оставить, пока не проснётся.

– Он заплатил только за неделю! Ещё и напился того отвара, чтоб мы с ним возились!

Тут я сообразил, что здесь возможна выгода и для меня. И предложил, притворяясь спокойным, чтобы он не разглядел танцующую в моём сердце радость:

– Давай, я останусь и присмотрю за ним. Может, вспомню отвар, который помог бы его разбудить?

– Он не заплатил, – Роман мрачно скрестил руки на груди. – А ежели Грань перейдёт – так и тебе за лечение ни гроша не отдаст. Только новые расходы.

– Ну, я хоть как травник на нём попрактикуюсь, – улыбаюсь. – Самому интересно, что это за дрянь он себе намешал?

– Тебе хоть выгода есть, а мне от него сплошные убытки.

Ухмыляюсь:

– Да? А не ты ли содержимое его сумки к своим рукам приберёшь?

Мужчина надулся. Но сумку мага забрал с собой, припрятать. Мол, чтобы я его второго постояльца не обокрал. Ну-ну.

Алина и в правду переживала из-за этого парня. Сильно. У неё была добрая душа.

Как я ни бился – состава его отвара разгадать не смог. Эндарс проспал три дня. Когда проснулся, выглядел вялым и слабым. Заплатил ещё за неделю. Что ему сумку не сразу вернули – промолчал. Якобы поверил, что хозяин дома спрятал её ради него. И чтоб меня во искушение не вводить. Ну-ну.

Мне пришлось остаться в этом доме ещё на неделю, отдав ещё двадцать серебряных монет. С Эндарса Роман спросил ещё больше – за доставленное волнение. Или же местного

стражника приятно поразило содержимое кошелька этого мага, вот он к нему и прицепился? Впрочем, мне не было жаль потерянных денег, ведь я смог побыть с Алиной ещё несколько дней. Да, я уйду, но пока я могу хоть немного побыть рядом с ней.

Я учил Алину и унылого молодого мага разбираться в травах.

Эндарс уже через день стал выглядеть здоровым, но умудрялся при этом плохо себя чувствовать. И про состав тот не рассказал, мол, какой-то вид травы перепутал или дозу взял не ту и, мол, ему стыдно признаваться, что там было в составе. Он не мною посоветованный хотел испытать, а чужой. Раз мой не слишком быстро помогает.

Раз у меня мелькнула мысль, что и ему могла бы быть выгода задержаться тут, но такой ценой – это ребячество! Хотя, мог бы и просто перепутать какие-то виды трав: есть очень похожие.

И эти семь дней должны были пройти. Мне нужно было чего-то выбрать.

И хотя мне было очень уютно рядом с Алиной – присутствие мрачного Эндарса, а так же неустанное наблюдение её излишне заботливого брата моё настроение не омрачали – каждый день проходил как битва. Точнее, каждый приём пищи. И чем дальше, тем хуже. Опасность быть понятым неправильно или же оказаться разоблачённым нависала надо мной с каждым кусочком пищи, который я проглотил.

Сначала я соврал, что, согласно моим знаниям, после получения той раны мне полагалось какое-то время воздерживаться от мясной пищи. На что Роман и Эндарс растерянно посмотрели на меня. Мол, мясо придаёт сил, мясо нужно есть всем мужикам, особенно, ослабевшим от ранения. Роман пошутил, что я «оттого такой тощий вымахал, что слушал каких-то учителей-мучителей, вообще ни хрена в лекарском искусстве не понимавших». Да и взгляд мага мне не понравился.

Второй попыткой отделаться от ненавистной мне пищи стала следующая из привычных моих отговорок – когда мне приходилось задерживаться в каком-то месте, приходилось и что-то сочинять насчёт данного вида еды, чтобы не потреблять его – что меня недавно едва не отравил мой враг. Почти с концами. Каким-то мудрёным ядом. Но, хвала друзьям, они какой-то немислимой ценой достали какого-то особо смышленного лекаря – достали в обоих смыслах – и тот мне противоядие таки нашёл. Единственное, что мне приходилось регулярно есть определённые виды трав и воздерживаться от мясной пищи, которая там каким-то боком не сочеталась с нейтрализующим составом и могла замедлить его действие или вовсе его оборвать. И мне нужно было или часто есть траву и на сколько-то месяцев отказаться от мясной пищи, или покорно уйти за Грань, куда, собственно, мой мерзкий враг и жаждал меня послать. А я, разумеется, не горел желанием так его порадовать, да и собирался ещё сколько-то пожить.

– Мда, если второй вариант – отбросить копыта, то тут неволей на время коровой станешь, – сочувственно сказал Роман. – Кстати, долго тебе так мучиться?

– Сто одиннадцать дней! – с отчаянием выдохнул я.

– Ох, ты ж хрен зелёный! – лицо хозяина дома вытянулось.

Да и у Эндарса, кстати, тоже.

– И... и много тебе ещё мучиться?

– Осталось всего семь дней, – со вздохом и со скорбью ответил я.

Надо было тогда соврать про семьдесят девять или срок растянуть! Но, увы, я ж изначально не собирался застревать в этом доме надолго! А Эндарс, мерзавец, так меня подставил со своим дрянным снотворным составом.

Короче, вот на этой самой неделе срок «моего мучения» истёк. И беда с приёмом пищи снова пришла по мои уши.

Роман постарался устроить большое застолье, чтобы «отпраздновать окончание этой жуткой пытки смазливому». И Алина старалась, готовила. Я съел кусочек курицы, потом изобра-

зил жуткий ужас на лице – и свалил в направлении отдельного строения во дворе. Потом я пошёл отмываться от запаха, отказавшись от еды, мол, это от мясной пищи у меня так живот прихватило, и вдруг я всё-таки ещё не оправился от яда, вдруг от крошки даже лапки куриной за Грань перейду?..

Через пару дней мужики решили меня «спасать». То есть, потихоньку приучать к мясной пище обратно. У, изверги заботливые!

Я всеми своими силами притворствовал, что до жути боюсь протянуть ноги от не вышедшего полностью яда. Раз для разнообразия нашёл в супе не свой волос – удалось тайком стянуть с алининого гребня – и девушка сама, смутившись, у меня тарелку с супом забрала. Хотела вообще вылить в помойное ведро, но брат её за руку перехватил. Выудил волос и сам доел.

– Мы не богатые рожи, чтоб еду зазря разбазаривать.

И на меня взглянул с презрением, мол, ну и чистоплюй же ты, смазливая твоя рожа!

Дни шли, проклятый Роман то и дело притаскивал домой тушку рыбы или курицы, кусок от трупы коровы, овцы, так как ему нравилось «баловать себя мяском». Ему, как хозяину, перепала королевская часть от этой дряни. К моему глубочайшему сожалению, на еду его жадность распространялась не до конца – и он временами пытался угощать сестру, меня и Эндарса. И с каждым разом, с каждой новой моей отговоркой они все всё более начинали на меня коситься, тем более, как это я после такого долгого воздержания от этой «дивной пищи» всё робею вернуться к ней опять?

От отчаяния я тайком подбросил в свою тарелку муху. Раз уж трюк с «чистоплюем» хоть раз прокатил. Причём, как я извернулся, чтобы выждать момент, когда они не смотрели на меня, чтоб утопить несчастное насекомое в гуще в моей тарелке – про это можно было целую оду написать, себе и своей ловкости. Да и несколько съеденных ложек мясного супа должны были подтвердить мою нормальность. Потом опять буду блевать в сортире, эх.

Расчёт удался – тарелку с мухой забрали, но я показательно несколько ложек этой неприятной, то есть, «замечательной» пакости съел. И теперь меня могли принять за обычного мужчину. Хотя и «махрового чистоплюя», коим меня нарёк негодующий Роман. Эх, прости меня, Алина, за мой дурной спектакль!

Стошнило меня натурально, едва успел добежать. И славно! Ещё несколько дней на отговорки, а потом я наконец-то отсюда уйду.

В последующие дни я просто боялся за свою жизнь, мол, что яд ещё не весь сошёл. А то мне после супа с мухой стало как-то дурно. Да и... Алину было жаль подставлять с едой: она же так старалась, готовила. Тем более, что несчастная девушка ещё и любила меня, такого привереду.

– Кан, ты опять жрёшь овощной салат? – полюбопытствовал как-то Роман. – Я боюсь за тебя, парень! Так ведь недолго и ноги протянуть.

– А я очень люблю репу, её горький терпкий сочный вкус, – улыбаюсь. – Кстати, мы тут с Алиной придумали изумительный суп из трав и корня лопуха. Хочешь попробовать? Готов поспорить, что ты такой вкус ещё не знаешь!

– Да то самый обыкновенный сорняк! – проворчал маг.

Хотя... нет, оторвался от поглощения поджаренной куриной ноги и посмотрел на меня крайне заинтересованно. Неужели, он всё-таки понял? А хозяин смолчал: может, и ему в голодном детстве приходилось есть корни лопухов. Но... Эндарс, возможно, из богатых?

– В природе нет сорняков – и от каждой травы есть своя польза для мира и человека. Я много лет изучаю растения и всё более убеждаюсь в словах моего первого учителя.

– Много лет? – недоумённо уточнил Роман. – В твои-то двадцать три? Ну, от силы двадцать пять.

Я мысленно треснул себя по голове. Но всё-таки попытался выкрутиться:

– Когда молод, каждый год для тебя ограничит с вечностью.

Эндарс и Роман долго, мучительно долго, пялились на меня. Хозяин проворчал:

– Ну, я всё понимаю, Кан, когда ты вот такой тощий и слабый мужик, то выделиться можешь только языком, который хорошо подвешан. Хотя тебе повезло – природа ещё и смазливой физиономией тебя одарила, – насмешливый взгляд на мои плечи. – Хотя и тело худовато.

Маг улыбнулся так, что меня пробил озноб. Значит, он уже понял. Сейчас выдаст.

– Но вот что странно: каждый раз, когда Кану предлагают мясо, что-нибудь да и случается, – Эндарс насмешливо сощурился. – Не то муха утопнет именно в его тарелке, не то волос залезет в кастрюлю – и окажется именно в порции этого болтуна – не то у него живот прихватит – и в итоге Кан ни кусочка мяса не съест, ровно как и бульона мясного супа ни капли не попробует.

И? Выдашь ты мой секрет или нет?..

Ехидно улыбнувшись, маг припечатал:

– Скоро, когда Кану опять предложат мяса, по небу начнут синие коровы летать или зелёные драконы. И он первым кинется к окну и будет пялиться на небо до следующего утра.

Проворчал, прикидываясь крайне рассерженным:

– Я боюсь, что яд ещё действует. Сдохнуть не хочется, знаешь ли.

Эндарс долго молчал. Паузу намеренно выбрал побольше, бьющую по нервам. Потом последовал удар под дых:

– Я разглядел, что муха-утопленница была вдобавок и пришиблена.

Ну, я не хотел её мучить! Правда, не хотел! Но она не желала топиться в супе, когда Алина вышла из кухни, а я до того вымотался, на рассвете бесшумно гоняясь за ними, что нервы и не выдержали. Ну и хрястнул муху ложкой. А потом спрятал в рукаве и, проявляя чудеса ловкости, в своей тарелке утопил, пока хозяева и маг смотрели не в мою сторону.

Белобрысый лукаво продолжил:

– Хотя, может, я ошибся? Может, не правильно разглядел?

Я было выдохнул спокойно, но...

– Наверное, мухи, которых в этом доме никто не убивает над посудой с едой, уже в дохлом виде или полуживом состоянии прилетают в наши тарелки, – осклабился Эндарс. – Вот как эта, из тарелки Кана. Чудеса в решете, не иначе!

И все они уставились на меня с величайшим интересом. Сероглазый мужчина нанёс последний удар:

– Ты так упорно не ешь мяса, будто тебя от него тошнит!

Наши взгляды столкнулись как два клинка. Кажется, он меня ненавидит. Вот, не смог долго свою ненависть скрывать. Но мог хотя бы пощадить, раз уж столько возился с ним после его снадобья! Или... или он сейчас назовёт имя моего народа? И будет торжествующе смотреть на меня, как на размазанную по стене муху? Алина испугается нашей драки. А Роман скептически посмотрит на моё лицо, будто представителей моего народа видит пачками по сто штук ежедневно. Хотя, может, тоже удивится.

Эндарс молчал. Молчал, улыбаясь. Не отводя от меня взгляда. Мол, ну, каков будет твой ответный удар?

Я предпринял последнюю попытку защититься. И, призвав на помощь весь мой талант и накопленное с годами мастерство, рассказал душещипательную историю.

Мол, в детстве мы были очень бедными. И у нас была только одна курица, в которой я и мои сёстры с братьями души не чаяли. Мы с ней играли, так как игрушки все пришлось продать за еду. А папу нашего забрали на войну. Мы считали его погибшим – хотя мама ещё ждала и берегла ту самую курицу на суп ему – а он только попал в плен. И с трудом сбежал, прибавив две дюжины врагов – первых подхваченным с земли камнем, других – забранным у убитых мечом.

В этом месте глаза Романа зажглись, так что я прибавил подробностей о нелёгком пути отца из вражеской страны на родину: дюжину трудностей, пару угроз для жизни, сбитые в

кровь ноги, не взирая на боль в которых, отец упорно шёл домой, и ещё несколько десятков приконченных врагов. Ну, а когда папа наконец-то вернулся, наша единственная корова уже сдохла, а свинью и овец давно уже съели – каждое убийство вызывало целое море детских слёз – и по случаю возвращения отца, которого уже и не чаяли увидеть живым, моя мать свернула шею нашей единственной курице. С которой я и мои братья с сёстрами очень дружили. Но все дети не смели и рта раскрыть. Во-первых, наше мнение мать не интересовало, во-вторых, мы боялись своими слезами огорчить чудом спасшегося отца. Я, любивший несчастную несушку более, чем остальные, был так потрясён её гибелью и последующим поеданием плоти бедняги – которое надлежало сопровождать торжественным и радостным выражением лица – что с того жуткого дня мне опротивела мясная пища. И в каждом кусочке мяса мне мерещится кусок её грудки или лапки – и у меня ком застревает в горле.

К концу моей истории, которую я щедро сдабривал подробностями, грустным голосом и некоторой сбивчивостью повествования, глаза Алины увлажнились – и она с сочувствием посмотрела на меня, а её брат громко расхохотался. Ржач у него перешёл в гогот, а тот – в истерику с завыванием и битьём кулаком по столу – посуда подпрыгивала и дрожала, суп выплеснулся из супницы, пустой на треть, да из моей полной тарелки. Девушка бросилась вытирать стол. Эндарс задумался, но коситься на меня уже перестал.

– Знаешь, Кан, враньё про яд было куда лучше! – сказал наконец хозяин дома. – Ври и дальше про яд. А то трястись так из-за давно сдохшей курицы мужику не солидно.

– Может быть, – притворяясь смущённым, задумчиво поковырял ложкой в овощном супе, – Но я до сих пор не могу забыть тот день...

– Мда, про яд звучит намного лучше, – маг как-то уж очень задумчиво на меня посмотрел. Но озвучивать, откуда я родом, не стал.

С того дня меня наконец-то оставили в покое. Собственно, обоим мужчинам было приятно слопать мою долю. А Алина стала готовить больше растительной пищи – и та выходила у неё великолепно. И я вздохнул с облегчением.

Хотя, может, то, что за несколько десятилетий жизни среди людей я приучился есть сыр, сливочное масло, пить простоквашу и молоко, тоже помогло мне, добавив Эндарсу сомнений, сын ли я того самого народа. Тем более, я на его глазах с аппетитом уплетал хлеб с сыром, временами пил молоко.

Хм, Эндарс... этот парень был осведомлён о разных вещах, касающихся различных народов. Да и красная вышивка с его одежды, как и с моей, была подобрана так, что во многих странах Белого края его сочли бы за своего. Словом, он был не так прост. Наёмник?.. Или скорее разведчик какой-то другой страны? Тем более, что магией он владел. Может, кто-то мечтал прибрать к своим рукам земли изнурённых длительной войной стран?

Пока я отчаянно маскировался, пытаюсь всеми правдами и неправдами избежать «пищи нормальных мужиков», языкастый маг притаился. Так что и не поймёшь, это он шутил в тот день, нанёс удар-предупреждение, чтоб я не трогал его, или объявил мне войну?..

Впрочем, серьёзно приглядеться к Эндарсу и понять его мотивы я не успел: враги Светополя перешли границу и, оставляя за спиной полыхавший лес и выжженные поля, двинулись напрямик в столицу.

Первым печальную весть принёс светловолосый маг. Полагаю, Эндарс успел побывать у границы. Не удивлюсь, попробуй он пересчитать или хотя бы прикинуть, сколько было воинов в чернореченском войске.

Поскольку Роман отсутствовал, маг сообщил эту весть только мне и Алине. Девушка прикусила губу, села в уголке и начала нервно сминать подол платья. Мы не услышали от неё ни единого слова. Эндарс долго наблюдал за нами, потом резко поднялся из-за стола и позвал меня на улицу.

Эндарс сел на пороге. Помедлив, последовал его примеру, только занял не ту же ступеньку, а следующую, которая повыше. Помолчав, он едва слышно сказал, так, чтобы прохожие с улицы не расслышали:

– Я выйду к чернореченскому войску и постараюсь прогнать его из Светополя. Ты будешь мне помогать?

Так, сначала он пытался меня прищучить с той злополучной мухой, а теперь просит помогать? Издевается?!

Усмехнувшись, уточнил:

– Неужели, ты думаешь, будто сумеешь в одиночку прогнать всех врагов?

– Я не настолько самоуверен, чтобы так думать, но приложу все силы для этого, – глаза его горели предвкушением схватки.

Мушиная несчастная судьба померкла перед его жаждой схватки с чернореченцами. Может быть, он просто любит опасные приключения? И, даже если и понял, откуда я родом, намекал, что выдаст меня, просто ради того, чтобы пощекотать нам обоим нервы? Но, всё-таки...

– Эндарс, ты рехнулся?! Даже не будь среди них магов, тебе и тогда с ними не справиться.

– Это почему же? – насмешливая улыбка.

– В Черноречье один из лучших центров алхимической науки. Наверняка они притащат с собой какое-нибудь алхимическое оружие.

– Поживём – увидим, – ослабился маг.

То ли он безумец, то ли...

Задумчиво потёр выбритый подбородок, разглядывая его. Маг смотрел на меня насмешливо. Хм, а будь он из другого Основного народа, то мог бы разглядеть, кто я!

Эндарс продолжал улыбаться.

Эндарс... имя, которого не дают ни в Белом, ни в Синем краю. Разве что совсем далеко. Или... или это вымышленное имя? А они, кстати, любят сами выдумывать имена, чтобы у каждого было своё, уникальное, которого ни у кого прежде не было.

Эндарс продолжал улыбаться, сидя.

Или он просто безумный авантюрист. Или просто безумец.

Вздыхаю. Говорю печально:

– Поберёг бы ты свою жизнь. Впрочем, распорядиться ею тебе, а не мне.

Серые глаза гневно сверкнули.

– Значит, ты не будешь вмешиваться?

Спокойно отвечаю:

– Конечно, не буду.

Маг мрачно прищурился:

– Значит, тебе безразлично, что случится с Алиной, если враги войдут в Дубовый город?

– Разумеется, нет. Я буду охранять её. Тут.

Кажется, слишком много ему сболтнул. Молодой мужчина впился в меня взглядом:

– Ты волнуешься за неё, правда? Она чего-то значит для тебя?

Неужели... так он нарочно себя отравил, чтобы здесь задержаться?! Глупо, хотя... это тоже возможность остаться рядом с ней, не вызывая подозрений её брата. Но, интересно, насколько Эндарс серьёзен в своём стремлении к Алине?.. Попробую проверить.

Тихо, но твёрдо объявил:

– Я люблю Алину.

Он поднялся и твёрдо сообщил:

– Я тоже люблю её.

Я встал. Оставаясь стоять на ступеньке, то есть, выше его, стоящего на земле.

Взгляд на взгляд. Как будто два клинка схватились в звенящем поединке. Значит, у него не просто симпатия. Хм... и, кстати, он хорошо свои чувства скрывал: я только заметил несколько взглядов. Ну, и эту глупую выходку, с которой он решил задержаться в этом доме ещё на несколько дней.

– Разве ты ничего не заметил? – он вдруг улыбнулся. Спокойно.

– Совсем ничего, – также спокойно улыбаюсь.

Степень моей внимательности врагу не стоит знать.

– В этом мы похожи, – усмехнулся светловолосый мужчина. – Кстати, всё хочу спросить, из какой ты страны?

– Бесплезно спрашивать: не дождёшься моего ответа.

Внимательный взгляд на меня и красную вышивку на моей льняной одежде. Потом он как ни в чём ни бывало, заметил:

– Ты ничего не говорил о твоей родине и о семье. Я думал, что можно спросить.

Усмехаюсь и насмешливо отбиваю удар:

– Ты тоже ничего не говорил ни о родине, ни о семье.

– Я могу сказать, откуда я родом, – ответная усмешка, – но о семье промолчу. Есть причины.

– И у меня есть причина не рассказывать о моей семье и доме.

Собственно, и дома у меня нет. Хотя может ещё стоять то уютное здание, в котором родила меня мама, в котором учил меня играть на флейте отец. Впрочем, за столько лет мой бывший дом вполне бы мог развалиться. Большой сад бы зарос.

В этот миг в душе запылала ненависть. Тёмное неугасаемое пламя заглушило всё остальное.

Тот, кто разрушил мою семью и отобрал у меня детство, обязан заплатить за сотворённое им зло!

– Ненависть ни к чему хорошему не приводит: я сам в этом убедился, – неожиданно сказал Эндарс. – Жизнь, бесценные дни, растрачиваются на ненависть – и остаётся слишком мало места для счастья.

Мрачно ответил:

– У меня есть причина, по которой я ненавижу кое-кого.

– Возможно, наоборот, никакой причины нет. Хотя... ты же ничего не расскажешь, верно? Может, у тебя-то как раз причина и есть, – Эндарс какое-то время смотрел на выполняющих на улицы горожан, кому-то приветственно махнул рукой.

Взгляд... тот мужчина с такой теплотой смотрел на него. Хотя прежде не видел, чтобы они разговаривали друг с другом.

Маг выждал, пока людей по близости не окажется, тех, которые могли бы что-то услышать из нашего тихого разговора. Добавил:

– Я позвал тебя поговорить об угрожающей Алине опасности. Впрочем, вижу, говорить не о чём, ведь тебе нет дела до того, что может случиться.

– Неправда!

– Тогда отчего ты не желаешь защитить ту, которую любишь?

– Ошибаешься, я буду её защищать. Только одному идти против чернореченского войска безрассудно. Предпочитаю остаться в этом доме и вышвырнуть любого, кто посмеет сюда сунуться.

– Ты – трус!

Холодно отвечаю:

– Мне всё равно, что ты обо мне думаешь.

Эндарс всё ещё стоял земле, поэтому смотрел на меня снизу вверх. Его лицо исказилось от презрения.

– Ты бессердечный, Кан. Тебе наплевать и на неё, и на остальных людей!

– Остальные люди сами сумеют себя защитить.

– В этой стране полным-полно незащищённых детей и женщин.

– Как будто люди этой страны и пальцем не тронули жителей соседних стран! Вспомни о детях Новодалья и Черноречья, ставших сиротами из-за светопольских воинов.

Какой-то старик, проходивший по улице, остановился и прислушался. Не стоит привлекать внимание горожан, с сочувствием отзываясь об их заклятых врагах.

Резко сказал:

– Давай забудем об этом бессмысленном разговоре! – и пошёл в дом.

Перед дверью кухни запоздало подумал, какой бы хорошей проверкой оказалась эта битва для моих сил. Разумеется, переусердствовать не стоит, иначе мстить за моих родителей будет некому.

Эндарс появился в полутёмном коридоре не сразу. Он тут же был схвачен за плотную и мягкую рубашку. Не дрогнув, равнодушно спросил, чего мне от него надо.

– Я передумал. Помогу тебе, но только тем, чем смогу.

Мужчина мне не поверил. Снял мои пальцы со своей рубашки – я ему не мешал – и прошёл мимо меня. Насмешливо кидаю ему вслед:

– Сам-то справишься? Один? Что ж, будет интересно наблюдать за твоими усилиями! Кстати, они ещё и другое своё оружие могут с собой взять. Что ты будешь делать против воза искусственных веществ?

Эндарс резко развернулся. Впился в меня взглядом.

– Так ты не шутишь, Кан? Точно согласен мне помочь?

– Не шучу.

– Хорошо, – довольная улыбка.

Подойдя, хлопнул его по плечу. Сильно. Но он не сдвинулся с места.

– По-моему, моих сил, как и твоих, недостаточно.

– Хватит повторять одно и то же! – маг нахмурился. – Прикрой спину – больше ничего у тебя не прошу. Или добавь к моим заклинаниям несколько иллюзий.

– Каких именно иллюзий?

– Каких-нибудь отвратительных и страшных зверей, чтобы ни о чём, кроме как о побеге, вражеские воины не думали.

– Я не умею создавать подобные иллюзии. Как-то не пришлось.

– Ты, оказывается, сам заклинания придумываешь? – маг был приятно удивлён.

– Редко, – своё любимое умение предпочитал не расписывать.

– Ну, создашь иллюзию пожара или ещё какой-нибудь гадости.

– Огонь без жара будет неубедительным.

– Жар будет, – пообещал Эндарс. – В этом положишься на меня.

– Тогда подумаю, какую иллюзию использовать.

– Благодарю.

Мы разошлись: он отправился в комнату, я сел у окна на кухне. Нам нужно было вспомнить много разных заклинаний и выбрать подходящие.

Моя любимая не поняла, о чём мы договорились либо сделала вид, будто не поняла, продолжила готовить еду. Иногда, когда мои мысли возвращались к девушке, подглядывал за ней, незаметно любовался её лицом, русыми прядями, в которых поблёскивали золотистые искорки. Почему только некоторые менестрели замечают, как красивы русые волосы? И отчего я не предположил, что и молодой маг может полюбить Алину?

Тот, хотя и попросил меня защищать его, вечером сел готовить себе магические обереги. Думаю, он прав: в нашей затее и такая мелочь, как оберег, необычайно важна.

Роману мы ничего не сказали. Брат нашей любимой долго ворчал и ругал врагов. Он и без Эндарса узнал о предстоящей битве, от своих.

Серые тучи угнетали. Настроение с самого утра было плохим. Выполнение приказов главного стражника столицы изрядно утомило меня. Впрочем, я сам выбрал именно такое начало для исполнения нашего плана. Когда светловолосый маг появится, я смогу защитить его неожиданно для всех. Не появится – уйду с помощью заклинания, не волнуясь, что кто-то меня запомнит. Прежде чем прийти сюда, я прикрылся иллюзией рыжеволосого парня. Примерно тех же лет, что и я на вид, чтобы иллюзия крепче держалась. Конечно, мог бы справиться, появившись сразу за Эндарсом, но лишать себя такого преимущества как несколько лишних неожиданных заклинаний не желал. Да и удобное место лучше выбрать заранее.

Ворота закрывали. Доблестные воины Дубового города предпочли отсидеться за стенами. Впрочем, большая часть притаилась за закрытыми воротами, чтобы в случае чего выскочить и напасть на вражеское войско. Чего воины Светополя и их король боялись, гадать не нужно: заделанные дыры на стенах у главных ворот наводили на мысль, что хоть сколько-нибудь алхимиков опасаться стоило. Да и истории ходили по разным землям довольно-таки устрашающие. И некоторые были правдивые.

Я поднялся по лестнице на стену. Сильный порыв ветра толкнул в живот. Тут же хлынул ливень, словно он нарочно дождался моего появления. За несколько мгновений одежда промокла насквозь, а высушить её заклинанием было нельзя, иначе бы выдал себя. Ножны с мечом иногда касались моей ноги. Холод металлических узоров проникал к коже через промокшую ткань. И ножны меча, и ножны кинжала доставляли мне неприятные ощущения, однако оба могли бы мне пригодиться, поэтому приходилось терпеть. Пощипывали холодом левую руку не только ножны кинжала, но и холодные иглы: Определитель сообщал, что рядом много обычных людей и нет ни одного мага.

Иллюзия будто бы уцелела под напором холодных капель. Она одна из самых стойких, которые мне известны. Эндарс где-то пропал. В какой-то миг подумал, а не сбежал ли этот парень?..

Снизу ругали дождь, погасивший пламя под котлами с водой и смолой. Прискакал на лошади какой-то мрачный мужчина и увёл половину воинов за собой: молодой король собрался вместе защищать вторые ворота на случай, если войско Черноречья подойдёт с другой стороны столицы. Подтягивались вооружённые горожане. Селяне, пришедшие вчера вечером, разошлись по стенам, чтобы не пропустить врагов, где бы те ни появились. Уныло повисло полотнище с белым лебедем, прикрепленное к шесту над воротами. Стекали капли с больших круглых медальонов, которые вдруг вытащили из-под ворот воины и горожане. Изображённые на медальонах лебеди то ли купались в каплях дождя, то ли горько плакали. Ах, да, лебеди – излюбленный знак Светополя. По мне так лучше бы изображением этих прекрасных величественных птиц украсили другие вещи, но не медальоны воинов, не полотнище. Воины и лебеди – не слишком-то удачное сочетание, как и кровь, которая на них попадёт.

Мелькнул и убежал с очередным поручением Роман. Больше я его не видел, видимо, он задержался в каком-то ином месте. Чуть позже на стене появился главный стражник. Тот раздавал указания, то и дело поглядывал на лес.

Я почти не волновался. Для меня те, кто находились за стенами, и те, кто приближался, были одинаковы. К тому же, я явился сюда ради своих интересов. Явился, чтобы заслонить спину Эндарса, чтобы проверить свои силы ещё раз. Тот пусть творит всё, чего задумал. Он ступил на опасный путь, но не мне возвращать молодого мужчину обратно.

Дождь лил и лил. Войско Черноречья всё ещё не появилось.

Битвы случались давным-давно, случаются и теперь. Возможно, никакого просвета между ними не будет. Нет в этом мире ничего, что могло бы оборвать эту цепь битв. Как и нет

того, что бы избавило меня от силы, переданной мне с кровью. Одна только безысходность. Однако расставаться с телом слишком рано. Сначала нужно отомстить за родителей.

Прости меня, Алина! Мне тяжело думать о неизбежном расставании, но лучше бы оно произошло пораньше: чем меньше мы успеем привязаться друг к другу, тем легче нам будет расстаться. Мне легче уйти первым. Хотя мне всё-таки больно думать о разлуке с тобой.

Погрузившись в унылые мысли, не заметил, как закончился дождь. Светлая полоса легла на моё запястье неожиданно. Поднял голову, не понимая, откуда она взялась.

Плотная завеса из серых туч разорвалась где-то над лесом. В образовавшуюся дыру проскальзывали лучи. Краешек солнца поглядывал на меня будто бы из другого, чистого и сияющего мира. Недавно его скрывали тучи, и казалось, словно его нет, но теперь стало видно: оно оставалось и тогда. Оно было всегда и будет бесконечное число лет.

Я недоумённо разглядывал дыру между тучами. Тучи навевали мрачные мысли о безысходности. Солнце казалось далёким и не возможным счастьем.

От нового неожиданного сравнения вздрогнул. Тучи – это моя безысходность, моя беда. За ними не видно солнца – моего счастья. Однако оно продолжает быть. Если убрать тучи, то станет видно солнце. Если пройти через беду, через безысходность, идти уверенно и в нужном направлении, то попадёшь к своему счастью, которое ждёт тебя за ними. Это лишь иллюзия, будто счастья нет. Тучи – это всего лишь преграда, и она преодолима, хотя иногда она кажется бесконечной.

Губы сами по себе растянулись в радостной улыбке. Есть ли забытый закон Мирионы, который бы мне помог или же нет, не важно. Если не обнаружу нужного закона, тогда постараюсь придумать свой закон, свой выход, свою смесь заклинаний. В конце концов, магия может много всего – это могущественная сила. Да и я, если постараться, смогу хорошо освоить ещё родной вид древней магии. Может, я найду отгадку там?..

– Эй, хватит спать! – грубо крикнул мне в ухо главный стражник, толкнул в плечо и пошёл дальше.

Между мокрых деревьев показались вражеские воины. Нельзя задумываться о постороннем, пусть и важном. Надо определиться, следует ли ещё ждать Эндарса или же вернуться к Алине? Но если я сейчас вернусь, то не проверю свои силы. Не пойму, готов ли к исполнению мести или не готов. А тут такая потрясающая возможность – вмешаться в битву двух войск. Пожалуй, я немного поучаствую в бою, потом уйду.

Последнее слово заклинания давно прозвучало, но иллюзия огромной молнии вниз не соскользнула. Вторая иллюзия тоже не появилась.

– Ага, у них есть маг, – криво усмехнулся крепкий мужчина в старой кольчуге. Мрачный взор его скользнул по стоящим на стене людям. – Ну да мы всякой ерунды не боимся.

Я оглядел воинов в первых рядах, квадратные медальоны с волками, висевшие у них поверх кольчуг, бегущих волков на их накидках, волка, воющего на их знамени. Неужели, среди них есть маг? Или какая-то вещь с заклинанием? Нет, мага нет: не чувствую тёплых прикосновений от Определителя. Вероятно, чернореченцы получили амулет от какого-нибудь странствующего мага за мешочек со звонкими монетами. Не ожидал столкнуться с магией у тех, в чьих странах своих магов нет, ну да ничего страшного. Ничего ещё пока не потеряно.

– Кстати, а где ваш мальчишка? – с издёвкой спросил говорливый мужчина.

Стоящий около него парень чего-то зашептал. И был отстранён гордым и нетерпеливым взмахом руки.

С обеих сторон хлынули насмешки. Часть я различил, часть потонула в общем шуме.

– А где ваш лютей воин? Тот, который у вас мстит?

– Наш король с нами, а вот где ваш?

– Так мы вам и показали, где наш король стоит!

– Он у вас мальчишка, а не мужчина, иначе бы показался!

– Вы нам своего покажите!

Много ещё было выкрикнуто. Иногда совсем уж бессмысленного. Я особенно и не вслушивался, разглядывая воинов Черноречья, выискивал среди них тех, кто чем-либо отличался от остальных. Меня интересовало не их отношение к врагам, а отношение к тому, кто был среди чернореченцев самым главным. Тот предпочитал не выделяться, прячась среди своих людей. В общем-то, правильно, арбалетчики и лучники на стенах не преминули бы воспользоваться своим преимуществом.

Когда шум начал меня понемногу раздражать, я перевёл взор на воина, заговорившего первым. Отметил про себя, что тот не кричит вместе с другими. Увидел недовольный жест, которым мужчина оборвал приблизившегося к нему молодого парня. Понаблюдав за мужчиной и окружающими его воинами, понял, что те почтительно к нему относятся, хотя и стараются своё отношение не выпячивать, чтоб не разглядели враги. Чуть позже разглядел крохотный зелёный камень, который сжимал в зубах волк на медальоне мужчины, и четыре белых камня в уголках медальона. У других было несколько медальонов пошкарней. У кого-то – точно такие же. Маскируешься, а, Мстислав? Ага, несколько человек более заметно жестикулируют, резче говорят и указывают на что-то стоящим рядом. Прячут главного командира. Всё-таки, полезно приглядеться к вражескому войску вместо того, чтобы со злостью кричать всё, чего только приходит в голову.

Мстислав или замещавший его притянул к себе одного из арбалетчиков за накидку. Я напряг слух, чтобы услышать очередной приказ. Из-за шума почти всё пропустил, но поймал самое важное: «Цельтесь в того рыжего, который с луком». Итак, меня выделили среди прочих. Кроме того, не увидели иллюзии, наложенные мной на самого себя. Предмет, с которым они убрали другие мои иллюзии, не особо совершенен. Однако недооценивать незнакомое оружие опасно.

Думаете, ни на что кроме иллюзий я не способен? А вот получите!..

– Хм, а огонёк-то настоящий... – задумчиво подметил стоявший рядом с Мстиславом воин.

Шар размером с яблоко увеличился до размера колеса от телеги, потом до размера овцы. Чернореченцы шарахнулись, пропуская его сквозь свои ряды. На всякий случай. Кто-то, стоявший на стене, присвистнул.

Легонько толкая новый огненный шар ладонью – и он устремляется к врагам. Те бросаются врассыпную. Воины на стенах поспешно отодвигаются от меня. Вражеский король спокойно отходит в сторону.

Шар прокатился по земле, выжигая траву. От брошенного кем-то копья осталось только серебристая лужица.

Прокатившись несколько шагов, шар вспыхнул и исчез. Не успевшие отбежать воины вскрикнули, падая и хватаясь за обожженные ноги. Ожог не слишком серьёзный, ноги заживут через неделю или две. Я не люблю наносить слишком опасные удары тогда, когда можно обойтись без них: мучения противников не доставляют мне удовольствия. К счастью, мне удавалось прятать эту мою особенность от тех людей, у кого я учился драться.

– Арбалеты! – приказали одновременно и снизу, и сверху.

Лучники столицы не дёргались.

Ага, войску Черноречья приказал именно тот мужчина, заговоривший первым. Все воины беспрекословно слушаются его. Это точно их король.

– Так и будете отсиживаться на стенах, трусы? – язвительно спросил Мстислав.

– Как он раскричался! Небось, считает себя самым храбрым? Эй, славный мститель, мы помним, как ты в прошлый раз бежал со своим войском! – презрительно откликнулись со стены: чернореченского короля узнал не только я.

Да, я не ошибся: это их король.

Взмах рукой – и снизу взлетают болты. Только никого из защитников города они не задели, растворившись в высоком огненном столбе, взметнувшись выше городской стены. Магическая преграда держалась с десять ударов сердца, после чего скатилась вниз. Жар от пламени лизнул всех на стене, заставляя отпрыгнуть назад.

Болты полетели вниз, но и они исчезли во вновь поднявшемся пламени. На сей раз пламя задержалась чуть дольше. Быстро оглядевшись, растерялся: огонь заградил не кусок стены рядом с главными воротами, а всю её часть, которую можно было увидеть. Похоже, я недооценил тебя, Эндарс!

Тот неожиданно появился. В стареньких сапогах, штанах с заплатами и простенькой рубашке с закатанными рукавами, поверх которой вместо пояса надел шнур с оберегами. Теми деревянными, что мастерил при мне, и хренью из звериных костей и рыбьих хвостов. Цвет волос иллюзия не изменила. Видимо, маг прикрыл только лицо. На его месте не появлялся бы так близко к врагам. Всё-таки, он слишком дерзок. Как бы ни поплатился. Но, с другой стороны, он молод, а молодости свойственно безрассудство. И... если мой Определитель почувал в нём мага, видимо, он всё-таки человек. Хотя...

– Сколько вам заплатили? – серьёзно спросил король Черноречья. – Я бы заплатил вам в пять раз больше, убери вы этот огонь и заодно стену вместе с теми, кто на ней.

– Эй, маги, наш король даст вам больше! – спохватился главный стражник столицы.

– И сколько же? – не оборачиваясь, не менее серьёзно уточнил Эндарс.

Он, что же, решился продать свои заклинанья, наплевав на всех в столице вместе со мной, Романом и его сестрой?! Тогда ему придётся сначала сразиться со мной! И поединок будет намного серьёзнее, чем вышел бы до этого.

Знак от моего Определителя: светловолосый что-то приготовил. Моё следующее заклинание попадёт или во врагов, или в него.

Торговались с ним долго. Я сомневался, будто бы ему столько всего дадут, однако притворялся, словно всё шло, как мы с Эндарсом и рассчитывали. Когда к целой казне в придачу стали предлагать некоторые веками хранимые королевской семьёй драгоценности, молодой маг холодно заявил:

– Ну, пошутили, и хватит. Вообще-то, мне и моему приятелю совершенно наплевать на весь этот захудалый городишко. Ах, да, эту вашу столицу. Ежели две гордые милые сестрички не согласятся стать нашими жёнами и отправиться с нами в путешествие, мы с досады можем разрушить чего-нибудь в нём. Пока же будем защищать.

– Не хотел бы я иметь такого зятя! – послышалось как сверху, так и снизу. – Такому слово лишнего не скажешь. Заживо сожжёт!

– Да не, когда такой зять, на тебя и косо взглянуть не посмеют, – задумчиво сказал кто-то сверху.

– Я сказал, хватит шутить!!! – прокричал Эндарс, ненадолго оборачиваясь, и едва не зацепил кому-то на стене огненным шаром нос.

– Шары они создавать умеют, – сухо отметил Мстислав. – В основном, наверняка, врут. Либо мы их сразу болтами зацепим, либо придётся попотеть. В любом случае, многие из вас уцелеют. Они же не боевые маги: те бы сразу нас всех расшвыряли. И они бы тут вряд ли оказались.

Хоть и ходят по многим странам байки о великой и непобедимой силе боевых магов, окажись хотя бы Эндарс таковым, нам двоим это не слишком бы помогло. С целым войском одному магу, пусть и боевому, не справиться. В битве его вполне могут отправить за Грань брошенным кинжалом, болтом или мечом. Вот дракон бы сумел прикрыться, да и магия их помощнее будет.

Смелый маг, притворяющийся негодяем, завершил новое заклинание. Рядом с ним появился короткий столб света. Ладонь спокойно опустилась на верхушку столба. Все выжидали. Кто-то с опаской, кто-то с усмешкой.

Властным голосом он приказал:

– *...И сметай всех с земли!!!*

Столб света рассыпался. Взревел ветер, возникший из первых упавших искр. За мгновение перед Эндарсом смешались земля, мох, кора, оборванная трава, пыль с выходящей из леса дороги, ветки, листья, оставшиеся искры и враги. Вновь взметнулась стена пламени у городской стены.

Стар и млад налегли на стену и выглядывали через плечи и головы других, терпя жар и силясь разглядеть за пламенем, чего же случилось. Мне же не пришлось выглядывать из-за чьей-то спины: никто не осмелился подходить ко мне близко.

Когда магическое пламя вновь соскользнуло вниз, у стоявших на каменной стене одновременно вырвался восхищённый вдох: всё вражеское войско, сшибленное вихрем с ног, лежало между деревьями, обсыпанное образовавшимся мусором. Я сам едва скрыл своё удивление.

– Может, поговорим серьёзно? – холодно спросил боевой маг, поджидая, пока враги поднимутся на ноги.

А всё-таки он мог. Мог в одиночку выступить против целого войска! Разве что мощных заклинаний-ударов у него было от природы ограниченное количество. Сколько именно их он мог использовать за один раз, я не знал. В Эльфийском лесу не дожид до урока об особенностях магов Основных народов. А люди особо не знали. Не выпячивали многие боевые маги свой дар, выбирая притворяться обычными магами.

Собственно, сейчас он уже два заклинания использовал: чтоб разметать всё чернореченское войско сразу и чтоб окружить городскую стену огненной стеной. Было ли у него ещё одно или несколько мощных заклинаний в запасе или он уже весь свой резерв исчерпал, сегодня или в ближайшее время? Потом Эндарсу потребуется какое-то время на восстановление сил. Он мог использовать весь свой резерв мощных заклинаний сразу или по частям. Возможно, он сам – с его-то характером и авантюризмом – уже вычислил, сколько у него ударов в запасе и сколько требуется времени на восстановление. Надеюсь, он имеет при себе хоть какой-то запас. Но рассчитывать на излишнее везение мне не стоит. Хм, а обычную магию они, кажется, могли использовать сколько угодно и в любое время. Вроде бы, если не считать этих нескольких мощных ударов-заклинаний, они были как обычные человеческие маги, да и, в общем-то, были из человеческого народа.

Может, он прежде не вызывал меня на поединок, потому что я был для него слишком слабым противником. Точнее, я был бы для него слабым противником, будь я человеком. Но человеком я к его беде не был. Так что у меня было несколько особых свойств от моего народа, причём, они были со мной постоянно. Да, не все годились для драки, но зато они всегда были со мной. Так что ещё вопрос, кто из нас кому бы проиграл: я – Эндарсу или Эндарс – мне. Особенно, если бы мы подрались один на один, без лишних заступников. И лучше бы мы подрались в лесу – для меня это было бы очень кстати.

Добавляет интриги и то, что этот маг умеет сражаться на мечах, да и кинжал я у него заметил, спрятанный под одеждой. Тело у него мускулистое, значит, много тренировался. У него могут быть мощные удары, а у меня – скорость и гибкость. Неизвестно, тренировался ли он именно на скорость. Что опять-таки придаёт интриги к возможному поединку. Кстати, ещё один важный пункт, который мог бы повлиять на ход нашей стычки: а понял ли он, что я из иного Основного народа?.. Достаточно ли он знал о древних магах, чтобы определить, кто я, на основе обычных наблюдений за мной в будничной жизни? Меня смущала его внимательность к моим привычкам в еде. Или Эндарс всего лишь притворяется, словно не заметил?..

– Чего тебе от нас надо? – угрюмо спросил Мстислав.

В Эндарса целились около сорока или пятидесяти чернореченских воинов. Хотя он и боевой маг, парня легко может отправить за Грань любое оружие, особенно, когда его много. Очевидно, именно из-за этого Эндарс и попросил меня прикрыть ему спину. Пожалуй, лучше прикинуться, будто бы тут два боевых мага. Ещё и попасть в кого-то из врагов нужно. Чего же мне подойдёт? Ага, придумал.

У кого-то развалился на куски заряженный арбалет.

– Что бы вы все отсюда ушли и нам не мешали, – спокойно ответил маг.

– Ты не обнаглел, а?

Развалились пять направленных на него арбалетов. Шесть. Девять.

– Друг, ты чего там за заклинание готовил? – уточнил Эндарс, не поворачивая голову.

– Пока не приготовил толком. Только чуток оружия им поломал, но потом... – мрачно улыбаюсь защитникам столицы. – Попадёте в меня, пока его создаю – и половина стены рухнет. Или же четверти вражеского войска не будет. Сейчас только выберу, какой именно четверти, сверху или снизу, – на куски развалились ещё пять арбалетов.

Защитники столицы испуганно примолкли. Не стреляют, однако целиться в меня не перестают. Было бы неплохо, удайся мне сломать как можно больше вражеского оружия, прикидываясь мерзавцем, создающим что-то большое.

– Давай ту, в которой Мстислав, – равнодушно предложил Эндарс. – Пусть себе другого короля выберут, который будет поговорчивее.

– Мне он тоже надоел, – вокруг моей руки закружились алые искры.

– Стреляй!!! – заорал король Черноречья, отскакивая от летящей к нему молнии.

Та срезала молодой дубок, одиноко росший недалеко от места, где он раньше стоял. Ствол печально завалился набок, цепляясь листвой и ветками за берёзу. Прости, красавец, нужно было как-то их убедить, будто я сильный и опасный противник.

Часть болтов, полетевших в меня, слизнула огненная стена. Часть осыпались у ног боевого мага. Кто-то достал кинжалы, кто-то в спешке перезаряжал арбалеты. Со стены внимательно наблюдали за мной и светловолосым, не думая нам помогать. Может, ждут, чтоб мы побольше чернореченцев поубивали, чтобы потом избавиться и от нас. Наша свара с их ворогами светопольцам будет на руку. Кстати, интересно, огненная стена – это одно из особых заклинаний Эндарса или каждый подъём пламени – это новое мощное заклинание?.. Сколько он сможет заслонять ею меня и светопольцев?..

– Как некстати! Иначе бы вас поубавилось, – притворно огорчаюсь, затем быстро шевелю пальцами. – Вот, получайте!

Мои огненные шары, взметнувшиеся, словно стая встревоженных птиц, отвлекали воинов с арбалетами, стрелявших снизу. Защитники столицы одновременно присели, скрывшись за стеной и друг за другом. Немногие осмелились потом подняться и посмотреть, чего случилось с их врагами. Те вражеские бойцы, у которых были мечи, подходить к Эндарсу не спешили.

Боевой маг развёл руки в стороны и двинулся к войску. Вокруг него замерцали голубые искры, они становились всё больше и больше, потом отрывались и летели к воинам Черноречья. Помрачневшие чернореченцы колебались около десяти ударов сердца, потом, не выдержав, побежали. И... тогда Эндарс побежал за ними.

Кричал чего-то Мстислав, но его не слушали, кричали воины, которых задевали искры: на их одежде появлялись прожженные пятна.

Я шепнул, смотря на кроны деревьев:

– Прими меня, Лес!

Перемещаясь, следил на некотором расстоянии за боевым магом. Следил с деревьев, тщательно рассчитывая расстояние от толстых ветвей одного дерева до ветвей другого, подбирая

нужные слова, создавал заклинания, перемещался. Переместившись, хватался за ствол или ветки, высматривал, куда убегали воины, повторял всё сначала. Пару раз едва не свалился. Быстро устал, начал тяжело дышать, но погони не прекращал.

– Тут не пройти! – внезапно крикнул кто-то.

Кажется, там в лесу близ столицы было болото.

– Чего встали, трусы?! Окружайте его! Иначе живыми мы не уйдём!

Страх придал убегающим людям сил – и они начали окружать мага.

Да перемещайся же ты, глупец!

Но боевой маг не спешил перемещаться. Отражая кинжалы и болты, попадая в основном лишь в стволы деревьев, он, похоже, готовил очередное заклинание. Да и устал не меньше меня и воинов, неторопливо окружающих его.

Небо снова потемнело. Вот-вот опять пойдёт дождь.

Маг остановился. Осмелевшие воины начали чаще стрелять и метать кинжалы. Я обесилено вцепился в верхушку сосны.

– Когда отправите его за Грань, его дрянное заклинание исчезнет! – прокричал король Черноречья.

Какие наивные люди!

– Да к нему не подойти!

– Так хватайте мечи! Небось, против множества лезвий не устоит! А тому, кто отправит этого мерзавца за Грань, дам мешок с золотом! Ну, чего встали?!

Не успел вмешаться, так быстро кинулись с разных сторон на мага самые жадные из чернореченских мужчин. Пятеро добежали раньше всех, занесли мечи. Прости, Эндарс, я не успею создать тебе магический щит.

Оказалось, тот сам позаботился о защите заранее. Даже не дрогнул, когда в него летели метательные ножи, а те в шаге от его тела натолкнулись на невидимую преграду – и упали близ его ног. В следующий миг нападавших отшвырнуло на несколько шагов. Маг пока держался.

Стрела с чёрным оперением царапнула моё запястье. Извернувшись, попытался увидеть, кто же так метко выстрелил, сумев частично обойти моё защитное заклинание. Ноги соскользнули с ветки, усталые пальцы разжались. Слишком низкое дерево, надо было другое выбирать.

Я свалился на большой куст и двоих из притаившихся там мужчин.

– Уберите его!!! – заорал Мстислав.

Еле-еле успел переместиться на старый высокий клён. Запоздало вспомнил, как трудно перемещаться, используя защитные заклинания. Конечно, боевой маг мог знать что-то иное, но всё же.

– Давай, переместись!

– Пытаюсь!

– Готовься, я тебя прикрою... – пришлось вжаться в ствол, давая нескольким пущенным в меня болтам пролететь мимо и застрять в верхушках соседних деревьев.

– Цельтесь в рыжего!!! Все!!!

Целиться в Мстислава было некогда. Пришлось создавать ещё один «щит», уберегающий от стрел и болтов.

– Готовься, я сейчас...

– Алхимики! В обоих стреляйте!!!

Так и знал, что без алхимиков не обойдутся.

С отломанной верхушкой дерева упал на землю, больно приложившись спиной. Надо мной взмыл к небу огненный столб. И такой же вздымается там, где только что стоял Эндарс.

Не чувствуя боли, вскакиваю, оборачиваюсь.

Столб у ног Эндарса замер на миг, замер и сам боевой маг. Едва дышали рядом с ним трое бледных измученных мужчин, не успевших сбежать.

– Алхимики, стреляйте всем, что у нас осталось!!! – Мстислав, наплевав на свою прославленную отвагу, поспешно отступал.

Три чернореченца в отчаянии вцепились друг в друга. Они отдавали все силы своему королю, а тот их бросил. Но он... почему он медлит?!

Отчаянно заорал:

– Сделай другой «щит»! Живо!!!

Светловолосый маг ответил спокойно:

– У них осталось много кристаллов Лысого хвоста, ещё Чёрный хворост... – видимо, разглядев что-то в моём лице, Эндарс так же равнодушно уточнил: – Поблизости около шестидесяти чернореченских воинов и мы двое. Этими веществами можно всех нас заживо сжечь. Но ты точно успеешь переместиться.

– Эндарс, ты...

– А я как повезёт, – он грустно улыбнулся. – Или «щит» на меня одного, или Водный кремь на всех. Ладно, не отвлекай меня. Иди, Кан. Иди.

– Но... это же... это же «магия камней»! – сдавленно прохрипел один из трёх чернореченцев.

– Нет, это стык «магии камней» и теоретической магии. Непроверенное предположение. Но вы же любите опыты, не так ли? – Эндарс ухмыльнулся и закрыл глаза. – Рыжий, свали уже! Отвлекаешь.

Но... заклинанье из смешения магии с алхимией?! Разве он что-то смыслит в алхимии?.. Да даже если и смыслит, даже древние маги неохотно рискуют, смешивая алхимию и магию!

– Эндарс, ты спятил?!

– Хватит трястись над вашими бесценными болтами! Стреляйте всеми, чтоб наверняка!!! – прокричал уже издали король. – Ворота Дубового города ломаем сами!

Если они доберутся до столицы...

Уши уловили перебранку на некотором расстоянии от нас:

– Но там наши алхимики!!!

– Кто-то из наших ногу подвернул и не успел убежать!!!

– Ваше величество, умоляю...

– Мой король, там...

Чернореченцы ещё отчаяннее вцепились друг в друга. Но... этот сумасшедший парень продолжал сохранять спокойствие. Он медленно поднял правую руку.

– Стреляйте!!! – проорали за деревьями.

– Там мой брат!!!

– На суку вздёрну! Вот этом!

– Я... я не буду стрелять!

– Заткните этого парня! И стреляйте! Живо!!!

Эндарс резко двинул левой рукой – и я полетел на землю, сбитый невидимым мощным потоком, перекувырнулся. Поднялся.

И... это было не то место. Это было совсем другое! Но... где я?

– Стреляйте!!!

– Нет!!!

Так, кричат далеко. Но я не перемещался! Сам я не перемещался.

Он... отшвырнул меня заклинанием переноса?! Но...

Вдалеке над деревьями поднялся огромный огненный столб. Казалось, он дотянулся до самого неба. Тёмного. Безучастного.

Эндарс переместил меня, а сам... не успел.

Не в силах смотреть на этот жуткий огонь, поглотивший дерзкого смельчака, опустил взгляд на мокрую землю.

На душе было невыразимо тоскливо. Он успел зацепить меня, этот смелый маг. Ударом в сердце.

Я устало прислонился к ближайшему дереву. Мокрому. Потом сполз на пропитанный влагой мох, обхватил руками плечи. Уши ловили торжествующие вопли чернореченских воинов. Приказы Мстислава быть настороже: «Тут ещё шляется этот рыжий маг». И глухие стечения между ликующих воинов, видимо, того парня, родственника одного из алхимиков, сгоревших рядом с боевым магом, так и не решились «заткнуть». Чернореченцы уходили, не проверив меня. Или меня укрыл здешний лес?..

Погладив землю у моих ног, едва слышно произнёс:

– Благодарю за заботу, Лес.

Долго сидел, судорожно обнимая плечи. Потом... что-то ёкнуло внутри моей души. Отчаянная надежда судорожно всплыла к сознанию.

А, может, он всё же уцелел, но сейчас ему необходима моя помощь? Не мог Эндарс так просто переступить Грань, ведь он же боевой маг! Они же сильнее обычных человеческих магов. И в то же время даже боевому магу не справиться с Гранью. Но почему-то эта маленькая надежда тлеет, греет сердце, как греет пальцы маленький огарок свечи.

Поднялся, тяжело вздохнул. И заставил себя вернуться обратно.

Трое бедолаг, покрытые копотью, по-прежнему держались друг за друга. Около них чернела небольшая ямка. Даже пепла от него не осталось. А эти трое... они, по сути, ему никто, но он их магией своей прикрыл. Безумец! Неужели, он не понимал, как безрассудно выступать против целого войска даже боевому магу?! Хотя... он что-то смыслил и в алхимии. Может, уж он-то как раз много всего понимал?.. Понял, что если он не вмешается, то ещё сколько-то десятков чернореченцев, находившихся поблизости, сгорят. И я. Но... какой смысл думать об этом сейчас?..

Ножны кинжала коснулись моей кожи двадцатью или больше уколами холодных игл. Значит, как Эндарс и хотел, остальные уцелели. Не стало лишь его, стоявшего посередине, того, в кого целились они все.

Не чувствуя холода, намокший от сидения на влажном мху, какое-то время стоял, не отрывая глаз от ямы.

Спасать врагов, зная, что от тебя не останется ничего. Спасать город в далёкой чужой стране. Он был сильный. Очень сильный. Мужественный. И... жаль, что этого человека больше нет. Не из-за неслучившегося поединка. А просто... жаль.

– Маг... Кан...

– Чего тебе? – оборачиваюсь к мужчине с обожженными ногами.

Тот трясущимися руками сбросил кольчугу и вытащил из-под рубашки смятый свиток.

– Убери как-нибудь: пусть никто его не прочтёт!

Не очень хорошо понимал, отчего враг попросил это у меня, поэтому с места не сдвинулся.

– Сожги! – вновь попросил воин. – И помоги убрать остальные свитки. Их всего восемь. Уберёшь – и никто не сможет изготовить эти кристаллы. Кроме меня никто не знает, а я больше ничего о них не скажу.

Спрашиваю, нахмурившись:

– Какая тебе из этого выгода?

Мужчина тяжело вздохнул и устало взглянул мне в глаза:

– Когда-то я считал, будто важен, как открыватель этих кристаллов. А меня самого едва ими не спалили. Им нужны только мои открытия, но не нужна моя жизнь.

Горько усмехнулся:

– На что же ты надеялся, алхимик? Надеялся, будто тебя, незаменимого мудреца, не будут использовать?

– Хочешь узнать правду?

– Мне не нужна твоя правда.

– Не хочешь слушать врагов? – мужчина понимающе усмехнулся. – Считаешь себя самым благородным и умным? Мне знакомы твои чувства: в молодости сам был таким. За всех мужчин своего рода, ушедших за Грань в битвах с врагами, вознамерился отомстить. Создал в опытах вещество, которым меня самого едва не отправили за Грань! – потупился грустно, потом снова взгляд поднял, усталый. – Знаешь, что самое глупое: я создал оружие, которым с лёгкостью бы отправили туда и моих сыновей! – он рассмеялся отчаянно и горько, вызвав у меня досаду и неприязнь. – Мы сами придумываем оружие, которым нам в будущем нанесут неизлечимую рану, и при этом воображаем, будто мы самые умные. Мы сумасшедшие и считаем себя умными, – алхимик опять рассмеялся.

Этот смех больно полоснул по сердцу.

Двое других переглянулись. Один из них попросил, не глядя на меня:

– Оставь его, маг. У него от пережитого помрачился рассудок.

А выброшенный учёный с трудом поднялся и, отвернувшись от нас, продолжил смеяться. Плечи его тряслись. Человек, разочаровавшийся в пользе своего дела, побывавший у самой Грани, который испытал слишком большое потрясение.

Отчего-то решил выяснить у двух чернореченцев:

– А вы бы согласились, чтобы те свитки уничтожили?

– Конечно! – не смотревший на меня вдруг поднял взгляд, в глазах его теперь пылала ярость. – Пусть наш король лишится своего оружия!

– Ты думаешь, мы благодарны Мстиславу, бросившему нас? – криво усмехнулся другой, – Не дождёшься!

– Так... вы желаете отомстить своему королю?

– Удивлён?

Удивлён ли я? Ничуть. В моём сердце тоже пылает ненависть к моему бывшему королю. Пожалуй, могу им помочь. А дальше пусть разбираются сами.

Обойдя алхимика, встал перед ним.

– Пожалуй, сожгу твои свитки и доставлю вас назад. Дальше поступайте, как считаете нужным.

– Нет в мире ничего интереснее людей! – стирая брызнувшие от смеха слёзы, сказал мужчина. – В самых плохих людях может таиться хотя бы капля совести, а в самых хороших обнаруживается хотя бы капля зла. Трудно найти полностью плохого человека. И также трудно найти полностью хорошего. Люди... в них столько контрастов намешано! Такая... – он странно усмехнулся. – Люди – это такая причудливая смесь всего!

– К чему ты говоришь мне это?

– Мне безразлично, к кому ты себя относишь, как тебе безразлично, чего случится со мной.

Он угадал, как я относился к нему. Отчего-то стало досадно.

– Когда перестанешь считать себя хорошим и умным, у тебя появится возможность стать таким. Пока ты ни то, ни то.

– Вот возьму и перемещусь, забыв о моём желании тебе помогать.

Воин рассмеялся.

– Ты не принимай всё на свой счёт! – шепнул он, отсмеявшись. – Я сегодня смеюсь не то над всеми, не то над собой.

– Не боишься, что завтра над тобой будет смеяться твой король или твой народ?

– Меня больно ужалило собственное презрение. Чужое редко так точно бьёт в цель.

Решил больше ни о чём с ним не разговаривать. Поджёг сухой свиток, пропитанный каким-то особым веществом. Алхимик не спешил поднимать кольцо.

– Тебе не страшно идти без брони? – спросил мужчина с расшибленной ногой.

– Страшно идти, когда потерял дорогое тебе дело и желание жить. Однако кроме меня никто их мне не подарит. Придётся самому добывать. Но сначала я хочу стереть все упоминания о моей смеси! – он повернулся к другим чернореченцам: – Вы поклянетесь мне, что не расскажете ничего? Я не хотел бы убивать вас, но если вы расскажете о моём изобретении, я вас хоть из-под земли достану! Мне нечего терять. Я ничего больше не боюсь.

– Может... – другой чернореченец повернулся к третьему. – И мы?..

Свиток горел быстро.

Лучше, если никто и никогда не сумеет сделать такие же кристаллы, разрушающие даже крепкие заклинания. Ну, пусть хотя бы пройдёт долгий отрезок времени, прежде чем кто-то вновь научится их создавать.

Делал ли я это, чтобы кристаллы когда-нибудь не полетели в меня, в память об ушедшем из жизни маге или чтобы считать себя хорошим? Ясного ответа не дал бы даже самому себе. Все три варианта были причудливо перемешаны между собой.

Холодные уколы от зачарованного камня, вставленного во внутреннюю часть ножен кинжала, затихали: воины из Черноречья успели убежать. Нашего с алхимиком разговора враги не слышали, поэтому можно не беспокоиться, что перескажут его своему королю.

Враги, враги. Сам называю их врагами. Чем я лучше них? Вряд ли я лучше. Надо же, какая бездна чего-то непознанного иногда таится в нас самих! По какому хрупкому прутику мы ходим между совестью и бесчестьем! Вероятно, по нему же ходил и Эндарс. А, впрочем, чего я перевожу внимание на него? За свои ошибки он ответил сам. За мои ошибки предстоит отвечать мне самому.

– Кан...

За попытку положить руку мне на плечо чернореченец получил прикосновение лезвия к горлу. Впрочем, он не дрогнул.

– Мы тут подумали... – мужчина покосился на своих товарищей по несчастью. – С друзьями. У нас нечем заплатить тебе, но если бы ты помог нам переместиться в одно место и спалить ещё кой-какие расчёты, мы бы были тебе благодарны.

– А как же ваша наука?

– Наука и Черноречье вполне проживут без нас, – кривая усмешка. – Я больше не желаю служить королю, который меня не защитил.

– Хотя бы перемести: нас там пока ещё не ждут, – добавил третий мститель. – Мы уничтожим наши исследования и книги и уйдём.

– Вас самих живём сожгут, если поймут. У Мстислава нрав крутой.

– Нас уже едва не сожгли, – алхимик покосился на другого, с обожжёнными ногами. – И после этого во мне... что-то сгорело.

Мне не было дела ни до чернореченской науки, ни до развития алхимической науки вообще. Но я понимал, какой огонь теперь пылает в душах у этих троих. К тому же, лучше, если у чернореченцев не будет такого жуткого оружия. Да и... за Эндарса хоть как-то отомстить хотел.

Первый тайник алхимиков, спрятанный среди леса в подвале дома, разрушенного пожаром и временем, мы нашли достаточно быстро. Пока я и один из алхимиков стояли сверху, оглядываясь по сторонам, двое скрылись внизу. И вынесли какой-то деревянный ларец со свитками. В какой-то миг я подумал, а не сожгут ли они чего-нибудь ещё, потом осознал, что мне, в общем-то, всё равно. Но надежда, что в бою больше не будут использовать опасные кристаллы, греет душу.

Ларец сгорел довольно быстро. Один алхимик смотрел на пламя, улыбаясь, двое других даже как-то грустно. Всё-таки, каждый расчёт – результат долгих исследований и опытов, плод

пережитых опасностей и увечий и, порою, последняя частица жизней каких-то напарников и предшественников, оборвавшихся раньше срока. Кажется, те двое думали что-то такое.

Последняя часть расчётов хранилась в подземелье. Туда дорогу знал только один, тот, смеявшийся над собою. Я отправил двух его товарищей по несчастью в какой-то приграничный город Черноречья и обещал, что если всё пройдёт хорошо, я за ними вернусь и перемещу их, куда попросят. А нет – так и сами спокойно из страны уйдут.

Мы довольно-таки долго шли по старому подземному ходу через заброшенную шахту. Рядом, чтобы свет моего искусственно пламени освещал нам дорогу: я намеренно создал неяркий, показывающий сравнительно небольшое пространство вокруг нас, чтобы нас не так быстро смогли заметить. Там было холодно сыро. Иногда перед нами шмыгали крысы, раз – проползла гадюка.

Мой спутник и провожатый был как-то подозрительно задумчив. Я в какой-то миг подумал, а не нарочно ли он меня сюда заманил? Впрочем, я уже создал «магический щит», да и следил за каждым его движением внимательно. А потом...

Я остановился, напряжённо вслушиваясь.

– Что такое? – шепнул он.

– Там... маг, – я удивлённо вслушался в укол моего Определителя.

– Т-а-ак... – мрачно протянул алхимик.

Он выхватил свой кинжал. Я метнулся в сторону, сжимая ладонь, чтобы потушить пламя. Затаил дыхание. В темноте я ещё чётче слышал его. А вот он...

В темноте алхимик помчался куда-то. Кажется, недавно увиденная змея, на чей хвост он едва не наступил, его уже не смущала. Но... почему?..

Я зажмурился, вслушиваясь в его топот. Так, куда-то завернул. Направо. Ещё немного. Налево. Какой-то подозрительный скрип. Звук тяжёлого камня, отползающего в сторону. Хлопнула дверь. Вскрик. Брань. Шум борьбы.

Кинулся туда. Надеюсь, от «щита» змей и крыс отшвырнёт. А нет, так ничего, часть ядов я умею убирать.

За отъехавшей толстой каменной плитой обнаружился пустынный зал, обложенный камнями по полу, стенам и потолку. Через распахнутую деревянную дверь в дальнем конце его светил свет. Мелькали силуэты двух мужчин, дерущихся на кинжалах. Вообще-то, это не моё дело, драться с защитниками тайников, но всё-таки я обещал. Да и драка...

Когда я переступил порог в хранилище, заставленное ящиками из всевозможных материалов и с длинным огромным книжным шкафом в конце, противник уже повалил моего спутника на пол, приставил лезвие к его шее, открыл было рот, чтобы что-то сказать.

Мой кинжал отлетел, натолкнувшись на другой магический «щит». Свалил маленькую бумажную коробку, стоящую поверх двух больших деревянных ящиков. На пол сияющим веером просыпалась россыпь камней, похожих на большие сапфиры и топазы. Разве что грани у них были не идеальные, что навело на мысль: к ним прикасалась не рука ювелира. Двое прокатились и упали почти у моих ног.

– Наступишь – и ты труп, – усмехнулся защитник хранилища.

Хотя... на нём была одежда в дорожной пыли. Он прежде долго ходил где-то по грязи.

Мой спутник вывернулся из-под него, зажёб горсть просыпавшихся камней в ладонь, откатился. Выпрямился, мрачно ухмыляясь.

– Поиграем, ворюга?

Всё-таки, не охранник?

Маг усмехнулся – и пнул ногой стоящий возле него деревянный ящик. Тот упал на бок – и из него на пол высыпались бардовые и алые кристаллы разных размеров, отдалённо напоминавшие по форме бычью голову. Смешавшись с лже-сапфирами, они подняли целую стену искр.

– Спятил?! – испуганно проорал алхимик.

– Ты сам просил поиграть, – насмешливо развёл руки в стороны маг.

Искры, шипящие и всё прибывающие, огородили меня и его от алхимика, а тот оказался заключённый внутри хранилища. Возможно, оттуда не было выхода. В просвет между рядами ящиков, так же ограждавших нас, я увидел, что алхимик метнулся к каким-то ларцам, забрать оттуда камни и кристаллы разных форм и размеров. Хотя вполне мог бы вылезти в один из просветов, залезнув на ящики. Придурок! С одной стороны, его жалко, с другой, почти сразу же уйти за Грань вместе с Эндарсом не входило в мои планы.

Укол Определителя. Я отшатнулся, а второй из прибывших магов наподдал чокнутому шутнику под зад, отчего тот расползся по полу. Ещё и ногу на спину поставил.

– Вадим, зараза, ты у меня доиграешься!

– Я скажу Эну, что ты посмел назвать моё имя при посторонних!

– Ну-ну! – насмешливо цокнул языком его знакомый, потом спокойно посмотрел на меня. – А ты тут что забыл, маг?

Нападать на меня эти двое почему-то не спешили. А у меня было ощущение, что их тут тоже быть не должно. Тем более, что алхимик, приведший меня в тайную кладовую, Вадима обозвал ворюгой. Но... маги обворовывают чернореченских алхимиков? Им-то на что? Да ещё так спокойно ведут себя в чужом тайнике, словно вообще меня не боятся.

Чуть подумав – второй маг внимательно наблюдал за мной, продолжая прижимать ногой к полу своего напарника, а алхимик носился за ящиками, собирая какую-то смесь искусственных веществ неизвестного назначения – спокойно пояснил:

– Да я вообще-то пришёл с ним, – и указал на силуэт алхимика.

– Парень, ты там что собираешь? – невозмутимо уточнил второй маг у моего алхимика. Последовала целая тирада отборных местных матных выражений.

– Ну, это-то я понял, – ухмыльнулся маг. – Я тебя тоже, если честно, терпеть не могу! Но, может, мне проводить вас отсюда, пока всё тут не взлетело на воздух?

– Ты знаешь, сколько мы всё это создавали?! – с яростью провыл алхимик.

Кажется, если не эта невольная ограда из искр, он бы кинулся душить его руками. Но всё-таки мог бы вылезти в щель между ящиками. Но, кажется, от паники или злости, затуманившей разум, он не подумал о выходе, который всё-таки был. Или... или сохранить эту кладовую ему важнее, чем спасти свою шкуру? То говорил, что наплевать на алхимию родной страны, то при возможности пожара кинулся спасать их сокровища.

– Примерно представляю, – с усмешкой отозвался маг.

И покачнулся, поскольку тело молодого мужчины под ним вдруг исчезло, а его нога зависла в пустоте, уже не опираясь обо что-то. Вадим появился в шаге за ним и наподдал по месту для сидения уже сам. С воплем его спутник рухнул. Падая, зацепил виском какой-то ящик. И застыл на полу. Вадим испуганно выругался – убивать спутника и, может, даже напарника, в его планы не входило. Но, кстати, он шикарно владеет сложными заклинаниями перемещения на короткие расстояния, да ещё и точно выверяет расстояние в считанные мгновения!

Предложил ему:

– Помочь доставить его к врачу?

– Да я сам, – проворчал он. – Но спасибо за стремление помочь.

Виновато покосился на напарника и сунулся к другому ящику. Всё-таки здешние искусственные вещества интересовали его больше, чем жизнь и здоровье напарника.

– Ты, кстати, тут чего ищешь? – осведомился Вадим как бы между прочим.

– Да я-то ничего, но он попросил меня его проводить, – кивнул на алхимика, мятущегося между ящиков.

Вздыхнув, присел около неподвижного мага.

- Жить будет? – взволнованно уточнил маг, ворующий у алхимиков.
- Вполне. Но не факт, что жить будешь ты, когда он очнётся, – ухмыляюсь.
- А! – отмахнулся он, улыбаясь.

И, отколупав крышку, раздвинув мелкие бумажные свёртки, вытащил бумажную коробку – по ту сторону ящика, подальше от искр – и стал высыпать в холщовую сумку его содержимое – мелкие тёмно-изумрудные кристаллы, внутри которых будто бы застыли золотистые пряди чьих-то волос.

- Уходите лучше, – устало попросил алхимик из-за стены искр.
- Что, скоро полетим? – усмехнулся Вадим.

То ли он был местами безумным, то ли любил людей доводить, то ли... нахождение в помещении под землёй, напичканном алхимическими веществами, да ещё и загорающемся, его не сильно пугало. Да кто эти маги?!

И вдруг он с воплем отпрянул. Всё-таки, он чего-то боится?

Шутка застряла у меня в горле.

Из стены искр спокойно вышла женщина, поигрывающая веществом, напоминающим слипшиеся рубин и лунный камень. Чёрные длинные волосы спадали по её груди и плечам, которые, как и всё её тело, были затянуты в узкое обтягивающее платье, которое, как казалось, было из расплавленного золота. Платье доходило до подбородка, но на шее был вырез, аж до узорчатого серебряного пояса, открывавший в тонкой полосе углубление между грудями.

Вадим, мягко говоря, засмотрелся. А что? Фигура её была умеренно пышной в особых женских местах – и там было на что смотреть, особенно, при платье такого дичайшего неприличного покроя. Разве что... его материал...

– Ты... не человек?

Она загадочно улыбнулась, смотря на меня и многозначительно облизывая губу – и швырнула свой странный камень в стену из искр. Там зашипело – и искры потянулись в разные стороны, мгновенно заполнили всё помещение – и утопили нас.

Солнце слепило глаза. Те, кстати, чесались и слезились. Птичьи песни, которые я любил, казалось, сейчас оглушат меня. Голова была чугунной.

Застонав, сел. Неподалёку от меня лежал, скрючившись, алхимик. Тот, с которым меня, кажется, занесло в какое-то дикое подземелье.

Растормошил его. Он очухался не сразу. Спросил слабым голосом:

– Где мы?

Я какое-то время растерянно оглядывался. Потом признал лес около входа в заброшенную шахту. А вот, кстати, и он неподалёку.

– Помнится, кто-то попросил меня уничтожить бумаги с расчётами.

– А, да... что-то такое было. Кажется, голова моя сейчас треснет, – он дёрнулся – и я, подвинувшись, помог ему сесть.

– Кажется, мы туда всё-таки вошли. Там был какой-то проходной двор.

– И вроде два мага... – он задумчиво растирал уши.

– Разве два?

– Одного я видел, другого – слышал.

– Там ещё была странная женщина, магичка.

– Не видел.

Растерянно посмотрел на него.

– Но я помню, что из-за одного из воров там что-то загорелось. А потом, пока я подбирал нейтрализующую смесь, как всё полыхнуло!

Какое-то время мы сидели, устало оглядываясь. Казалось, от птичьего пенья у меня сейчас лопнут барабанные перепонки.

– Но если мы были там, когда начался пожар, то что мы делаем здесь? – спросил наконец алхимик.

– Должно быть, тот маг, который остался в сознании, нас вытащил. Он силён в перемещающих заклинаниях.

– Вытащил?.. Он?!

– Ну, сами мы, видимо, не могли. Наглotalись какого-то яда. А он успел.

– Но у него было лишь мгновение! – удивился алхимик.

– Так повторяю: он хорош в перемещающих заклинаниях.

– А, может, и так.

Какое-то время мы сидели почти неподвижно, справляясь с дурнотой. Добавил:

– Но странно, что я помню ту женщину, а ты – нет.

– А что за женщина?

Услышав моё описание – насколько позволяла вспомнить тяжёлая и затуманенная голова – он сплюнул. Припечатал:

– Никогда не видел, чтоб женщины так ходили, в такой паскудной одежде.

Так... она мне примерещилась, что ли? Так как искры уже были – и я местами уже испарений какого-то искусственного вещества наглotalся?

– Я схожу туда и проверю, – мужчина поднялся.

Стоял он не ахти как: шатало его аки былинку на ветру.

Проворчал:

– Извини, но я туда не пойду: думаю, я уже достаточно наглotalся ядовитых испарений.

– Дай мне то магическое пламя, чтоб я мог под ноги смотреть – и я сам схожу.

– Слушай, нам повезло, что тот маг нас пожалел – и вытащил оттуда. Могли бы уже за Гранью шагать.

– А! – он отмахнулся.

– Не ты ли говорил, что тебе наплевать на развитие чернореченской алхимии?

Алхимик долго молчал, потом сознался:

– Это расчёты с очень опасным веществом. Лучше, если они не достанутся никому. Тем более, что они уже добрались до этого тайника.

– Они? – поднимаю брови.

Точнее, пытаюсь. Но даже от такого крохотного движения мне стало очень плохо. Ему, полагаю, ещё хуже – он держал в руках какие-то иные вещества, которые могли стать вредными из-за тех искр, да и очнулся позже, чем я. Хотя... может, те вещества как-то его поддержали? Или тот Вадим немного повозился с нами, спасая от яда, в ущерб спасению своего напарника? Да даже если он просто вытащил нас из опасного подземелья и бросил тут, на чистом воздухе – это уже очень щедрый жест с его стороны.

Помявшись, чернореченец сознался:

– Есть несколько магов, которые иногда у нас воруют. Уж каких только ловушек на них не ставили – уходят, заразы!

– Не удивительно, с таким-то мастером по перемещениям!

– Ага! – он вздохнул. – Впрочем, не твоё это дело.

– Да и не твоё: тебя из-за Мстислава едва не убили.

Он снова вздохнул.

– Но я всё-таки туда схожу.

– Спятил?

– Наверное, – усталая улыбка. – Ты только дай твоего искусственного огня, а?

Как ни пытался, не смог его отговорить. Впрочем, я не особо и пытался: голова гудела жутко. Наконец, не выдержав, вручил ему сгусток искусственного пламени и, дождавшись, пока он скроется в шахте и топот его ног удалится сколько-нибудь вперёд, со стоном растянулся

на траве. Мне было так плохо, так мутило, что стало совсем наплевать на всех чернореченских алхимиков и их заботы.

Мир ещё долго плавал надо мной зелёными и чёрными пятнами. Раз, кажется, меня всё-таки стошнило. Я не мог особо пошевелиться. И, поскольку это была искусственная дрянь, не знал, какой травой можно нейтрализовать этот яд...

Я с трудом дотянулся до высокого подоконника, ухватился за него, подтянулся, спрыгнул внутрь дворца и попал в длинный коридор.

Казалось, будто огненная волна вырвалась прямо из моего сердца, мгновенно затопила обеденную залу. Стражники, натасканные и как маги, не смогли справиться с ним, потому вытащили короля и его жену наружу, а меня не то не спасали, не то не успели. И я утонул в свистящем и гудящем огненном океане...

Я не сразу понял, что меня трясут не эльфы, а какой-то незнакомый человек. Нет, вроде знакомый.

Потом я долго сидел, пытаюсь забыть приснившийся кошмар. Тот, который не раз изводил меня, особенно, в первые годы, когда я как-то чудом сумел интуитивно переместиться из пламени пожара и, покрытый ожогами, выпал на мокрый мох в чужом лесу. И хотя тело моё уже давно зажило, воспоминания о той боли вновь вернулись, такие яркие... то, как я потом полз, в поисках воды... как ел какие-то травы... но последнее помнил уже как-то смутно.

Раз меня всё-таки стошнило. Алхимик, напряжённо замерший рядом, не увернулся. Он и сам был бледный, вспотевший, дышал тяжело.

Мы долго молчали, приходя в себя.

Потом он одёрнул рубашку – и ему, и мне на колени высыпался ворох свитков.

– Сожжёшь? – спросил он умоляюще.

Значит, он дошёл до тайника. Чокнутый!

Но просьбу его всё-таки исполнил.

– Можешь переместить меня к знакомому алхимику? – вдруг попросил чернореченец.

– Такого уговора не было.

– Но он может поставить нас на ноги. И ты скорее уйдёшь живым.

Шумно выдыхаю. Вдыхаю лесной воздух, глубоко-глубоко.

– Но он может сдать тебя своим. Тебя обвинят в уничтожении свитков. Может, припишут в пособники к тем ворами.

– Плевать на меня! – криво усмехнулся он и закашлялся.

Закашлялся... кровью.

– Но я хочу, чтобы ты был живой. Ты всё-таки мне помог. Только прошу тебя ещё немного мне помочь – и сжечь эти свитки.

Если так подумать... он нашёл меня, когда я уже провалился в сон, мог спокойно меня убить, но не тронул.

Вздыхнув, создал искусственное пламя. Он свалил свитки горкой, чуть поодаль, но не настолько, чтобы нам пришлось долго к ним идти – и я запалил прощальный костёр по сокровищам чернореченской «магии камней». Огонь сумел создать не сразу – заклинание сплёл с трудом. Впрочем, как и заклинание перемещения.

Когда мы, поддерживая друг друга и шатаясь, так что нас косились даже местные пьянчуги, рассеявшиеся прямо на мостовой, пришли к его знакомому, тот на удивление ничего не спросил. Попросил показать языки, осмотрел лица, руки, попросил показать грудь и кожу под мышками, ступни, осмотрел наши глаза, спросил, не тошнило ли нас уже. Ушёл в постройку во дворе. И вернулся, неся одной руке чашу из тёмно-зелёного кристалла с почти прозрачными

голубоватыми вставками другого камня, в другой – обычный глиняный кувшин. В чаше и в кувшине плескался какой-то травяной настой. Протянул чашу мне, мол, как самому пострадавшему. Я медлил, опасаясь пить первым. И, поняв примерный ход моих мыслей, мой спутник забрал чашу и отпил сам. И ещё выдул чашу, долив из кувшина. Вроде бы с ним ничего не стряслось. Вздохнув, я принял протянутую чашу.

Если не считать неприятного часа или двух, пока наше тело активно чистилось, это был приличный состав. И позже голова прояснилась, и я ощутил даже бодрость. А пока мы мучились, хозяин успел нам баню растопить. Дров не пожалел.

После бани я вышел уже вполне живой. А ничего так. С какими-то последствиями от отравлений искусственными веществами они справляться умеют.

От обеда отказался, под предлогом оставшихся важных дел. На самом деле, давно почувал запах жареной курицы, струившийся с кухни, куда вскоре после нашего прихода кинулись хозяйка и их две дочери. Вскинул бровь, многозначительно смотря на моего недавнего спутника. Мол, так перемещать тебя? Тот, улыбнувшись, отмахнулся. И я ушёл. Через дверь, как обычный человек. Если хозяин увидит, что я маг, может заподозрить моего товарища по несчастью в сговоре с магами-ворами: в Черноречье своих магов нет, а если кто и объявится, то их мало. Хозяин поймал меня уже на улице, дал какие-то указания касательно еды, что там можно есть, а отчего сколько-то времени лучше воздержаться, чтобы тело скорее окрепло. Попрошавшись с ним, махнув рукой на прощанье моему знакомому, выглянувшему из окна, пошёл.

По городу прошёл в приличном состоянии. Потом пересёк длинное поле. Углубился в лес. Там повалился на траву, с наслаждением вдохнул лесного воздуха и слабый аромат цветка, растущего неподалёку. Но долго насладиться отдыхом на природе не удалось – мне опять вспомнилось пламя в том зале и тот ужас, когда я понял, что они спасают короля и королеву, но не спешат спасать меня. То чувство, когда меня окружило пламя, отрезав навсегда от выхода из зала...

Вздохнув, поднялся с земли. И создал заклинание, перемещающее меня в лес близ столицы Светополя.

Выскользнув из тёмного переулка в Дубовом городе, направился к дому Романа и Алины. Устал от событий этого бурного дня, да и от вернувшегося кошмара у меня появилась неожиданная идея. Несколько слов, совершенно обычных слов сложились в моей голове в некое подобие заклинания. Требовалось проверить, удастся ли их использовать.

Мне пришлось несколько раз позвать, прежде чем она открыла дверь.

– Кто победил? Куда вы внезапно пропали? Где Эндарс? – волнуясь, девушка выпалила все вопросы вместе, не прерываясь.

Улыбаюсь, будто ничего плохо не случилось:

– Думаю, победили вы.

– Ты был там? Где мой брат?! – она дрожала от волнения.

– Его не должны были ранить, – мы же серьёзно отвлекли чернореченцев от Дубового города, так что, будь у Мстислава голова на плечах, он не сунется обратно, хотя бы в ближайшее время.

– Правда? – синие глаза вспыхнули надеждой.

– Правда. Пойдём на кухню. Я расскажу всё подробно.

В синих глазах читаю тревогу за брата, а ещё тревогу за меня. Не хочу с ней расставаться. Как назло вспоминается пепел последнего свитка, вспоминаются слова, похожие на заклинания. Трудно успокоиться, невозможно выкинуть из головы. Усилим воли ненадолго отталкиваю их. Алина рукою протянутой зовёт меня зайти в дом, и первая заходит внутрь. Я закрываю входную дверь.

Алина выслушала рассказ о сегодняшнем дне очень внимательно. Услышав про Эндарса, погрузилась. У неё было доброе сердце.

Мы сидели вдвоём, разделённые только столом. В повисшей паузе, нарушаемой лишь нашим дыханием и шумом всполошившейся столицы, я выстраивал пришедшие слова так, чтобы из них вышло заклинание. Это занятие увлекло меня. Хотелось вскочить и отправиться испытывать придуманное. Наверное, то же нетерпение испытывает художник, готовящий полотно и раскладывающий крохотные коробочки с краской перед тем, как приступить к рисованию. Может, его картина так же стоит перед глазами, как стоит перед моими картина с возможным действием моего заклинания.

Мысли о мести, жажда мести вновь овладели мной. Не следовало давать им столько воли. Сейчас они стали слишком сильны, а у меня нет желания противиться. Да и стоит ли?..

– Что тебя мучает, Кан? – неожиданно спросила девушка.

Кажется, и Алину что-то волновало, но мне пока было совсем не до её чувств.

– Я хочу отомстить.

Она вздрогнула и тихо уточнила:

– Кому и за что ты хочешь отомстить?

– Королю эльфов.

– Королю... эльфов?! – глаза её распахнулись от удивления.

– Хэл отправил моих родителей за Грань. Мой разум понимает: не он, а мои родители нарушили законы Эльфийского леса, но я их любил, – непроизвольно сжимаю кулаки. – Хотя я был ни при чём, меня самого едва не отправили за Грань. Меня спасло моё первое заклинание: перенесло в далёкую от родины страну. Там я решил стать очень сильным, чтобы когда-нибудь вернуться и отомстить ему. Остаток детства, всю юность я провёл, выполняя мой замысел. Мне самому не определить, насколько преуспел, но больше терпеть не могу. Ненависть сжигает меня изнутри, изводит, не даёт покоя.

Девушка наклонила голову на бок, внимательно разглядывая меня. Тихо сказала:

– Не думала, что ты родился в Эльфийском лесу. Ты выглядишь и ведёшь себя, как самый обычный человек.

Улыбаюсь:

– Наверное, ты так же не подозревала, что я родился эльфом?

– Ты... ты – эльф?! – её глаза округлились. – Но в тебе нет ничего эльфийского!

Моя улыбка стала ещё шире: знаю, я хорошо постарался.

– Просто тщательно избавился от того, от чего можно было избавиться, и скрыл то, от чего избавиться невозможно. Ты сказала, будто я почти такой же как сейчас – и ты права: пока на мне всего лишь одна стойкая иллюзия, которая прикрывает мои уши, заострённые сверху.

Она растерянно смотрела на меня. Жаль уходить отсюда, но остаться я не в силах.

– Сегодня я хочу уйти, Алина. Я не сумею выстоять против эльфийских магов с древней магией: слишком недолгим было моё обучение родной магии. Но я чему-то выучился во владении человеческой магии, в битве на оружии и врукопашную. Я не настолько самоуверен, чтоб считать, что обязательно преуспею. Да и жестоко обещать тебе, что я вернусь, при слишком маленькой вероятности моего возвращения. Я один, а стражников в Эльфийском лесу много, – я какое-то время молчал – и она тоже молчала, напряжённо смотря на меня – потом продолжил: – Ещё недавно мне было наплевать на жизнь. Мне было всё равно, оборвётся ли она до мести или после неё. У меня не было никакого будущего, была только жгучая ненависть... – глядя ей в глаза, улыбнулся. – Теперь мне очень хочется остаться живым и вернуться к тебе. Я люблю тебя, Алина, но с моей ненавистью и жаждой мести справиться не могу. Может, не стоило говорить тебе всего этого. Тем более, что я, скорее всего, не вернусь. Просто... просто мне хотелось ещё хотя бы ненадолго побыть возле тебя и попрощаться.

Девушка сильно побледнела и начала нервно сминать подол платья. И тихо попросила:

– Кан, пообещай мне кое-что, пожалуйста.

– Что именно?

Она испытующе взглянула в глаза. Как будто желала разглядеть всё, что творилось в моей душе.

– Не трогай ничьих детей. Они не должны отвечать за поступки своих родителей.

– Я не желаю причинять вред тамошним детям или его сыну. Попытаюсь испортить кое-какую вещь, которая дорога королю эльфов. По сравнению с моей утратой она совершенно ничкёмна. Но Хэл должен хотя бы в малой степени почувствовать то, что чувствовал я. Должен осознать: бывают те, кто не может смириться.

Она печально потупилась:

– Что ж, ты волен сам выбирать свою дорогу.

Мы снова какое-то время молчали. На этот раз пауза затянулась надолго. Я вдруг с некоторой досадой сказал:

– А ты даже не плачешь.

Девушка подняла голову и твёрдо посмотрела мне в глаза:

– Я буду плакать, любимый, но не перед тобой, – Алина разглядывала меня так пристально, как будто пыталась запомнить каждую чётточку моего лица. – Но ты сам захотел уйти. Это твоё желание. Я не хочу мешать тебе исполнять его.

Думал, она кинется ко мне, схватит, со слезами будет умолять остаться, но она неподвижно сидела, не пыталась ни отговорить меня, ни задержать.

Мы так и не смогли понять друг друга. Девушка, не проронив ни единого слова, собрала мне еды в дорогу и направилась за водой, а я сложил всё в сумку и пошёл в другом направлении, к главным воротам. Впрочем, пройдя сколько-то шагов, не выдержал, побежал обратно, схватил её, направлявшуюся к колодцу – она от изумления выронила коромысло, и ведра с глухим грохотом упали на мостовую – и крепко сжал её в своих объятиях, уткнулся лицом в её волосы.

Только и сказал:

– Прости меня, – и торопливо ушёл, не оглядываясь.

Я боялся, что если я обернусь и увижу что-то в её глазах, то опять задержусь здесь – и уход моих родителей за Грань, возможно, бывший лишь следствием клеветы, останется неотомщённым.

А она... она не побежала за мной. Ничего не кричала мне вслед. Алина просто отпустила меня. Отпустила, потому, что я захотел уйти. Хотя, наверное, ей было очень нелегко меня отпустить.

Глубоко вдохнул, шумно выдохнул.

Впрочем, хватит думать о ней. Я придумал заклинание, которое, если удастся, отлично подойдёт для моей мести. И я наконец-то смогу отомстить за всё.

Почти не смотрел на дорогу, погружившись в свои мысли.

Вот дойду до ворот города, выйду, чуть пройду по лесу – и перемещусь. Из леса этой страны попаду в Эльфийский лес. Эх, надо было отдохнуть, а потом идти исполнять задуманное. Дворец моего бывшего короля никуда бы за несколько дней ни делся. Однако возвращаться не буду. Хотя и хочется.

Отойдя шагов на сто от ставшего привычным и немного родным дома, чуть притормозил, всматриваясь в чудной облик светопольца, бредущего мне на встречу – мужчина был с ног до головы покрыт копотью – ноги держали его не слишком-то хорошо, точнее, почти не держали. Тот приветственно взмахнул рукой. Я недоумённо приподнял брови. Незнакомец застыл на мгновение – теперь уже сам удивился, потом торопливо сплюнул на чёрную ладонь и протёр ею и рукавом лицо.

– Ты... – мой голос дрогнул. – Как ты оттуда выбрался?!

– Да колечко мне непростое подарили, – равнодушно пояснил Эндарс. – Сам удивился, что живой, – он показал мне другую руку, на которой блеснул невзрачный серебряный ободок.

Выжил... значит, он всё-таки выжил!

– И... ты так спокойно об этом говоришь?

– Приключением меньше, приключением больше... какая разница? – он задумчиво поковырял в ухе.

Приключением?! Что за жизнь вообще у этого парня, если сегодняшние события для него просто «приключение»?..

– А ты, кстати, мог бы и вверх посмотреть! – проворчал боевой маг. – Я там несколько часов провисел, между небом и землёй. Высоко... – он всё-таки поёжился. – Холодрынь! А потом додумался колечко повернуть – и опустился на землю. Но тогда уже все разбрелись. Кстати, ты куда намылвился? По делам или... – торжествующая усмешка скользнула по серо-чёрным губам. – Насовсем?..

– Насовсем.

– Жаль. Ты отличный парень: я бы с удовольствием подрался с тобой, – широкая улыбка. – Силы испытать.

Чуть помолчав, сказал:

– Да, жаль.

Повернулся, прошёл несколько десятков шагов. Посмотрел на удаляющуюся чёрную фигуру. Спиной повернулся. Доверяет мне?..

Лезвие моего кинжала пробыло около его шеи только миг – в следующий боевой маг вывернулся и, отступив на пару шагов, остановился, поигрывая своим кинжалом. На губах его была всё та же широкая улыбка. Впечатляет.

– Ты чего-то хотел уточнить? Или всё-таки подраться? – спокойно спросил Эндарс.

Немного поиграл кинжалом, показывая ему ловкость своих рук. Потом твёрдо посмотрел ему в глаза:

– Алина для тебя тоже очередное «приключение»?..

– Я хочу на ней жениться, – ответил человек, смотря на меня в упор. – Забрать из этого опасного места. У меня есть свой дом, большой. Хочу с ней несколько детей. Симпатичную девочку и сыновей, которые продолжат моё дело или пойдут своей тропой, – он прищурился. – А что хочешь ты?

Хмурюсь:

– Подозреваю, что у тебя опасная работа. Раз в одиночку пойти на вражеское войско и едва не сгореть живьём для тебя считается всего лишь приключением. Что будет с ней, если она останется вдовой?

– У меня большая и дружная семья – о ней будет кому позаботиться. А тут у неё только брат. Да и вообще... – Эндарс нахмурился. – Я хочу завоевать её сердце. А вот Роман отдаст её за любого, кого сочтёт достаточно сильным или богатым. Ты заметил? Он боится, как бы мы её не обидели, но когда мы хорошо заплатили ему за постой и еду – Роман нас всё-таки пустил.

– Да, Роман – парень практичный... – задумчиво повёл кончиком ногтя по лезвию моего кинжала.

А женщины Светополя не имеют особых прав. Он подыщет для неё выгодную партию и без учёта её мнения. А что касается этого парня... может, Алина полюбит его со временем. Может, просто выберет от безнадёжности или желая получить хорошего защитника. В любом случае, Эндарс достаточно сильный, к тому же, его заботит её мнение.

– Ты сказал... «парень»?.. – маг сощурился. – Сказал: «Роман – парень практичный»?

– Так ведь он ещё молодой.

– А ты, что ли, уже старик? – Эндарс усмехнулся, потом посерьёзnel. – Кан... Кстати, имечко у тебя... непривычное.

– Таких, как у тебя, в Белом краю тоже не дают, знаешь ли, – усмехаюсь.

Мы задумчиво смотрели друг на друга. Потом спокойно сказал ему:

– Ладно, доверяю её тебе. Позаботься о ней. Или я тебя из-под земли достану! – убрал кинжал и прошёл мимо него. – Я проверю!

Если я вернусь.

Едва подавил вздох: мне вдруг страшно захотелось вернуться прямо сейчас, но... если я вернусь... нет, так не пойдёт. Главное – моё дело. Я ведь несколько десятилетий потратил на подготовку моей мести.

– И... с кем ты воевать собрался? – голос его был весёлым.

Обернулся. Эндарс смотрел мне в глаза и улыбался.

– Так... ты про себя тоже ничего особого не сказал.

– Ладно, ничья! – он взмахнул рукой на прощанье. – До следующего поединка, Кан!

И уходя, я подумал, что будет жаль, если этого поединка не произойдёт. Впрочем, Алина будет не одна: у неё теперь два защитника. И где-то в другой стране она обретёт большой дом и большую семью.

– Кстати, спасибо за попытку меня спасти! – долетело до меня.

Поднял руку в прощальном жесте.

Всё-таки жаль, что я ухожу насовсем.

История Алины

«Необычная помощница»

Прошло пять дней с тех пор, как ушёл мой любимый. Войско Черноречья вернулось к себе. По пути испортило несколько полей с рожью и льном, подожгло приграничный лес и все деревни от столицы до границы. Догнать их наши воины не успели. Помогли только своим родственникам строить новые дома. Люди, спрятавшиеся в старинных развалинах и ближайших городах, вернувшись и обнаружив пепелища, ругали двух королей: одного за то, что поджёт, другого за то, что отсиживался в Дубовом городе и не защитил.

Где-то едва не вспыхнул мятеж. Какие-то отчаявшиеся люди из простого народа ночью ворвались в летний замок, находившийся ближе к Старому городу, чем к столице, и разворовали кур, увели королевских коров и быков, овец. Вместе с украденным скотом и птицей исчезла примерно четверть воинов, охранявшая сокровища. Семьи кормить нужно было всем. Дома не могли вырастать как грибы после дождя, нужно было их построить, нужно было найти из чего их строить. Да и защищать родных, спасти остатки будущего урожая кому-то было нужно. Ростислав, услышав о грабеже, рвал и метал, но добиться возвращения украденного добра не смог. Или, всё-таки, сжалился? Или вина его заела?..

Дожди смыли пепел сгоревшего леса. Обожжённая земля медленно начала покрываться зелёным дымком трав. Увы, стройные деревца, когда-то шумевшие листвой у границы, не вернуть. Вражда оставила свои чёрные следы на нашей земле и, хотя из воинов и простолюдинов никто не получил серьёзных ранений – хвала внезапно вмешавшимся магам – тяжесть собственной и чужой ненависти легла на множество плеч.

Было горько узнавать о случившемся, хотя сама я ни в чём не виновата. Любимый, чьего возвращения отчаянно ждала, всё не возвращался.

На шестой день, рано утром – мне снова ночью не спалось – моя надежда ушла. Вместо неё появился страх, что Кан уже переступил Грань. Сдерживаемые слёзы побежали по щекам. Новый день начался, а мне казалось, будто всё закончилось. Он не захотел остаться со мной. Он сам ушёл. Ради мести.

Отчаяние захлестнуло меня тяжёлой волной. Казалось, я задохнусь под его толщей и навеки сгину в его пучине. Вещи падали из рук, слёзы застилали глаза. Ничего не удавалось сделать. И скрыть моё состояние не получалось. Брат забеспокоился, спрашивал, но я не решалась открыть правду: он бы непременно упрекнул за то, что поверила Кану, за то, что ждала его возвращения. Любимый постоянно вспоминался мне. Много разных связных и несвязных мыслей носились в голове, наполняя душу невыносимой горечью.

А потом я вдруг с ужасом поняла.

Я ждала возвращения любимого, но ведь ничего бы не изменилось, вернись он! Даже если бы он стал моим мужем, разве помог бы вернуть моей родной стране мир с соседями? Когда-нибудь бы родились дети, когда-нибудь дети бы выросли. Их ждала незавидная участь: сыновей – быть убитыми в очередной битве, дочерей – горевать по мужьям и братьям. Если бы эти несчастья обошли их, пришли бы другие: каждый день ожидать, что он станет последним их днём, каждого человека из двух соседних стран считать заклятым врагом, проливать свою и чужую кровь, с детства к этому готовясь, возделывать поля, строить дома, которые в любой миг могут сжечь, и постоянно ждать, что кто-то может прийти и отобрать всё. У них не было бы радости, дружбы, любви, потому, что сердца и души занимала лишь чёрная ненависть. И никакого просвета бы не было, потому что затянулась эта вражда.

В то утро брат как-то внимательно наблюдал за мной, будто бы что-то почуяв. Скоро он уйдёт к воротам. Целый день не увижу его. Только вечером, когда вернётся, смогу поговорить с ним в последний раз. Ночью покину этот дом. Утром исполню мой незамысловатый план. Или... лучше уйти с утра, вскоре как он уйдёт?.. Узнает ли Роман о том, что случится? Будет ли ворчать или огорчиться? Или...

Тишина угнетала. Робко нарушила её, выждав, когда Эндарс отлучится во двор:

- Роман, если я когда-нибудь тебя чем-нибудь обижу, ты меня простишь?
- Ты простила меня за моё враньё. Как я могу тебя не простить после этого?
- А если я тебя очень сильно обижу, ты всё равно меня простишь?

Брат долго разглядывал моё лицо, потом задумчиво сказал:

- Ты сегодня какая-то странная.
- Значит, простишь?
- Конечно, прощу, – посмотрел, прищурившись. – Что с тобой сегодня, сопля моя?

Долго обдумывала, как ответить, затем, не выдержав, хлопнула по столешнице рядом с ним:

- Ромка, так ведь нельзя!
- Чего нельзя? – он приподнял брови.
- Нельзя жить здесь беззаботно, не задумываясь об этой проклятой вражде!
- Как будто мы можем что-то изменить!
- Если будем сидеть, сложа руки, то точно ничего не изменим!

Мужчина тяжело вздохнул. Добавил мрачно:

– Алинка, глупая, ну, пойми, нам ничего не изменить. Мы – никто. Так получилось. Нам вообще надо думать только о том, как бы выжить самим.

Всклипнув, сорвалась на крик:

– Но неужели, раз так сложилось, я обязана так жить?! Неужели должна терпеть, растить детей, чтоб когда-нибудь из-за этих проклятых битв...

Брат резко встал и сердитым взглядом впился в моё лицо:

- Каких детей?
- Моих будущих детей.
- И от кого они будут, эти твои дети?
- Я пока не знаю. Их пока нет, но когда-нибудь они непременно появятся.

Шумно выдохнув, Роман снова сел и проворчал:

- Вот появятся, тогда и будешь думать.

Я нервно выстучала ногтями по столешнице какой-то полузабытый мотив. Сердито спросила:

- Разве глупо сейчас о них не думать?!
- Сестра, не кричи на меня! – он возмущённо ухом потёр. – Я тоже о них думал и решил пока не жениться.

- Как будто случайно они...
- Никаких случайных детей у меня пока не будет, – отрезал мужчина. – Когда-нибудь женюсь, и тогда хоть случайно, хоть намеренно стану отцом.

Проворчала:

– Разве это выход? Не лучше ли помирить нашу страну с врагами, да так, чтобы они всегда были вместе?

Брат ненадолго онемел. Потом посерьёзnel.

– Значит, ты продолжаешь думать об тех обманщиках, – как бы для себя отметил он. – Запереть бы тебя и не выпускать, пока про эту глупость не забудешь!

То, что ты не задумываешься о будущих детях, выходит, умно, а то, что я о своих будущих детях задумываюсь – это глупо? И за то, что не хочу, чтобы моим детям когда-нибудь пришлось страдать, меня, будущую мать, можно запирать и считать душой?!

Обида, возмущение, гнев загорелись, сцепились, переплелись в сердце. Было бы хоть что-то, способное всё изменить, не раздумывая, попробовала бы! Не важно, какие беды могут со мной случиться! Да хотя бы за Грань попасть! Не страшно! Меня пугает только будущее моих детей, в котором нет и капли какой-либо надежды.

Я оказалась в темноте. Это... она? Та самая Грань, с которой немногие возвращаются, за которую уходят все? Нет, это не Грань. Здесь что-то есть. Тёплое. Сияющее.

Подо мной появилось море. Не вода нежно плескалась в нём. Свет. Мягкий, приятный свет. И шорох чарующих волн звучал музыкой.

И вдруг мне захотелось петь. На душе как-то незаметно стало спокойно. Присев, протянула руку и прикоснулась к одной из волн кончиками пальцев. Как хорошо... так хорошо мне было в детстве на маминых руках, на коленях брата и рядом с моим любимым.

Зачерпнула немного света в ладони. Это не магия, а чудо. Это спокойствие и счастье. Это вдохновение и вечность. Непривычно держать сияющие капли, и в то же время это самое сильное желание моей души, мечта моей души. Смысл всего существования: вечно быть, слившись с этим морем. Потому что жизнь начинается только рядом с ним. И жизнь заканчивается, когда удаляешься от него. Бывает время, когда его не замечаешь, но оно продолжает быть...

Роман заморожено смотрел мне в глаза. Похоже, он находился далеко-далеко. Вглядывался вдаль, стараясь увидеть то море. Может, оно как-то связано с обещанной мне силой? Увы, совсем не ясно, какая это сила, хотя нечто внутри меня будто бы узнало её.

Прости, брат, я уйду. Уйду, не раздумывая и не медля. Иметь хотя бы каплю из того моря и ничего не делать очень больно и очень грустно. Справлюсь ли я? Не знаю.

Надеюсь ли я на ту силу, о которой говорила невидимая незнакомка? Нет. Не будь у меня никакой силы, это не остановило бы меня. Понимаю ли, что хочу использовать ту силу, но положиться на слова непонятной магички не могу? Конечно. Страшно ли мне? Нет, мне только больно. Всего лишь больно уходить в никуда, к этой безумной, но драгоценной моей мечте, идти по неведомым дорогам. И существуют ли такие дороги, которые приведут меня к этой мечте? Существуют ли они вообще?! Может, существуют. Может, их никогда не было, нет и не будет. Я в любом случае это проверю, но проверять буду на себе и на своей судьбе.

И первый проблеск, первый шаг я уже придумала. Я к Ростиславу пойду. Я... пойду к Ростиславу! Даже самой смешно от этой затеи. Раньше и в страшном сне не решилась бы приблизиться к нему, да ещё и с такими словами. Но он же наш король! Люди живут, повинуются ему, люди за ним идут воевать. Люди растят еду, которую он ест. Если он прислушается, то светопольцы тоже должны прислушаться. Или... он совсем не захочет слушать меня? Но ведь не убьёт же, если я просто скажу, что у нашего народа уже слишком мало сил, чтобы воевать?.. Или... или меня всё-таки отправят за Грань? Это страшно. Но и так, как живём, жить тоже очень страшно. Нет, меня несколько не волнует, что будет потом. Или... почти не волнует. Я просто устала жить, как я живу сейчас, в постоянно страхе за своё будущее и будущее моего рода. Точнее, если у моего рода будет продолжение и будущее. Так-то от всего моего рода остались в живых только я и мой сводный брат. Всех остальных поглотили несколько десятилетий вражды: битвы, голодные годы, болезни, страх и боль за погибших и погибающих.

Может, Кан как-то похоже относился к тому, что последует за его удавшейся или не удавшейся мстостью. Он не думал, что может вернуться. Не строил планов на будущее. Не обещал мне вернуться. И не было заметно, что любимый боится гибели. Мне казалось неправильным

такое отношение к жизни, но теперь я поступаю точно так же, как и он. Меня толкает отчаяние. Хотя саму себя убеждаю, будто сделаю это ради мечты. Хотя... и ради мечты заодно. Но, всё-таки, кажется, делать что-то ради мечты, доброй мечты, лучше, чем делать что-то ради мести? Но, впрочем, месть Кана – это его мечта. Он сам себе такую мечту выбрал. Но... если у него убили его близких, если он тоже – последний в своём роду или в своей ветви рода, то ему сложно было бы мечтать о чём-то ином. В этом плане я его понимаю. Хотя мне больно, что он ушёл от меня, чтобы отомстить врагу.

– Почему твои глаза так странно сияли? Ещё недавно, – брат недоумённо потёр лоб.

– Разве они сияли?

– Света не было, но казалось, будто бы был, – мужчина запутался и замолчал.

Кажется, пригоршня света из необыкновенного моря осталась со мной, в моей душе. Но не понимаю, для чего этот свет может пригодиться.

Так и не сказала ему ничего. Пожелала доброго дня и чтоб высыпался получше, а то мерещится спросонья всякое.

– Заснёшь тут, когда чужие мужики в твоём доме шастают! – проворчал Роман.

Прислушался, но звуков пребывания в доме светловолосого постояльца не обнаружил. Накрыв мою руку своей широкой ладонью и, наклонившись, шёпотом спросил:

– Он хоть раз к тебе лез? Золотые горы сулил?

– Вообще ни разу. Разве что предлагал пронести вёдра с водой или тяжёлую сумку.

Брат окинул меня критичным взглядом.

– Вообще, что ли, соловьём не разливался? И весь из себя такой вежливый и приличный?

– Да, он всегда вежлив. Ни единой вольности. Может, у него есть жена? И, вдобавок, жена любимая. Просто у нас прячется, чтобы поправиться, чтобы не огорчать её своим болезненным видом.

Роман задумчиво потёр подбородок.

– И вообще, сестрён, я его в ближайшие дни отсюда выставлю. Теперь я на работе, Кана нет – и следить за ним, охраняя тебя, некому, – он вытащил из кармана пять серебряных монет и положил около меня. – Ты сегодня свали за покупками или к подругам, или в дом каких-нибудь баб пригласи, на рукоделье и болтовню. А завтра или послезавтра я его выгоню.

– Но ты же сам его пустил на постой!

– Он уже оклемался вполне. А я – деньжат подкопил.

Тут хлопнула входная дверь: вернулся Эндарс. Брат напрягся, выжидая его появления на кухне. А ведь постоялец мог и расслышать его наущения. И будет неприятная сцена, может, даже с дракой.

Но светловолосый мужчина зашёл в кухню, улыбнулся нам как ни в чём ни бывало, руки ополоснул. Мы с братом переглянулись. Кажется, он не услышал. И хорошо.

Я стала накрывать на стол, Роман пошёл причесаться. Эндарс сходил в их комнату, вернулся с книгой, небольшой, тонкой, выглядевшей новой, стопкой бумаги и чернильницей. Приостановился с свободного края стола, раскрыл книгу и стал делать какие-то выписки на бумаге. Когда Роман обернулся – и приметил его читающим – лицо у брата озадаченно вытянулось.

– Ты, значит, читать умеешь?

– Ага, – отозвался тот невозмутимо, перевернул пару страниц, ещё одну строчку написал. Интересно, что это за книга?

– И ты, что ли, из этих богатых выскочек? – уточнил мой родственник чуть позже.

Так... практичный братец почуял наживу. А он точно Эндарса из дому выставит? Если раньше и собирался, то теперь, если окажется, что этот постоялец ещё и аристократ?.. Или из их приближенных слуг?

– А что, похож? – оторвавшись от книги, маг широко улыбнулся.

Роман пожал плечами.

– А кто тебя читать научил?

– Отец, – ответил постоялец совершенно спокойно, выписывая следующую строку.

Брат одарил его крайне задумчивым взглядом. Положил гребень в свою сумку, в карман, за стол сел. С очередным вопросом пристал:

– А что читаешь?

– Да так... вам это будет неинтересно.

– Экий ты... загадочный, – проворчал нынешний хозяин дома.

– Уж какой есть, – усмехнулся постоялец, покосился на стол – стол уже окутанный тарелками и запахом еды – закрыл книгу и пересел поближе к еде.

Какое-то время на кухне шумели лишь ложки, ударяющие о тарелки.

– А чем ты на жизнь зарабатываешь?

Что-то братец нынче уж очень разговорчивый. Проверяет, что ли, последнего и ныне единственного постояльца на предмет ценности аки жениха? Типа, выставлять или не выставлять?

– Послания доставляю, – невозмутимо ответил Эндарс.

– А умение драться тебе на что? У тебя там и меч, и кинжал, и несколько метательных ножей.

– А что? – усмешка.

– Как-то ты больше на воина похож, – мой подозрительный родственник впился в него внимательным взглядом. – Хотя вот у нас спокойно несколько недель прокуковал. Будь у тебя один хозяин – нашёл бы и прибил за безделье. Так что, скорее всего, ты наёмник.

Эндарс внимательно взглянул на него и уточнил:

– Наёмный посыльный. А оружие, чтобы послания и посылки благополучно добирались до адресата. Сам понимаешь, в беспокойное время с оружием поспокойнее будет.

– А на что посыльному уметь читать? Неужели, заказчики не боятся за сохранность содержания их писем?

– Некоторые послания проще устно передать.

Эндарс читать умеет, драться умеет, а ещё и маг. Не похож он на обычного простолюдина. Хотя и на аристократа не похож – не чванливый. Хотя... Кан вот из остроухих, а тоже вёл себя словно обычный простолюдин. Так что Эндарс отнюдь не прост. И, быть может, он о своём деле соврал. Но кто он? Да и... он прежде не шибко говорил о себе, а тут вот брат к нему с расспросами пристал, а он – берёт и отвечает.

– В общем-то, да, так надёжнее, – серьёзно кивнул мой любопытный родственник – и вернулся к поглощению завтрака.

Когда Роман ушёл к главным воротам на службу, начала собирать еду в сумку, оставленную Каном в нашу первую встречу.

Эндарс появился рядом неожиданно. Краюха хлеба едва не выпала из моих рук.

– Почему ты сегодня такая грустная?

Странный у него был голос, но ещё страннее было встревоженное лицо. А он...

Маг вдруг серьёзно сказал:

– Мне самому грустно, когда ты не улыбаешься.

Неужели, его хоть сколько-нибудь волнует моя жизнь и моё настроение? Или... он ко мне неровно дышит? Вот, выждал, когда Кан ушёл и мой защитник – и подошёл. Ещё и продемонстрировал, что грамоте обучен, как будто намекая, что он не из простых людей. Так что же... приставать начнёт или сулить золотые горы?..

Эндарс отступил от меня на несколько шагов, присел на край шкафа.

– Я понимаю, что у тебя сложная жизнь. И хочу хоть чем-нибудь тебе помочь.

Ответила резко:

– Не нужно.

– Не желаешь оставаться в долгу? – он широко улыбнулся. – Я не собираюсь ничего брать взамен. Разве только попрошу тебя улыбнуться.

– Мне ничего не нужно, – отхожу к другому шкафу, достаю сыр. – Ни вещи, ни что-либо другое.

– Ты гордая.

– Думай, как тебе хочется.

Надеялась, светловолосый маг уйдёт, однако мужчина не ушёл. Чуть помолчал, потом признался:

– Алина, я тебя люблю.

Неожиданно стало больно, как будто хлестнули плетью. Обидные воспоминания, давно выброшенные из головы, вновь напомнили о мрачных днях.

– Знаю я вашу любовь! Говорить о ней можете часами, а вот сделать чего-нибудь для своей «любимой» не в силах.

Похоже, и Кан из таких мужчин. Месть и пустота за Гранью дороже ему, чем один единственный день со мной. Как я могу поверить в любовь, когда ничего кроме страданий и унижений от тех, кто говорил мне о ней, не видела? Они то начинали говорить о любви, то, не дождавшись от меня какого-то особого ответа, начинали мстить, унижать меня и мучить. Но, собственно, моих подруг и знакомых, купившихся на заманчивые обещания, они тоже не щадили. Однако не хочется сейчас об этом задумываться. Ещё нужно обдумать, какие слова выбрать для обращения к моему королю.

Эндарс подошёл ближе, вдруг взял мою руку – я напряглась, готовясь отобрать её или ударить свободной – и вдруг пылко сказал:

– Я готов сделать всё, чего ты попросишь! Чтобы ты мне поверила.

Долго и пристально смотрела на него. Он не отводил глаз. И руку мою не выпускал. Хотя держал её осторожно, не причиняя мне боли. И дальше лезть не стал, хотя уже поймал меня, и в доме кроме нас никого не было. Буря чувств и мыслей всколыхнулась во мне. Наконец, вздохнула и тихо спросила:

– Точно всё?

– Я готов защищать и тебя, и твой город. Даже готов расстаться из-за этого с жизнью.

Что-то искреннее было в глазах молодого мужчины. А ещё в них был ответ – почему он уходил защищать Дубовый город. Потому, что за стенами была я. И... если верить рассказу брата, сказанному в спешке, пока Эндарс в лавку уходил, когда ко стенам столицы пришло чернореченское войско, два храбрых мага задержали его. И... Кан и Эндарс тоже были магами. Я выяснила это, когда они случайно похитили меня. И... вроде как других магов во всём Светополье не было. А если и притаились где-то, то немного. Так что одним из тех храбрецов мог быть сам Эндарс. И... он хотел защищать меня.

Встреча с чьим-то искренним чувством была неожиданной. Она приятно грела сердце, уставшее от презренья и безразличия других. На миг появилась мысль: «А не пойдёт ли он со мной, чтобы помочь исполнить мечту?». С ним мне было бы легче. Возможно, я бы когда-нибудь смогла его полюбить.

– Точно готов на что угодно? – прямо смотрю ему в глаза.

Для того, кто разделил бы со мной мою мечту, для того, кто помог бы сделать возможным то счастливое будущее, я бы с радостью родила детей! Любовь любовью, но будущее моих детей важнее. Я никогда особо и не надеялась выйти замуж по любви, тем более, взаимной. Я не была столь наивна, чтобы серьёзно об этом мечтать. Найти надежного человека или хотя бы готового заботиться именно обо мне – уже большое везенье.

– Тебе нужны доказательства? – Эндарс широко улыбнулся, обрадованный моим интересом, слегка сжал мою ладонь. – Проси, чего хочешь.

Я долго молчала, не решаясь сказать. Я всё-таки понимала, что эта просьба чересчур тяжеловата. Но... такая возможность... и мужчина, влюблённый в меня, более того, он сам и воин, и маг. Могла ли я промолчать?.. Ну, а вдруг? А вдруг бы он согласился?

И всё же я не сразу смогла собраться с духом, чтоб попросить. Потом, глубоко вдохнув и выдохнув... и раз так десять... смущаясь и теряясь под его дружелюбным взглядом и улыбкой, становившейся всё радостнее от моего смущения... наконец-то я собрала с духом и попросила, дрожащим голосом, робко и тихо:

– Убери вражду между Светопольем, Черноречьем и Новодальем.

Маг вздрогнул. Пальцы его разжались – и я торопливо спрятала мою руку за спиной.

– Это невозможно, Алина, – грустно сказал Эндарс. – За шестьдесят два года их вражду никто не смог прекратить. Разве получится примирить их теперь?

– Думаю, никто и не пытался, – вздыхаю. – Никто здесь не думал о мире. И ни у кого нету сил, чтоб спокойно сказать об этом королям и народам.

– Но это же безумие, говорить во Враждующих странах такие слова! – он усмехнулся.

Но это моя мечта! А впрочем, зря я попросила его об этом.

– Ты же понимаешь, что твоя просьба – бредовая?

– Понимаю, Эндарс.

Но всё-таки это ещё и моя мечта. А ты усмехнулся, услышав о ней. Да, я понимаю, что это слишком дерзкая просьба к влюблённому в меня мужчине, пусть даже и магу, может, даже, хорошему магу, но... мне так больно и так обидно, что ты усмехнулся, услышав о моей мечте, и даже назвал её бредом!

– Нет заклинаний, которые стирают ненависть! – он вздохнул. – И даже если и есть заклинания, которые стирают память, вряд ли они помогут, чтобы три народа – а это множество людей – забыли обо всей боли, которую друг другу причинили. Примирить Враждующие страны – это сродни чуду, понимаешь?

– Но... разве ты не маг? А маги творят чудеса. Так говорят.

– Есть то, что магия бессильна изменить. Например, ей не под силу стереть ненависть из сердца.

Я отвернулась, делая вид, что меня привлекла ворона за окном, опустившаяся на забор.

– Ты так сильно хочешь жить спокойно? – спросил мужчина тихо.

– Конечно. А кто этого не хочет?

Его ладонь вдруг легла на моё плечо. Сбросила её, резко обернулась. Он, столкнувшись с моим сердитым взглядом, отступил на шаг. И более прикасаться ко мне не дерзнул.

– Я живу в спокойной стране. У меня большая дружная семья. Меня и мою жену все примут с радостью. Пойдёшь со мной?

Отвернувшись, стала смотреть в окно. Хотя когда-то я иногда мечтала, чтобы кто-то искренне позвал меня за собой, в свой дом, своей женой. Просто... он усмехнулся, услышав о моей мечте, назвал её бредом!

– И я не бедный, – добавил Эндарс, – хотя и не аристократ. Захочешь, сможешь каждую неделю себе одежду и украшения покупать. Я не обеднею.

Обернулась, внимательно взглянула на него. Мужчина улыбнулся:

– Наоборот, мне будет повод стать сильнее и трудиться ещё лучше.

– А разве это так важно – каждую неделю покупать обновки?

– А... разве тебе этого не хочется? – маг растерялся.

– Просто... спокойная жизнь важнее.

– Я буду стараться, – пообещал он. – Кстати, ты сумку собираешь. В какую лавку пойдёшь? Тебя проводить? – Эндарс вдруг подмигнул мне. – А то тебе тяжело, должно быть, таскать еду на трёх... то есть, уже на двух мужиков, не страдающих отсутствием аппетита?

Схожу в лавку, чтобы не заподозрил ничего, потом вернусь. А ночью уйду насовсем. Если у меня хватит сил, чтобы уйти.

– Ты думай, сколько хочешь, – добавил молодой мужчина. – И доверие Романа я со временем завоюю, не волнуйся. Даже если он меня из дому выставит, я тут неподалёку поселюсь.

Внимательно посмотрела на него. Уточнила:

– А ты, что ли... изначально тут для этого поселился? Доверие добывать?

– Меня раскусили! – он ухмыльнулся. – А что, я совсем на приличного человека не похож? Ну, вообще, даже ни капли?

Отвернулась от него, будто снова смотрела в окно. Сердце моё бешено стучало. Он... хороший. И, кажется, он серьёзно настроен. Но если я уйду вместе с ним в чужую страну, разве что-то изменится здесь? Люди продолжают ненавидеть друг друга и воевать. Люди... они не щадили меня, когда я осталась без брата, одна.

– Думай, сколько хочешь, – повторил Эндарс. – И, если позволишь помочь тебе с переноской провизии – зови, – и покинул кухню.

Я обернулась, смотря на опустевший коридор, на дверь, оставленную открытой. Смотрела в окно, не видя. Потом подхватила сумку и всё-таки пошла.

Сначала хотела перепрятать еду из сумки, потом передумала делать тайник. Вдруг Эндарс ещё наблюдает за мной? Кто их знает, магов этих, как они могут за людьми следить? Вот ведь ту женщину, что про силу говорила, я так и не увидела, хотя вроде она рядом стояла, когда говорила со мной! Я должна сделать вид, что не собираюсь никуда и, может, даже немного или много уже задумалась о его словах.

Прогулка по лавкам. Споры о цене со знакомыми лавочниками и торговками. Обед, такой же как обычно. Эндарс тоже был задумчив, но с ворчаниями или обидными словами лезть не спешил, хотя я никакого особого стремления отвечать на его любовь не проявила и даже на приглашение замуж отреагировала спокойно. Я с купленными сладостями сходила к соседкам на чай. Не то, чтобы мы дружили. Так, разговаривали иногда через забор или встречаясь на рынке.

Вечером вернулся Роман. И ужин тоже прошёл как обычно. И я болтала о разных пустяках с братом и новоиспечённым претендентом в женихи. Мне было уютно и спокойно дома. Дома...

А ночью я всё-таки не выдержала и ушла.

Подождала час или два, чтобы Роман и Эндарс точно уснули. Бесшумно двигаясь, собрала мои немногочисленные вещи и кой-какие припасы. И ушла. И никто моего ухода не заметил. Хорошо, но немного грустно, что никто не заметил.

Шла и любовалась россыпями звёзд, мягким светом луны. Спать не хотелось. Да и негде было. Дом остался на другом конце столицы. Точнее, дома у меня всё ещё не было, там осталось приютившее меня место, брат и... Эндарс. Хороший человек, но назвавший бредом мою мечту. Хотя... бредом она, конечно же, и была. Но она была моей мечтой. Особенно, после того, как ушёл Кан.

Рассвет застал меня у главных ворот стены вокруг королевского дворца. Стражники нелюбезно поглядывали со стены. Через несколько часов подошёл какой-то наряженный толстый мужчина, от которого расплывался во все стороны тяжёлый приторный запах духов.

– Ты чего тут кругами ходишь? – недовольно спросил он.

Глубоко вдохнув, решительно посмотрела ему в глаза и громко сказала:

– Я хочу поговорить с нашим королём.

– Ему своего металла да разодетых дам хватает. Ты-то ему на что? – он презрительно сощурился. – Хотя, конечно, лицо-то у тебя смазливое.

Шумно вздохнув, твёрдо сказала:

– Я всего лишь хочу кое-что ему сказать.

– А, опять с жалобами... – аристократ, поморщившись, аккуратно снял со своего рукава ползущую тлю, раздавил, долго оттирал от её остатков пальцы роскошно вышитым платком, потом всё-таки спокойно спросил: – И что там у тебя? Пожар, дети малые голодные, муж с битвы не вернулся? Да причём тут король?! Ему забот и без тебя хватает! Ходят всякие бабы и ходят!

– Я не умолять и не жаловаться пришла. У меня к нему важное послание.

– Да? – в глазах мужчины зажёгся интерес. – Что же это может быть за дело? Говори, я передам, если оно будет чем-то ему полезно.

Робко улыбнулась:

– Вы точно ему передадите?

– Что, двадцать раз повторять тебе нужно?

– И раза хватит. Передайте следующее...

Казалось, будто капли, сохранившиеся где-то рядом, засияли ярче, едва только начала говорить. Увы, он меня не дослушал. И света не видел и тепла не почувствовал. Скорчил презрительную гримасу.

– Да ты сумасшедшая! Уходи отсюда и не приставай к людям со своим бредом, или тебе не поздоровится!

Словно ледяной водой облил. Пыталась объяснить, что так жить больше нельзя, что и так мужчин в нашей стране поубавилось и семьям тяжело, а меня называли сумасшедшей.

– Чего прилипли к стене? Схватите её и бросьте в тюрьму. Пусть посидит пару месяцев вместе с крысами. Может, одумается! – брызжа слюной, завопил толстяк.

«Беги! – появился в моей голове голос той самой магички. – Я их задержу!».

Из-за стены, окружавшей дворец и королевский сад, выпорхнула стая воробьёв и отважно устремилась на чёрствого богача. Чуть запоздало с ближайшей крыши взлетела голубиная стая и устремилась на выскочивших из-за ворот стражников. Через мгновение показались две вороньи стаи. Полетели кулаки, перья, ругательства, вопли, нитки. Врасплох застигнутые птицами прикрывали глаза, толстяк волновался лишь за свою голову, а стражники пытались схватить арбалеты и выстрелить в птиц. Убегать бесполезно: от болтов, которые вот-вот полетят в меня, мне ничем не укрыться.

Ветер подозрительно стих, потом яростно взвыл, пролетая в волоске над мощёной дорогой. Не успела ни испугаться, ни отпрыгнуть, как он сбил меня с ног, подхватил упругой лапой и подбросил вверх. Судорожно вцепившись в завязанную сумку, я взлетела над сражающимися с птицами людьми, над толстой стеной. Затем невидимая лапа исчезла.

Мой крик потонул в рёве ветра. Ветер подхватил и понёс над столицей родной страны. Иногда опускал, но спустя мгновение бережно подхватывал. Проносились изумлённые люди и крыши домов, кроны деревьев.

Ветер закашлялся, немного ослабел. Перенёс через городскую стену, кусок леса, понёс так низко, что, казалось, протяни я руку – могла бы коснуться верхних веток двухвековых деревьев. Чуть позже опустил на небольшую полянку.

Долго лежала, в странной, скрюченной позе, боясь разогнуться, продолжая чувствовать пустоту под собой.

«Как ты?» – заботливо спросила женщина. Впрочем, нет, было в ней нечто иное, чем у людей: она могла читать мысли и управлять ветром.

Эльфийка, что ли? Говорят, что те особенно ладят с природой. И будто бы умеют управлять животными, не дрессируя их, сразу. Хотя это только слухи. У Кана я спросить не успела.

«Постепенно успокаиваюсь. Вот только не знаю, куда идти. Наверное, пойду в какую-нибудь деревню. Попробую убедить её жителей»

«Надумаешь, куда идти, скажи. Укажу направление. Зверей не бойся: они тебя не тронут»
Отчётливо всплыли и исчезли в памяти волки, которые ластились ко мне. Она ещё их заставила Романа ко мне выгнать.

«Они видят тот свет» – добавила странная собеседница.

«Свет того моря? А другие могут его видеть?»

«Звери видят всегда, в отличие от людей, поэтому я прошу тебя: не бойся зверей и береги свет в своём сердце»

Поблагодарив незнакомку за помощь, задумалась, в каком направлении пойти. Вряд ли ей известна каждая тропа в Светополе. И, тем более, ей неизвестны помыслы всех светопольцев. Но... она мне подсказала, где я могу встретиться с братом. И... она как-то узнала, что мне дорог именно он.

«Мне известны все тропы и дороги этого мира»

«Правда, все? Обычные тропы? И те, которые были, и те, которые появятся? И дороги, которыми люди могут прийти к неудачам или счастью?»

«Будущее творите вы. Знаю, что было и что происходит, но что будет, того не знаю. Лишь иногда могу предугадать. Вы так противоречивы! В сердцах одно, в голове другое, а говорите вообще о чём-то третьем. Или строите планы, или неожиданно срываетесь с места. Обманываете не только друг друга, но и самих себя»

Серьёзность, печаль слышались в голосе незнакомки. Было в ней и что-то знакомое, родное, и совсем другое, не как у меня. И странное чувство, будто она всегда была рядом. Кто же она? Какое место занимает в нашем мире? И какое место занимает в нём бескрайнее море света?

Вдруг мне показалось, словно среди моих мыслей проскользнула какая-то особая, важная мысль. Долго старалась вспомнить, что же думала, когда летела над столицей, над краешком леса. Не нашла ничего важного. Вернулась к моменту, когда уловила некую особенную мысль. Осознание пришло сразу, затопило душу удивлением и радостью.

Мир и она. Эти два слова зацепили меня, когда проскользнули близко друг от друга. Мир и она. Мириона. Земля нашего мира. Всё, из чего соткан наш мир. Мириона. Ох, а ведь похоже на то, что имя мира составлено из слов «мир» и «она»! Столько раз называла мой мир Мириона и только сейчас обратила внимание на это! Вдруг моя догадка верна? Как же объяснить, почему сложили именно «мир» и «она»? И имеет ли какое-то значение буква между ними? Ну, для чего слово «мир» ещё как-то можно предположить, но кто таинственная «она»?

Мир и она. Мне кажется, будто между магичкой и тем морем света есть что-то общее. Мир и она. Почему-то вспоминается именно магичка и море света. Они как будто связаны.

Какие-то необычные мысли вертятся в моей голове. Отчего-то продолжаю повторять имя земли мира. Как будто пытаюсь вспомнить нечто уже знакомое.

Мир и она. Так, они явно вместе. Мир и она. Земля, всё живое на ней, растения, вода и остальное. И некая «она». Кем бы она могла быть? Может, какая-то сила, необычайно важная для самого мира, для жизни обитателей? Мир и она. Да что же это за сила? Мир и она. Вряд ли бы связали с именем мира нечто незначительное. Магия кажется слишком ничтожной для того, чтобы звучать в имени мира, того, без которого нас всех бы не было. Так же не подходит алхимия. Сила? То, что мы подразумеваем под силой, будто бы нелепо по сравнению с той силой. И можно ли их сравнивать?

«Ты сможешь прекратить вражду той силой, которая у тебя появится. Ты не будешь ни воином, ни магом, однако тебе удастся то, что не удаётся ни воинам, ни магам» – вдруг вспомнилось мне. Вроде бы это никак не связано с той загадкой, которую я пытаюсь разгадать.

Буду отвлекаться – и ничего толкового не придумаю. Вообще воины и маги тут ни при чём. Воины и маги... по словам магички, с той силой мне как-то удастся помирить Враждующие страны. Да что же это за сила, с которой такое возможно? Ох, да эта магичка не только

человеком, но и эльфийкой, и драконкой может быть! Если говорила о себе правду, то, во-первых, она давно со мной знакома, во-вторых, она как-то умудряется быть везде и одновременно рядом со мной. Мало этого, ещё разбирается в целебных травах, в ядах, знает, что находится вокруг меня, а так же умеет читать мысли и отвечать не вслух, но слышно! А про ветер, про птиц, которых она как-то заставляет выполнять её волю, лучше вовсе не думать.

Пожалуй, только про мой мир можно сказать, будто он повсюду и одновременно рядом со мной. Мир? Неужели?.. Да, мир окружает нас. Как мир может быть со мной знаком? Ну, в каком-то смысле он меня знает: я в нём живу и также являюсь его частью. Как будто бред. Однако некий смысл в этом всё есть. Так, читает ли мир наши мысли? Кто его знает! Возможно, они каким-то образом становятся известными ему или занимают в нём определённое место. Говорит ли с нами? Возможно, как-то говорит, но слушаем ли мы его? Да и вообще слышим ли? Может ли знать о свойствах разных трав? Ну, они в нём растут, почему бы и не знать? Управляет ли мир ветром и птицами? И ветер, и птицы являются частью мира. Мог бы он управлять своими частями по своему усмотрению? Вот рука – это часть меня – и я могу ею управлять. А вот сердцем...

С другой стороны, моя странная собеседница сказала: «Будущее творите вы. Знаю, что было и что происходит, но что будет, того не знаю». То есть, она способна управлять ветром, стихиями, животными, как я – своими ногами и руками, видит и знает о том, для чего все растения и какие тропы где проходят, то есть, видит их ещё, как я – руки и ноги. Она также знает, что было и что есть в мыслях, чувствах и деяниях людей, но управлять людьми сама не может, как я вот не могу приказать своему сердцу. Я только чувствую, что оно ещё бьётся, как бьётся, но управлять его биением не могу. Хотя оно важное для меня, но... Получается, что люди – это сердце мира? Те, кого мир чувствует, те, кто важны для него, но кем миру не под силу управлять самому?.. Эх, что-то я совсем загнула. Люди – это сердце мира? Та часть, чьё движение сильно влияет на мир, но кем миру не под силу управлять?! Ладно, по крайней мере, выходит, что сам мир разумен, в какой-то степени. А мысли у Мирионы есть? А чувства? А, не знаю, не знаю, не знаю!!!

Попыталась успокоиться. Некоторое время смотрела куда-то в пространство. Запоздало припомнила: начала размышлять о Мирионе. Кстати, у моей собеседницы женский голос. Впрочем, какая мне разница, женский ли у неё голос или мужской? Она и без того очень странная. И вот ещё: незнакомка утверждала, будто я её видела, хотя всё было совсем наоборот. Ладно, поразмышляю ещё немножко.

Если я её не вижу, но при этом как-то должна видеть? Вот смотрю я вперёд. Вижу ствол дерева. Дерево точно есть. И оно точно видимо. Как же я могу видеть её и одновременно не видеть?

«Ты меня видишь» – вдруг сказала моя таинственная собеседница.

«В смысле, тогда видела или вообще я тебя вижу?»

«И тогда видела, и сейчас видишь»

«Да где же ты?!»

«Перед тобой, вокруг тебя, сбоку от тебя»

«Может, ещё и подо мной?»

«И под тобой» – невозмутимо призналась она.

Допустим, она умудряется быть везде. Необычно, но всё-таки допустим. У меня вот-вот заболит голова. Но...

И вдруг меня озарило. Эта магичка могла быть только ею. Точнее, даже не магичка. Совсем не человек.

«Так ты... сама Мириона?»

«Да, я Мириона» – сразу же ответила она.

Ну, тогда, почему бы ей не быть вокруг меня и подо мной? Вот только...

«Ты ещё и надо мной?»
«Ты же помнишь, я уже говорила тебе»
«Если ты – земля мира, как ты можешь быть ещё и надо мной?»
«Могу»
«Как?!» – наверное, я сошла с ума, раз предположила такое.
«Я – Мириона»
«Да, ты Мириона, а дальше что?»
«А ты как думаешь?»
Уже никак не могу думать. Хоть сам мир, хоть сама земля мира, мне уже всё равно.
«Я всё-таки запутала тебя, прости»
Мы долго молчали, не решаясь заговорить.
«Должно быть, тебе всё известно лучше, чем мне. Не могла бы ты хоть немножко объяснить?»
«Ты уже сама о многом догадалась»
«О чём догадалась?»
«Я и мир, и она, поэтому меня назвали «Мириона». Она – это сила. Вместе с ней мы даём вам жизнь. Мы самостоятельны и в то же время едины. Мы разговариваем с тобой. Только ты слышишь наш общий голос»
«И... люди?»
«Люди – это сердце мира, которое важно, чьё биение мир ощущает, но кем ему управлять неподвластно. А растения, звери, птицы и прочее – они мне как руки или ноги. Ты правильно поняла»
Я вздохнула:
«Тяжело, должно быть, тебе бывает, мой мир, с таким сердцем!»
Мир помолчал, потом всё-таки ответил:
«Да, бывает тяжело»
Чуть погодя, я уточнила:
«И вы, мир и она, мне вместе обещали, что у меня появится некая могущественная сила?»
«Верно»
«А что это за сила?»
«А ты ещё не поняла?»
«Нет»
Мириона немного помедлила, прежде чем сказать:
«Надеюсь, ты однажды это поймёшь»
«А вдруг не пойму?» – вздохнула.
«Можешь и не понять»
Ох, мне вредно ещё о чём-нибудь думать. Пусть не объясняет, какая у меня сила. Хватит знания, что я ни воин, ни маг. Не буду занимать места ни воинов, ни магов.
Некоторое время вслушивалась в шум леса, наблюдала за облаками на небе. Как-то сумела успокоиться.
«Твой брат и Эндарс ищут тебя» – неожиданно предупредил меня мир. Или земля мира? А, земля мира – это тоже его часть.
Ой, Эндарс же может найти меня каким-то заклинанием! Он вернёт меня домой, а дома брат будет долго ругаться, а затем запрет. В заточении не помогут даже разговоры с Мирионой и её советы.
«Они расспрашивали разных людей. Сейчас Эндарс признался Роману, что он – маг. Эндарс собирается искать тебя заклинаниями, поскольку рассказ людей о девушке, перенесённой ветром через дома и городскую стену, его насторожил»

«Эндарс знает, отчего я убежала?»

«Ты же сама ему рассказала. Ещё вчера»

«Ах, да, точно. А... ты знаешь, что он хочет сделать, когда меня найдёт?»

«Маг считает, что пока ты не успокоишься, для твоего же блага следует запереть тебя в доме. В подвале лучше, пока память о шуме возле стен дворца слишком свежа. Он собирается быть с тобой, разубеждать тебя. А Роман решительно настроен тебя запереть, даже подумывает связать и рот заткнуть, считает, что так ты заклинания не сможешь прочитать, рассказанные помогающим тебе магом»

Значит, они оба хотят меня запереть. Не дадут выполнить моё обещание, мою мечту, но...

«Мириона, а ты можешь сделать так, чтобы никто не смог меня найти?»

«Ты будешь жалеть после того, как я исполню эту просьбу»

«Я потерплю. Больше не буду просить тебя ни о чём подобном!»

«Они никогда не смогут тебя найти: ни Кан, ни Эндарс. Об этом ты меня просишь, но выдержишь ли ты?»

«Кана уже нет, он ушёл за Грань»

«Кан жив и, может быть, тоже будет искать тебя. Он хочет вернуться»

Так мой любимый жив! Нет ничего радостнее этой вести! Только...

«А если Кан узнает о моей мечте и захочет мне помочь, найдёт ли он меня?»

«Ты хочешь, чтобы он нашёл тебя, если захочет помочь, но не нашёл, если помогать не захочет? А Эндарс?»

Не справедливо устраивать такое. А они не хотят выслушать и понять меня. Ох, вот если бы они меня поняли...

«Мириона, я решила. Прошу, пусть никто не найдёт меня с помощью магии, если захочет мне помешать. И пусть любой найдёт, если искренне пожелает помочь. Если так можно»

«А обычные пути? Вы ведь можете случайно где-то столкнуться. Или ты хочешь, чтобы я сбивала их с пути?»

Я вздрогнула.

«А ты... можешь?»

«Я иногда пытаюсь огородить людей друг от друга и от совершения большого зла. Но мне подвластны только силы природы и неразумные существа. Людьюми я не в силах управлять. Я могу иногда вам мешать, но полностью вас переубедить не могу. Да и Творец мне такого права – мыслить и решать за вас – не давал. Я только должна вас сохранять, всеми силами, пока я ещё живу! Творец поручил мне заботу о своих творениях, и я... мы, мир и она, поклялись вас защищать! Насколько мы это можем»

«Но... послушай, если ты... если вы только поклялись самому Творцу нас защищать... вас не накажут за помощь мне?»

«Так ведь твоя мечта созвучна нам – сохранить и украсить жизнь»

«Так... ты поэтому хочешь помогать?»

«Как может мир не захотеть участвовать в воплощении прекрасной мечты? Ведь не всегда в сердцах людей рождаются такие прекрасные мечты! Ведь доброты и красоты сейчас так мало стало, что миру не хватает счастливого сиянья ваших глаз, сияния прекраснейших мечтаний, так не хватает красоты, которую могли бы сотворить! Как я могу не поучаствовать в рождении красоты, пришедшей из красивейшей мечты?»

«А разве мало в мире красоты? Ведь есть художники, поэты, мастера, творцы... ведь много их... или мало?..»

«Мир соткан был красивым, чтобы расцветали в нём и вы, и ваши прекрасные мечтания. Но мало осталось красивейших мечтаний в ваших душах. Так много боли стало, а красоты так мало»

«Но разве ж я художник особенный? И разве ж я особенный поэт? Я только лишь о мире помечтала: о мире для родной страны с соседями. Ведь три страны – для мира целого так мало!»

«Но три страны – ведь это часть от целого, часть мира, и, если боли станет меньше здесь, я буду с ликованием слушать душ ваших радостную песнь! Как может мир мешать рождению и воплощению мечты такой красивой?..»

«Да, но вот только... слаба я, мир, меня прости! Не маг я. Не воин я. С простой семьи»

«Как может слабым быть тот, чья душа поёт с душою мира вместе красивейшие песни?!»

«Так магия... ведь маги чудеса творят, а воины так просто телу вены перережут... в чём моя сила, мир?»

«Вы магами зовёте людей, узнавших часть того, как на меня влиять, но только часть, ведь жажда управлять сердца людей тех поработила, они, вдруг возгордившись, мир себе решили подчинить, людей других себе решили подчинить. И, знаниям, упорству их мир вынужден порою подчиниться, но если душа кого-то с моей душою вместе не поют, как может им вся сила их сердец открыться, и как могу я им собою подчиниться?!»

«Я вижу, что мой мир, как в правду в легендах старых говорится, живой, разумный и, более того, упрям!»

«Но мир был создан, чтоб в своих объятьях жизнь лелеять вам! Зачем мне всеми силами своей души стремиться помогать тому, что жизнь разрушит вам?! Я лишь хочу, чтоб жили дети, что мне доверил их Творец-Отец! И всеми силами моими я, мир, красивые лелеять буду мечтания людей и помогать им в воплощении красивых их мечтаний!»

«И вправду, коль Творец тебе детей своих доверил, ты вряд ли помогать захочешь им друг другу злом вредить! Но знаешь, мир, чудно мне думать, что я могу так запросто со всем же миром как с другом говорить»

«Так больно мне, что люди больше не хотят со мной дружить и говорить!»

«Так... легенды старые не ввали – и люди в правду когда-то с миром могли и говорить, и понимать его, и даже... дружить?»

«Легенды старые не ввали: когда-то мир и люди могли спокойно говорить, когда-то мир и люди друг друга понимали и когда-то... когда-то были мы друзьями! Как больно мне, что вот теперь другие времена настали! Как больно вам кричать и видеть раз за разом, что голос мой не слышат, что больше вы не стремитесь мир свой понимать! Но как мне хочется поддерживать красивые мечты людей! Как хочется, чтоб снова люди начали стремиться понимать меня и разговаривать со мной!»

«Да, должно быть больно... терять друзей»

«Но ты услышала меня! – и голос Мирионы зазвучал ликующе. – Как рада я, что кто-то услышать смог и захотел меня!»

«Но что я? Что могу я? Вот маги могут чудеса, мне не подвластные»

«А маги могут только часть всего»

«А воины...»

«Я не хочу вам помогать во чьи-то жизни боль вливать!»

«Так, значит, я сильнее их?»

«Сильнее те, в чьих душах мечты созвучны песням души мира»

«Хочу тебе я верить, мир мой! Хочу тебе я верить!»

«И за доверие тебе спасибо!»

«Ты знаешь, когда я думаю, что не одна иду я, а мир идёт со мной, а мир стоит за мной и мечта моя созвучна миру, мне как-то бодрее становится идти, сильнее себя я ощущаю!»

«Сильнее те, созвучья больше в душах с кем-то. Сильнее те, чьи души созвучны душе мира»

«Тогда... давай мы, мир, с тобою вместе споём красивейшую песню!»

«Давай! Давно вы, люди, не пели вместе со мной красивых чудес и песен»

«Но, мир мой, я вдруг заметила... я говорю с тобой... ты говоришь со мной... и речь с тобою моя звучит как песня!»

«Слова души звучат как песня»

«Поэты, значит, говорят душой – и потому слова поэтов звучат как песня?»

«Поэты говорят с душой и говорят душой, поэтому слова поэтов звучат как песня»

Я легла на мягкую траву. Сердце билось быстро, потом вдруг поспокойнее. И было мне приятно лежать на земле, на мягкой траве, как будто в тёплых объятиях матери... я вдруг вспомнила то самое чувство, нежность маминых объятий, хотя, казалось, давно то было и я уже совсем его забыла, то чувство нежности. Так, значит, мы, люди, можем не только купаться в нежности объятий материнских, не только в нежности объятий любимых?..

«И мир с любовью и нежностью обнимет людей, коли они себя обнять позволят миру»

«Понятно»

Лежала я, прильнув к земле. Тепло так было мне, так хорошо. И звуки природы, песня мира или музыка его, звучали нежно так и ласково, и так красиво...

Я вдруг вскочила. Опять забилося быстро сердце моё. Встревожено забилося.

«Но для чего тогда все наводнения и бури? Засухи зачем нужны, скажи?»

«Когда от тела вашего кусок отрезать плоти вдруг, то кровь идёт?»

«Идёт»

«И вы кричите?»

«Так мы кричим от боли»

«И я кричу»

«Так бури – крик твоей души?»

«Мой полный боли крик»

«И наводнения – то кровь твоя?»

«То кровь моя, коли из раны льётся»

«А засуха?..»

«Так не всегда из раненной, сожжённой кожи волосок пробьётся»

«Земля трясётся, значит, мир кричит, трясётся, стонет?»

«Бывает так больно мне смотреть на вас, что я сдержаться от боли не могу»

«Мой милый мир... должно быть тяжело быть вместе с нами!»

«Бывает... но знаешь, я всё жду возможности... как душа кого-то созвучно с моей душою запоёт – и песня наша в просторах жизни расцветёт. Я верю, что люди не всегда глухими будут. Что люди вспомнят, как мы вместе пели с ними, и красоту, рожденную от песни созвучья наших душ, все люди вспомнят»

«И мир мечтает?»

«И даже мир мечтает! И та мечта меня держаться вдохновляет, чтобы ещё пожить, чтобы ещё хранить... вдруг сможет кто-то вспомнить? Песню вместе с миром спеть? Я буду песню ту и друга моего хранить!»

Я снова легла, прильнув к земле. Так хорошо, уютно было. Вот вроде я где-то в глубине лесной, одна. Однако же выходит, что не одна я здесь. Весь мир со мной. И я в объятиях прекраснейшего мира. И мне не страшно. И я устала от волнений. Глаза смыкаются. И спать мне хочется. Так спать мне хочется...

«Алина, обожди!»

«А что, мой милый мир?»

«Там Эндарс готовит заклинание, чтоб тебя найти»

«С тобой хочу я песню вместе спеть, мой мир»

«Тогда, пока Кан с Эндарсом присоединиться не решат к твоей мечте, мне охранять тебя?..»

«Тогда... мне больно просить об этом, Мириона, но мне также будет больно, коли погаснет моя мечта»

«Тогда?..»

«Тогда...»

Я проснулась на заре, отдохнувшая, бодрая. Не сразу смогла вспомнить вчерашний разговор с Мирионой. Не сразу смогла поверить, что всё это было. Что я вдруг с миром заговорила. И что я как поэты красиво вдруг заговорила. И что мир мне будто б песней отвечал!

Потом я вспомнила, как просила мир заслонить меня от Кана и от Эндарса. И горько стало мне, когда я вспомнила.

«Так... мне к тебе обоих их вести? Иль одного из них?» – спросила Мириона, едва только у меня появилось чувство досады на моё вчерашнее решение.

«А ты можешь?»

«Я привела к тебе и Кана, и Романа. Я ведь могу своими стараниями вас пытаться столкнуть с одной тропы и провести другой. Хотя, конечно, решение основное за вами. Вы новые тропы сумеете найти, если захотите. И я однажды вынуждена буду убавить старания мои иль прекратить»

Подумав, попросила, чтобы она помогла с ними встретиться, если кто-то из них или оба перестанут стремиться меня запереть и помешать воплощению моей мечты. Всё-таки, так будет лучше. А я и мир пока попробуем что-нибудь сделать для примирения Враждующих стран или хотя бы двух из них.

Сидела, смотрела на рассвет. Потом живот свело от голода.

Вдруг заметила целый караван белок, направляющийся в мою сторону. Замерла растерянно.

Подул вдруг ветер, резко, как-то странно. Откуда-то принёс отломанный большущий лист. И лист упал близ моих ног. И к листу неспешно потянулся беличий поток. Я растеряно наблюдала, как каждая белка укладывает на лист очищенный орех или ягоду, или траву.

«Ты переволновалась вчера, так что и травы немножко пожуй, лечебная она» – топливо объяснила Мириона.

– Хорошо, – ответила я ей, на сей раз вслух.

И сидела, боясь пошевелиться, смотря, как течёт ко мне и к листу и дальше куда-то в лес беличья река, как поблёскивают блики солнца в некоторых шерстинках.

– Послушай, мир мой, милый мир, я лопну, столько съев! – не выдержала я, когда гора лесных подарков стала выходить за границы листа, а её вершина уже доставала мне до колен – я сидела, подтянув к себе ноги и обняв колени.

– Так то с запасом, – мир степенно отвечал. – Ох, прости, ты, верно, проголодалась сильно.

И белки, что не успели отдать своё подношение, пошли второй шеренгой, рядом с отдавшими подарки, обратно куда-то в лес. Ещё немного колыхались, поблескивали солнца бликами в шерстинках два колыхающихся беличьих ручья, потом иссякли. Я радостно объелась ягодами, орехами и травами. И вкус у некоторых из трав был приятный или интересный.

«Вот у кого мне надо готовке поучиться!»

Звонкая одиночная птичья песня прорезалась сквозь все другие, звучала как-то немного непривычно, то резко проявляясь, то замолкая. Как будто мир смеялся.

– Как будто мир смеялся, – чуть позже Мириона подтвердила, когда затихла песня та.

Следуя подсказкам Мирионы, я шла по лесу. Встречала лося, медведя, волков. Никого не боялась, а они не нападали на меня. Когда захотелось пить, прошла девять шагов, куда она указала, и обнаружила между кустов чистый ручей со вкусной водой. Когда сильно проголодалась, то пожевала её подарков, а ещё она мне подсказала путь до земляничной поляны – и

я наелась вкусной крупной земляники, росшей на маленькой полянке между старых упавших деревьев. Пару раз из-под моих ног торопливо уползали ужи.

Мириона представляла передо мной то как умная собеседница, желающая помочь, то как разговорчивая девчонка, то как заботливая мать. От знания, что я иду вместе с миром – и мир готов поддерживать меня и мою мечту – у меня не осталось ни страха, ни грусти. Остался только восторг от незаметно открывающихся взору картин, таинственных трелей птиц вдалеке и над моей головой, тихого шуршания, едва слышного шёпота листвы. И неожиданно открывавшиеся моему взору красоты были как случайно услышанный кусочек сказки, когда холодным осенним днём бредёшь по хрустящей листве мимо чьего-то дома, а из-за затворённых ставень вдруг слышишь обрывок истории, которую чья-то мама рассказывает своему малышу тёплыми словами...

А потом стемнело, засверкало звёздами небо. Оно было такое глубокое, такое вдохновляющее, бездонное. Где-то на востоке спускался на лес чарующий свет луны. Я смотрела вверх. И казалось мне, будто я сливалась с небом, я летела к нему, падала в него... я смотрела на небо, такое глубокое, такое тёмное, густо усыпанное звёздами. Смотрела и чувствовала себя лишь маленькой крупинкой вечности... и этим полётом в глубь звёздного неба, и этим чувством падения в какую-то прекрасную вечную загадку, скрытую в звёздном свете, охватывающими всю душу восхищением и счастьем, так хотелось с кем-то поделиться!

Блаженным, полным полётов был сон под этим небом.

Засыпая, я ощущала, как легко и почти незаметно поглаживал мои волосы, моё лицо ветерок. А проснувшись, долго пыталась понять, почему люди когда-то скрылись от этой сказки за каменными или деревянными стенами, почему они ненавидят друг друга и не замечают эту красоту?... Ответа не нашла. Не сразу вспомнила: я ведь и сама ещё недавно была такой. И двинулась дальше, к отдалённой деревне. Сказка сказкой, но время исполнять прекрасные мечты! Ведь это моя заветная мечта! И я также хочу порадовать и мой мир ею!

Вокруг в тихом сне раскинулся лес. Как живёт теперь мой любимый, чем занят? Сильно ли злится? Простит ли меня? Забудет или нет? Будь он рядом, я бы, возможно, не ушла одна. Вовсе бы не ушла. Но он ушел. Ушёл мстить. Мечь была ему дороже, чем я. Неужели, ему всё равно, где родятся его дети? Мне хотелось, чтобы ему было не всё равно. Знаю, каково это – бродить одинокой, беззащитной и ненужной. Мои дети не останутся одни! Я буду стараться, чтобы им не угрожали опасности и битвы. Мои дети... я не знаю, кто будет вашим отцом. Но я уже встретила мужчину, от которого я хотела родить моих детей. И было так больно, что он не хотел этого! Было больно его потерять.

Ноги, немного отвыкшие от долгой ходьбы, вначале уставали, потом вспомнили прежние дни, окрепли.

Из леса вышла на заросший луг. Пройдя по нему, перебралась через обмелевшую речушку и вышла на пустынное поле. Рожь качалась на ветру лишь на половине его. И у видневшихся за полем домов и заборов был жалкий и облезлый вид. Первой меня встретила тощая собака. Вначале зарычала, потом смущённо умолкла и с виноватым взглядом пропустила в деревню.

Кто-то ругался через забор с соседом, кто-то уныло пел. Подавленно кудахтали куры. Зрели плоды на старых яблонях. Очевидно, враги прошли мимо этого села. Если наши соседи не появятся в этом году, кое-где соберут хороший урожай яблок. Со сливами и вишнями дело обстоит хуже.

Зайдя в одну избу, попросила продать мне еды: часть денег, данных братом накануне моего побега, сберегла. Хозяин неохотно согласился. Подавая недавно испечённый хлеб, ещё сохранивший тепло печи и очень вкусно пахнущий, ворчал:

– От этих битв одни лишь беды. То поле весной подождли, то пришлось в Средний город бежать укрываться, от дел оторвали. Ну, обошли нас стороной, а радости? Всё забросили, всё, вернувшись, поправлять нужно! Или придут и еды себе отберут. Будто нам кормиться не надо! И короли наши... отцы их дрались, деды их дрались. И им, видите ли, полагается дело продолжать! Да чести с этого «дела»?!

– Вы бы возмутились.

– Мы бы возмутились, да только смелых среди нас не осталось. И никому отвечать не охота!

– Но если бы не драться! Еду лишнюю спрятать! Ведь, не корми вы их, откуда они возьмут себе еды?

Селянин задумался. Потом навис надо мной и сурово поинтересовался:

– Девица, а ты на что это меня толкаешь?

– Да только сказать, чтобы давали вам хлеб спокойно растить и врагов к вам не подпускали.

– Прокру с того не будет. Поела? Иди отсюда.

Заходила ещё в две избы, заводила разговор о мире, потом, испугавшись косых взглядов, ушла в лес, уселась под деревом и задумалась, как лучше говорить с людьми моей страны. Пока не обдумаю, ни к кому выходить не буду.

Утром меня нашли в лесу несколько мужиков. Мир их почему-то пропустил.

«Так они тебя обижать не собирались»

«Тогда ладно. Прости за подозрения»

«Я понимаю, Алина. Детство трудным было у тебя и юность твоя. И недоверие тебе выжить помогало»

Мириона примолкла. А селяне ещё долго стояли неподалёку, задумчиво разглядывая меня. Потом один из них – я узнала в нём моего вчерашнего собеседника – степенно сказал:

– Знаешь, мы бы намекнули, что с их битвами ни зерна, ни молока, ни сыра им не останется у нас, да вот говорить не умеем. Нам бы как-нибудь без оружия подойти, мирно.

После долгих уговоров согласилась идти с ними в Средний город и говорить от имени всех с прежним министром короля, самым важным в том городе. Только попросила не брать с собой оружие, а то ещё в Среднем городе решат, будто мы устроили мятеж.

Меня не послушали. Каждый привязал к поясу ножны с острым мечом. Мне велели идти впереди всех. Запоздало поняла, какую опасность на себя навлекла: скажу чего-нибудь лишнее – и между стражниками и селянами вспыхнет серьёзная битва. Нужно было подобрать какие-то слова, которые не приведут к бойне, а растолкуют не дошедшую до короля вещь: народ истосковался по миру, спокойствию. Впрочем, уже поздно ругать себя. Надо вернуть мужчин, шедших за мной, домой целыми.

К обеду мы почти дошли до Среднего города. Перекусили прихваченной с собой провизией и двинулись к главным воротам. Мне дали сухарь, маленький и подгорелый, который один из мужиков не захотел есть. Я, не обидевшись, вычерпнула из сумки орехов – и поделилась с ближайшими спутниками: мне Мириона много орехов принесла и ещё обещала дать, если потребуется. Люди, удивившись, поблагодарили. Один мне сыра отломил от куска своего. Грызя сухарь, пересчитала мужчин, шедших на переговоры. Пятьдесят. Наверняка ещё кого-то из ближайших деревень позвали. С таким числом могут заподозрить, будто мы пришли беспорядки устраивать или горожан на мятеж подбивать.

– Они вернулись? – помрачнев, спросили стоявшие у ворот стражники.

– Нет, нам бы видеть самого главного. Мы хотим передать кое-что королю, – выступив вперёд, отвечала я.

Стражники пошептались и попросили пройти на площадь.

– Пойдём? – спросил тот самый селянин, который передал мои слова другим.

Думаю, там уже подготовились. И стражников хватает, и вооружённых горожан. Одно лишнее слово – и горожане с селянами подерутся. Снова будет проливаться кровь, только на этот раз светопольцы сойдутся не с врагами, а со своими. Пойди я одна, то одна и пострадаю в случае чего. Это самое плохое, чего можно сделать. Хотя... нет, не самое. Пойти со всеми селянами и устроить бойню гораздо хуже. Или всё же взять кого-то с собой?

– Пусть меня проводят двое или трое, остальные остаются здесь.

Спутники переглянулись. Идти меньшим числом никто не захотел: им спокойнее или кучей идти на разговор с королём, или вообще никак. Наверное, будет лучше без этих осторожных и жестоких мужиков.

Защитники с городской стены, смотревшие на нас издалека, растерялись, увидев, что поговорить вышел только один человек, да и «девка-то зачем?».

Меня провожали двое стражников. Один как бы невзначай говорил о поисках невесты, другой расспрашивал, как нынче живут в сёлах, много ли полей пострадало из-за битв в этом году, много ли зерна посадили, по каким овощам и фруктам будет урожай. Так же уточнял, много ли по слухам выросло подосиновиков в приграничье Эльфийского леса.

«Нет там подосиновиков, и никогда они там не росли! – вовремя подсказала Мириона. – Три поля пострадало, те, которые самые большие. Хоть он обо всём знает, но скажи так же и...»

С подсказками всезнающей земли я отвечала на вопросы стражника. Через пять улиц он переглянулся со вторым и замолчал.

«Зачем он спрашивал, Мириона?»

«Проверял, не враги ли тебя подослали, чтоб селян восстать подговорила. Теперь понял: ты из светопольцев»

«Значит, теперь всё будет хорошо?»

«Посмотрим»

На большой площади между двух маленьких фонтанов нас поджидал коренастый рыжеволосый мужчина, одетый в черную атласную одежду и около восьмидесяти вооружённых стражников.

Кто-то выглядывал из окна, присматривался к нам, кто-то не обращал внимания, проходил мимо.

– Где остальные?

– Ждут у ворот, – объяснил стражник.

Мужчина заметно повеселел:

– Я – граф Дворцовый, всегда желанный гость у молодого короля. Если вы сообщите нечто важное, то я обязательно ему это передам, – говорил он будто бы доброжелательно, но было в голосе и в блеске его глаз чего-то настораживающее.

Вначале я спокойно и вежливо говорила о том, к чему привела непрекращающаяся война нашу страну, и к чему приведёт, если будет продолжаться, однако вскоре посерьёзнела и старалась как можно понятнее объяснить. И граф, и стражники, и случайные прохожие вначале слушали несколько насмешливо, потом, похоже, задумались.

– Не беспокойтесь, я всё объясню нашему королю, – ответил рыжеволосый, дослушав меня. – Теперь вы можете возвращаться. Эй, кто-нибудь, проводите её. Иногда у нас на улицах неспокойно.

Те же стражники, с которыми шла на площадь, развернулись и направились к воротам. Любезно сообщили, что проводят меня, чтобы я не заблудилась.

Поворачиваясь к графу спиной, заметила выскользнувшего из-за фонтанов пожилого мужчину, который слишком внимательно меня разглядывал и слишком старательно вслушивался в каждое слово. Откуда-то появилась уверенность: от старика следует ждать чего-то плохого. Сердце на миг замерло, потом забило, но не так же, как раньше.

Стражники молчали, широкие и узкие улицы тянулись одна за другой. Вроде бы всё хорошо и ко мне прислушались. Мириона молчала, вероятно, наблюдала за оставшимися сзади людьми.

До ворот оставалась одна длинная и просторная улица, когда...

«Беги!»

«Куда?»

«Направо. Там узко и темно. Только быстро, быть может, успеешь выскочить в другие ворота!»

От неожиданности, чуть задержалась: хотела спросить Мириону, чего произошло. Из закоулка выскочили семь стражников. Один закричал, чтобы меня ловили. Побежала, но слишком поздно: они меня догнали, схватили за волосы, связали руки толстой и грязной верёвкой.

– Посол велел посадить её в тюрьму. Он пошлёт гонца королю. Тот, кажется, её разыскивает.

«Но почему?» – в отчаянии подняла глаза к небу.

«Министр, которого ты встретила у главных ворот королевского дворца, решил, что ты и твои слова могут быть опасными, и народ из-за них способен восстать»

«Отчего ты не предупредила меня?»

«Ты не спрашивала о нём. Ты не спрашивала, стоит ли идти одной. Ты сама решила. Вы сами должны решать. И, какие бы глупости вы не затевали, мне остаётся лишь смотреть на вас!» – с отчаянием сказала она.

Не может помочь без наших просьб? Наверное, это невыносимо: быть не в силах многое изменить и молча лишь смотреть за всем. Верить в людей, ждать от них красивых поступков: от тех, кто может сейчас в такой же ситуации, от тех, кто стремится. Верить и видеть, что человек ничего не смог и не захотел.

«Мы всегда верим в вас» – почему-то возразила Мириона. И замолчала.

Мы – это мир и она? Но кто та «она»? Да и... какое мне сейчас до этого дело?!

Меня привели в тюрьму, заперли в сыром и мрачном подвале. Почти под самым потолком было крохотное окошко, в которое проникал воздух, шум города, иногда пыль, слабые лучи солнца и изредка капли дождя. У меня отобрали сумку, не оставив даже кусочка от той еды. Впрочем, обиднее было потерять подарок от любимого, которого теперь больше не увижу.

Первый день просидела на начавшем плесневеть сене. На душе было мерзко. Ничего делать не хотелось. Стражники и тюремщик несколько раз проходили мимо и язвили. Мол, должна говорить спасибо, ведь они помогут мне встретиться с королём.

С королём было бы хорошо увидеться, но вряд ли Ростислав меня выслушает. Или всё зависит от того, что я скажу? Чего говорить не представляла. Каждый светополец знал, какой жестокий, упёртый и несговорчивый человек наш молодой король. И к этому человеку я пыталась попасть. Отчаяние толкает на невыносимые поступки. И брат не зря хотел запереть меня дома, да ещё и связать. Впрочем, что толку думать об этом теперь? Выбраться бы!.. И слова подобрать, такие, которые тронут сердце Ростислава и заставят задуматься о перемирии, о том, какое благо – дружба с соседями, мирное время.

На второй день задумалась об истории, о людях, живших задолго до моего появления на свет. От многих из них ничего не осталось. Ни имени, ни упоминания в летописях. А в сердцах некоторых горела и не угасала любовь. Они могли отдать свои жизни, чтобы кто-то из их потомков или из людей их народа был счастлив. Они могли предпринять что-то. Им или удавалось чего-то изменить, или не удавалось. Потомки тех людей и потомки их друзей забыли о них. Память, похоже, не вечна. Она, как и всё, рано или поздно уходит. Грань отделяет чью-то жизнь от небытия. Есть ли что-то за Гранью для души – неизвестно. Кого-то утешает думать,

что там тоже что-то есть, кому-то – бодрее жить, думая, будто там нет ничего. И другая грань закрывает от нас прошлое.

Я как песчинка в море. Море смывает меня и унесёт. Место, где лежала песчинка, без этой песчинки обойдётся. Проигравших легко забывают. Помнят только о победителях. Тех, кто не всегда добивался победы честным путём. Ох, Мириона, я, похоже, сумасшедшая! Мечтаю примирить три страны, враждующие около шестидесяти лет! Надеюсь всем объяснить, что нужно жить без ненависти, да ещё и стать друзьями своих врагов!

«Ты не первая и не последняя. Такие, как ты, бывали и будут» – отозвалась она. Голос её долетал как будто издалека.

«Они ведь тоже старались ради будущего? Будущего своего, своих родных или всех?»

«Конечно. Они хранили жизнь и мир. Светили во тьме и тишине. То были люди, которые не могут не светить, либо уставшие от тьмы. Я помню каждого из этих людей. Что они думали, что они чувствовали, о чём мечтали, как они старались и как им было больно. Хотя, вообще-то, я помню каждого из когда-либо живших людей. И прочих существ. Я помню вас всех, но я с нежностью храню память о тех, кому был дорог мир, кто совершал добро. Только вы не спрашиваете меня о них. Вы считаете, будто всё исчезает, но есть то, что никогда не пропадёт. Вся память о вас остаётся со мною»

«Расскажи мне о них, пожалуйста! Возможно, моей жизни не хватит, чтобы услышать про всех из них, но мне хочется знать хоть о ком-то!»

Целый день и часть ночи слушала её. Узнала много интересного. Когда Мириона увлеклась рассказом, я будто бы проваливалась в реку её воспоминаний. Как будто бредила или видела сон, где чётко могла разглядеть тех людей, яркие события из их жизни. Мир, как признался, выбирал самые яркие крупинки из своей бездонной памяти, так как полностью услышать обо всех я бы за всю свою жизнь не смогла. И я, слушая рассказы мира, будто бы видя их, восхищалась делами других, смелых, добрых и благородных... сочувствовала их боли. Волнуясь, смотрела, как изгибались, как поворачивали и как обрывались их жизненные тропы...

И я поняла, что память обо всех не сохранилась только среди людей, но это не значит, будто бы их не было, ведь в памяти души мира они все по-прежнему были живы.

Через шесть дней пришли молодые воины и вывели меня из подвала. Руки опять связали, потом меня грубо, как мешок со свёклой, закинули на телегу. Покормить перед дорогой забыли. Почти все шутки, которыми они перебрасывались, были обо мне. Сначала издёвки меня задевали, потом подумала: иными эти парни стать не могли, ведь им не говорили, что можно вести себя по-другому, и попробовала пропускать шутки мимо ушей. Воины ещё около часа продолжали смеяться, прогоняя скуку, потом, не дождавшись ни единого слова от меня, одновременно обернулись взглянуть, чего со мной случилось, не свалилась ли я ненароком с телеги где-то по дороге, не развязалась ли, не сбежала ли? Убедившись, что я только села, а так там же еду, резко отвернулись и дальше ехали в молчании.

На нас никто не нападал, поэтому через три дня мы целые и невредимые, если не считать моих синяков, добрались до столицы. Я ослабела от голода. А они и поесть успели. Хотя за всю дорогу им уже надоело надо мной шутить.

Сердце на миг замерло, когда мы выехали из леса. Роман обычно находился рядом с воротами, может, смогу его увидеть? Вот только что ему сказать? Не знаю, кинется ли брат меня выручать. Надеюсь, не кинется, ведь его могут серьёзно ранить или сразу отправят за Грань. Пусть лучше он живёт, что бы ни случилось с его сестрой.

«Он пока с порученьем отправлен к другой стене. Мне его вернуть? Хочешь его увидеть?» – заботливо поинтересовался мир.

«Ему будет больно видеть меня такой. А то и кинется меня отбивать. И вдруг его убьют в этой драке? А ты... ты чего молчишь?»

«Так ты ж хотела поговорить с Ростиславом»

«Ага, я таки еду к Ростиславу – и ты потому молчишь?»

«Ты хочешь по-другому добратся до твоего короля?»

«Да ладно, раз уж меня уже к нему везут. Тем более, он и в столице бывает не часто, всё охотится, да сидит в имении своих родителей. Не любит показываться на люди. Я, пока жила в Дубовом городе, ни разу его не увидела. И прежде не пришлось. А тут хоть точно смогу его увидеть»

«Хорошо, пока пойдём этой дорогой, – согласилась Мириона. – Раз уж они сами её проложили для нас»

И телега поехала в городские ворота. Пока не понятно, в тюрьму меня везут или в центр города, за стену, ограждающую дворец короля, его сад и личные мастерские от остальных горожан. Так-то встретиться с нашим королём было бы интереснее во дворце. Тем более, что я никогда не была за королевской стеной. Говорили, там был красивый сад, большие мастерские, да дворец изнутри был роскошно обставлен. Наверное, красивее, чем у того графа. Не то, чтобы я хотела стать богатой. Нет, просто стало вдруг интересно, как там, в королевском-то дворце?..

Кстати, интересно, где теперь мой любимый и где Эндарс? Впрочем, сейчас нужно надеяться только на саму себя. Мириона не сможет выручать из всех переделок и бед. Да и не обязана она меня всегда и во всём выручать. В чём моя сила, неясно. Надо выяснить, пока не поздно.

Возница остановил лошадь почти сразу за воротами. Стражники на нас уставились со стен. И те, что ходили около ворот, тоже подошли. Тринадцать мужчин, двое калек, безрукий и безглазый, три парня и подросток, в кольчуге, да при кинжале. Усы у него ещё не росли, но взглянул на меня грозно, будто матёрый воин. А горожан поблизости не было. Им не сказали, кого везут? А могли и не сказать: если сочли опасной мятежницей, то надобно и уши народа от меня прятать. Но ладно, не похоже, что собрались казнить. По крайней мере, не здесь. Не сейчас.

Обо мне все воины, охранявшие главные ворота столицы, уже знали. Приглядывались, сияясь разглядеть покрасневшие глаза, следы слёз, хоть какую-то тоску или испуг. Моё спокойствие настолько изумило их, что удивительно, как пауки не сплели паутину в разинутых ртах, а то бы мух поймали много.

– Сидит девка неподвижно как камень. Неужели и не догадывается, чего наш король с ней сделает? – спросил подросток у стоящего рядом парня.

– Да ей, похоже, всё равно, чего с ней сделают. К Среднему городу воинов привела, а с собой на переговоры ни одного из спутников не взяла. Дура.

– Чего с неё взять-то? Разве бабы чего-то понимают, кроме как огороды растить да жратву готовить? И до чего наглая девка – попёрлась говорить к королю!

Подобных речей я за свою жизнь слышала немало, потому не обиделась и не ответила грубостью. Меня оглядели со всех сторон, обсыпали усмешками. Только после этого воин, сидевший в телеге, прикрикнул на лошадь – и та неохотно потянула нас с телегой по мощеной дороге. Трое на лошадях заняли места справа, слева и сзади телеги.

Когда оказалась во дворце, мне почему-то подумалось вдруг, будто Кан где-то поблизости. И как-то от этих странных мыслей плевать стало на роскошный сад и обстановку внутри королевского дворца. Но, впрочем, не надо пока думать о Кане. Я же речь заготовила для Ростислава! Рассказы Мирионы помогли мне составить обращение к королю намного лучше, чем прежде: я у героев былых эпох и разных стран, показанных Мирионой, их речи подсмотрела и самые яркие словесные сочетания запомнила. Вроде бы. Ну, хоть что-то же запомнила!

За очередными створками высоких дверей оказался наполненный людьми зал. В глубине зала, на массивном троне сидел молодой мужчина в темно-бордовых одеждах. От его жестокого взгляда по спине пробежал холодок. Он точно не собирался меня выслушивать, скорее всего, желал поиздеваться. С одной стороны от трона застыл светловолосый эльф в одежде с какой-то мелкой вышивкой. С другой... я не знала лица этого эльфа, но когда его серые глаза впились в моё лицо, я вдруг почувствовала, что это он, это Кан стоял возле Ростислава и взволнованно смотрел на меня! Впрочем, даже если он и волновался, на лице его этого не отразилось. Разве что пальцы его как-то судорожно сжались на поясе, стиснули какую-то висюльку-украшение.

«Прости, Алина, я не успела его отсюда увести» – тут же отозвалась Мириона, подтверждая мою догадку.

«Да ладно, я так рада видеть его! Ведь это он? Это Кан?»

«Это он»

И я с трудом удержалась, чтобы отвести взгляд от такого родного незнакомца.

– Нахалка, ты хочешь попросить прощения? Может, я тебя помилую, – губы короля растянулись в язвительной усмешке, – Может.

– Я всего лишь хотела, чтобы вам передали мои слова, мой король, – почтительно поклонилась.

– Об этом уже позаботились.

– Полагаю, вам передали не то, чего должны были передать. Я никого не просила восставать против вас, говорила лишь о том...

– Никто никого не призывает восставать. Мятежи происходят лишь из-за каких-то ничтожных недоразумений, – ядовито сказал Ростислав, поигрывая медальоном из кроваво-красного камня в форме когтя. – Всегда одна и та же история.

– Прошу вас, выслушайте, мой король! Меня оклеветали!

– Как будто я обязан вас всех выслушивать! – поморщился молодой мужчина. – Все могут приводить воинов, сыпать яд в мою еду, прокрадываться с кинжалами в спальню – и почему-то их всех нужно выслушивать. Почему-то их ещё нужно отпускать, чтобы они опять возвращались, – он как-то хищно ухмыльнулся. – Не дождётесь! Пока трон мой – решать, как с вами поступать, мне. Особенно, когда вы сами приходите мне в руки.

Наши глаза встретились, взгляды столкнулись, как мечи. Ох, так же ничего не добьюсь, надо его переубедить. Понимаю, его другому не учили, ему ни словом, ни намёком не сообщали, что можно быть иным. Он устал, боится, замёрз от холода, сопровождающего его.

Дай же согреть тебя, дай рассказать о другой жизни! Вокруг меня её свет, вечное море, коснуться которого дано и тебе...

Король не заметил свет, лениво отвернулся, зевнул:

– Она мне надоела. Эй, кто-нибудь, перережьте ей горло.

Кан сразу же шагнул вперёд:

– Я избавлю вас от неё.

У меня на миг потемнело в глазах. Неужели, он появился здесь только для этого?! Но... за что?! Он хочет убить меня? И с таким спокойным лицом предлагает это моему врагу?!

«Он хочет отправить тебя к Роману и Эндарсу, притворившись, будто тебя сожжёт, – сообщила Мириона, – А оттуда ещё куда-нибудь, подальше»

Так, значит, Кан вернулся?!

«И счёл, что у тебя в голове помутилось, раз ты полезла мирить тех, кого соседи давно уже зовут Враждующими странами»

Значит, он тоже против меня.

«Против твоей мечты. Но, впрочем, времени на раздумья нет. Ты к ним или со мной?..»

Если я вернусь домой, то Роман меня запрёт. Надолго. В подвале явно, так как и в Дубовом городе меня в лицо видели, а король вообще велел казнить. И маги будут меня караулить. Эндарс так точно. И опять мне ничего не удастся! Ох, могла бы я сбежать от них, вместо того, чтобы безуспешно объяснять, что случилось на самом деле!

«А если ты будешь жалеть, что не договорила с Ростиславом или что сбежала от Кана?»
«Ростислав вообще не хочет со мной разговаривать. Помоги, прошу!»

Меня окружило пламя. За два удара сердца накрыло с головой. Казалось, вот-вот задохнусь дыма или боли. Но его пламя не обжигало, лишь сильно грело. По лбу скатилась капля пота.

«Ты правда не хочешь увидеть брата и Эндарса?»
«Я хочу мира во Враждующих странах! Помоги!»

Непривычное чувство, такое, какое бывает только во сне: я сливаюсь с лёгким ветром, таю, рассыпаюсь и растворяюсь в окружающем мире. Какие-то мгновения снова вижу зал, вижу, как исчезает вспыхнувший огонь, как нервно сжимает подлокотники трона молодой король, как испуг в его глазах сменяется виной. Лица окружающих его расплываются, успеваю лишь запомнить взгляд любимых серых глаз. Затем начинаю видеть вместе с ней.

Теперь для нас нет иллюзий, мы отличаем правду от лжи. Непонятно лишь, почему Кан раздвоился. Хотя... нет, Кан один. Только тот второй эльф на него чем-то похож.

О, какой полёт! Я свободна, бесконечна, лечу в небе и вижу столько всего красивого подо мной! Только меня никто не видит! Как это похоже на сон...

Очнулась, когда моя спина намочка. Лежала на влажном мхе, на колючей хвое, где-то в тёмном лесу. Скрипели деревья. Дул холодный ветер. Осознание того, чего натворила, сменило прекрасное чувство полёта и единства со всем миром. Не следовало бояться недоверия, можно было им доказать, пусть и не сразу, через много дней, но сказать! Увы, теперь Романа и Кана рядом нет. Может, они возненавидят меня за моё упрямство и очередной побег. Может... или простят меня когда-нибудь?.. Может, кто-то из них простит меня когда-нибудь? Кан?.. У него тоже была опасная мечта. Или хотя бы Эндарс? Ну, хоть кто-то?..

Впрочем, хватит ныть, Алина. Надо идти дальше. Выполнять мечту, тем более, что сам мир на моей стороне и будет чем-то мне помогать. И... если мы с братом, Каном и Эндарсом больше не встретимся, если они возненавидят меня за упрямство, за мой побег, виновата буду только я со своей мечтой. Но я сама выбрала такой путь. Я сама всё это выбрала. А потому, что толку мне роптать?..

Ни единой слезинки не позволила себе уронить с тех пор, как убежала из дома, а теперь не смогла удержать ни первую, ни вторую, ни третью.

«Но почему он оказался там, Мириона? Почему там был мой любимый?»

«Он пришёл, чтобы спасти тебя. Услышал слухи, что к Ростиславу везут какую-то сумасшедшую девицу, устроившую мятеж в Среднем городе, предположил, что это ты – и решил подобраться к королю поближе, чтобы было больше шансов тебя спасти»

Выходит, Кан всё-таки вернулся, обнаружив мой уход, искал меня, а выяснив о том, что меня поймали, желал спасти. А я сбежала от него. И просила Мириону, чтобы никто не нашёл меня, если не захочет помочь исполнить мечту. Какая я корыстная, глупая! К чему теперь просить мир что-то изменить? Мириона предупреждала, что буду жалеть, но я не послушалась. Да и сможет ли мой любимый простить меня, понять меня? И имею ли право плакать? Раз хотела идти к мечте, значит, и иди к своей мечте, Алина. Стерпи боль, ведь ты сама её выбрала. Стерпи непонимание, ведь ты не желала дать им время тебя понять. И не плачь: твои слёзы ничего не изменят. Твой путь будет нелёгким. Тебе придётся вынести все падения, все ушибы.

Поднялась, утёрла слёзы.

«Что за лес окружает меня, Мириона?»

Она назвала.

«Но я не слышала о таком!»

Чуть помолчав, Мириона уточнила:

«Ты сейчас в Новодалье»

У меня ноги подкосились.

«Я... в Новодалье?! У этих?..»

Она степенно пояснила:

«В Светополье тебя искать будут. Особенно, в ближайшие дни. К тому же, легче всего было переместить тебя сюда»

Кричать, что в Лысегорье, протянувшееся за Эльфийским лесом, или в Многогорье, укрытое за Лысегорьем, я отправилась бы с большей радостью, чем к врагам в Новодалье, я постыдилась. Хотя, думаю, она это всё заметила.

«Я понимаю, что ты боишься, – грустно добавил мир. – Но, вообще-то, Враждующих стран целых три. Можно начинать с любой»

«Но здесь мои враги!» – возмутилась я.

«С такими мыслями ты их не помиришь»

Вначале я на неё обиделась. Но, чуть погодя, поняла, что она права. Считая их врагами и проявляя ненависть, я ничего не добьюсь. Да и... и правда, мне опасно сейчас лезть в светопольские города, особенно, где меня уже знают. Вот только, что делать с моей одеждой? Ведь я одета как светополька.

«Неподалёку есть растение, соком которого здесь красят ткань» – Мириона не выразила ни малейшего недовольства моим переменчивым настроением.

«Ещё бы ниток, вышивку на платье сменить»

«Там лишь пару веточек нужно срезать, я тебе камень покажу острый»

«Пару веточек? Но ведь у меня вышивка светопольская!»

«Между нами говоря, новодальская вышивка простонародья не сильно отличается от светопольской»

«Погоди, а рукава?.. На моём верхнем платье они широкие и по локоть, а у них поуже носят, до запястья. Да меня же сразу раскроют, по покрою платья!»

Помолчав, Мириона сама предложила:

«Одень нижнее платье наверх – оно с узкими рукавами, как у новодальек. И они разные нижние платья носят, такие тоже»

Выглядеть будет очень просто. Но и в глаза бросаться не буду. Только... рукава! Рукава широкие будут заметны под узкими, набухшими. Как бы ни догадались новодальцы. Вот зачем, спрашивается, я к ним припёрлась?!

Уныло растянулась по земле. Мир меня легонько травинкой погладил по щеке.

А! Или рукава верхнего платья оторвать?

«Без рукавов нижние платья тут тоже носят»

А вышивку, увы, придётся срезать. Жаль, что у меня в тюрьме сумку отобрали: там нитки и иголки были. Да, впрочем, в моём положении глупо привередничать.

Мир траву для покраски ткани нижнего платья посоветовал. То есть, уже верхнего.

К счастью, никто не подошёл из людей, пока я переодевалась, траву мяла камнем, платье в соку вымачивала, сушила, оделась уже в покрашенное. Разве что птицы летали, да звери бегали мелкие. Наверное, мир помог.

Было непривычно вместо привычного мягко-белого платья, с вышивкой красной, одеть зеленоватое. Вышивки своей срезанной было жаль. Но мир уверял, что теперь я похожа на новодальку. И что косы их девушки заплетают как мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.